

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №9 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 122.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Ф. Бекметов О РУССКОЙ КЛАССИКЕ В ПЕРЕВОДАХ НАКИ ИСАНБЕТА 7

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Н.Л. Голикова, А.В. Лебедева, И.И. Файзуллина МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ А. ЕТОЕВА «АКУАКА» 15

М.А. Дубова, Е.А. Ивашевская ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЁВОЙ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ФЕТОВСКИХ ТРАДИЦИЙ 18

А.А. Краснаярова «ТРАГИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ» В ПОЭЗИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ 1920–1930-Х ГГ. 21

В.Ю. Новикова ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА РОМАНА В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ» 26

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

И.А. Еникеев, Ф.Х. Миннуллина ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТАТАРСКИХ СТИХОТВОРНЫХ ТРАГЕДИЯХ 20 ВЕКА 29

С.А. Ржанова, Исмаел Хадеер Камил Исмаел ИСТОКИ МАССМЕДИЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАКА 32

Е.Т. Чамзырын НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ «ШОРААН» Ч. КУУЛАРА 35

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

О.А. Астафьева, А.В. Блохин, Т.А. Колоскова, Е.П. Филиппова ЛОКАЛЬНО – СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 39

Л.К. Байрамова РУССКАЯ, АНГЛИЙСКАЯ, НЕМЕЦКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О ЧУЖБИНЕ И ОТЧУЖДЕНИИ 42

Ю.Ю. Балацкая ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО СУБПОЛЯ "ВНИМАНИЕ КАК СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА" 46

М.Г. Воднева, Т.С. Кондратьева ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т.ТОЛСТОЙ) 49

Е.В. Меркель, Л.А. Яковлева ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ 52

В.В. Радченко, Е.В. Тарабукина ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ 56

И.В. Уткина РУССКО-АРАБСКИЕ КОГНАТЫ В СИСТЕМЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОЙ 59

Г.Р. Фахарова ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 62

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Н.В. Аксёнова ДЕОНИМИЗИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ В НЕОЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 65

<i>О.Ю. Богданова, В.Н. Бабаян, О.Л. Крамаренко</i> ЗАГЛАВИЕ И ЗАГОЛОВОК С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ДИКТЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА И ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ	68
<i>К.А. Сахибуллина</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ЭРГОНИМОВ	71
<i>И.В. Уварова, А.М. Бальян, И.А. Борисенко</i> УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	74

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Ч.З. Абдуллина</i> ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ДВУЯЗЫЧИЕ»	77
<i>Г.Ф. Гайнуллина, Б.К. Миннуллин</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -УВ В ТЕКСТАХ СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ	80
<i>Г.В. Галавова, А.Н. Гарипова, Л.Р. Закирова</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ БАДМИНТОНА)	83
<i>О.Н. Галимова, И.И. Сабитова, Ф.И. Тагирова</i> О ТОЛКОВАНИЯХ СОМАКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)	86
<i>А.Н. Гарипова, В.В. Теганюк</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	89
<i>М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбаикова</i> КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ «ART/ИСКУССТВО/КЭРЭ-ЭЙГЭТЭ» И «NOTE/НОТА/НУОТА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ	92
<i>С.Б. Какваева</i> ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАКСКОГО ГЛАГОЛА	95
<i>Б.К. Миннуллин</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -ДУQ В ТЕКСТАХ ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ АРАБОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА	98
<i>Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова, Л.Х. Шаяхметова</i> АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В ТЮРКОЛОГИИ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ)	101
<i>Е.Ю. Семушина</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНО ИЗМЕНЕННОЙ ПОСЛОВИЦЫ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	104
<i>Г.Л. Соколова, А.Л. Коляго</i> ПОВТОР КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	107
<i>А.Я. Хусаинова, Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова</i> ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ	111

АННОТАЦИИ

114

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Ch.Z. Abdullina</i> ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "BILINGUAL"	77
<i>G.F. Gajnullina, B.K. Minnullin</i> THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE -YB PARTICIPLE IN OLD-TATAR WRITTEN MONUMENTS	80
<i>G.V. Galavova, A.N. Garipova, L.R. Zakirova</i> SPORTS FORMATION STRUCTURE OF SPORTS TERMINOLOGY (ON THE EXAMPLE OF BADMINTON'S TERMS)	83
<i>O.N. Galimova, I.I. Sabitova, F.I. Tagirova</i> ABOUT TERMS INTERPRETATIONS OF COMPONENTS WITH NAMES OF BODY PARTS	86
<i>A.N. Garipova, V.V. Teganiuk</i> LANGUAGE GAME IN WORD FORMATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)	89
<i>M.A. Degtiareva, M.I. Kysylbaikova</i> THE CONCEPT "MUSIC" IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF ENGLISH, RUSSIAN AND SAKHA NATIVE SPEAKERS THROUGH THE STIMULUS WORDS "ART" AND "NOTE"	92
<i>S.B. Kakvaeva</i> FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF THE LAK VERB	95
<i>B.K. Minnullin</i> FUNCTIONING OF THE -DYQ PAST PARTICIPLE IN THE TEXTS OF THE TATAR-LANGUAGE ARABIC SCRIPT PERIODICAL PRESS OF THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY	98
<i>F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova, L.Kh. Shayakhmetova</i> ABSTRACT NOUNS (IN THE TURKIC AND TATAR LINGUISTICS)	101
<i>E.Y. Semushina</i> PECULIARITIES OF TRANSFERRING INSTANTIAL PROVERBS FROM RUSSIAN TO ENGLISH	104
<i>G.L. Sokolova, A.L. Kolyago</i> REPETITION AS A STYLISTIC FIGURE OF SPEECH EXPRESSIVENESS IN COMPLEX SENTENCE IN THE MARI LANGUAGE	107
<i>A.Ya. Khusainova, F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova</i> PHONETIC AND LEXICAL FEATURES OF TATAR MIGRANT DIALECTS OF THE IRKUTSK REGION	111
ABSTRACTS	114

10.01.01

Р.Ф. Бекметов д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Казань, bekmetov@list.ru

О РУССКОЙ КЛАССИКЕ В ПЕРЕВОДАХ НАКИ ИСАНБЕТА

В статье рассматривается переводческая деятельность Наки Исанбета. В качестве материала для анализа были взяты его переводы произведений русской классической литературы, в частности, отдельные фрагменты из переводов «Бахчисарайского фонтана» и «Полтавы» А.С. Пушкина. Были затронуты вопросы культурно-идеологического контекста обращения к русской классике, технического новаторства в сравнении с предшественниками, а также проблемы, связанные с принципами переводческой работы мастера. Важными составными элементами стиля Наки Исанбета как переводчика являются точность в передаче смыслов оригинала, соответствие нового, переводного текста нормам родного (татарского) языка, его эстетическим приемам, глубина проникновения в воображаемый мир русской словесности. Тема, без всякого сомнения, требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Наки Исанбет; русская литература; татарский язык; художественный перевод; сравнение и сопоставление; смысловые трансформации.

Среди обширного творческого наследия Наки Исанбета (1899–1992), татарского писателя, драматурга, фольклориста, особенное место занимают литературные переводы. Об этой грани его деятельности хорошо известно, однако ее научно-филологическое осмысление носило и, увы, до сих пор носит весьма спорадический характер, далекий от какой бы то ни было системности: ведь мало указать на тот или иной перевод Н. Исанбета в аспекте простой фактографической констатации, как порой делается, – важно понять, какой художественной стратегии он придерживался, воссоздавая образ чужой культуры средствами родного языка, в каком социально-историческом контексте осуществлялась его работа, в чем заключались принципы отбора материала для перевода и, наконец, как обозначалась авторская новизна. Разумеется, в полной мере охватить эту проблематику в границах небольшой статьи не представляется возможным. В истории татарского перевода (которую, к слову, еще предстоит написать) Н. Исанбет – исключительная фигура и веха; отсюда – для наиболее целостного изучения темы понадобилось бы привлечь разные источники, начиная с рукописного фонда автора, чтобы можно было в деталях проследить эволюцию замысла переводчика (а замысел, пусть неосознанно, всегда существует), технику его «обработки» оригинала в самом конкретном лексико-семантическом и коммуникативно-синтаксическом ключе, и заканчивая общим обзором состояния переводческого дела у татар Волго-Уралья, в том числе того периода, когда Н. Исанбет стал переводить сочинения иноязычных писателей. Наша цель куда более скромная: она состоит в том, чтобы показать, какие основополагающие подходы использовал Н. Исанбет в процессе передачи смыслов русского образно-литературного слова на татарский язык.

Строго говоря, Н. Исанбет занимался переводами шедевров мировой литературы – не только русской, но и западной и восточной, причем в последних случаях он обращался к подлинникам. Это была сознательная установка Н. Исанбета – наследника традиций начала XX века, эпохи культурного подъема татарской нации. Так, в биографических указателях подчеркивается, что перевод шекспировского «Гамлета», выполненный Н. Исанбетом в 1940-е годы, предварялся специальным изучением английского языка [15, с. 613], чтобы

появились условия для не опосредованного русской переводной копией более тесного и выверенного диалога со всемирно известным драматургом и текстом, им написанным. Путь по тем временам был выбран отнюдь из не легких, что, между прочим, без ложного пафоса характеризует Н. Исанбета как поистине «эпического» труженика, отчетливо осознававшего собственную задачу и честно, упорно осуществлявшего ее, вопреки многочисленным «тактическим» препятствиям. Отметим, что в эпоху Н. Исанбета был распространен и в практических формах ускоренно воплощен в жизнь взгляд, согласно которому нерусские народы Советского Союза (у татар с начала мая 1939 года использовался кириллический алфавит) должны были знакомиться с образцами мировой художественной словесности в переводах с русского, а не с иностранного языка, из вторых рук. Преподавание иностранных языков тогда было довольно «схоластичным», грамматико-ориентированным, мало и плохо связанным с практикой живого общения, так что сегодня с основанием можно говорить о функционировании своего рода «советского диалекта» английского, немецкого, французского языков. По сути, экспериментально был создан «внутренний» иностранный язык, книжно-письменный по природе и домашний по сфере употребления, продукт государственного изоляционизма. Естественно, в таком «усеченном», «огороженном» виде языки осваивались крайне неудовлетворительно. Русская переводческая школа была представлена именами поэтов и прозаиков, которые владели языком – не только вследствие несомненного лингвистического таланта, но зачастую и потому, что имели уникальную возможность (как, например, С.Я. Маршак, К.И. Чуковский или М.Л. Лозинский) в молодые годы бывать за границей, видеть и познавать другой мир. Н. Исанбет, как многие советские татарские переводчики, за исключением, пожалуй, Шарафа Мударриса, который, будучи участником Великой Отечественной войны, волею судьбы оказался в Европе, такой возможности не имел (в начале XX века татарские поэты, сыновья состоятельных купцов, напротив, посещая страны Западной Европы, имели обыкновение привозить иностранные книги и переводить их дома, не прибегая к помощи языков-посредников). Нет необходимости доказывать, каких невероятных усилий требовалось татарским переводчикам для правильного понимания смысловой стороны оригинала. Махмуд Максуд, переводя повесть Р. Роллана «Кола Брюньон» с французского, обращался с просьбой в разъяснении отдельных мест к М.Л. Лозинскому: оба являлись членами Союза писателей. Обращался ли к последнему Н. Исанбет во время работы над «Гамлетом», мы точно сказать не можем. Сравнение двух переводов трагедии, русского и татарского, говорит о некоторых расхождениях: разделяя суждения М.Л. Лозинского о переводе, Н. Исанбет шел своей дорогой, на которой учитывались законы родного, татарского языка (см.: [1]).

Из фонда русской литературы он продуктивно переводил классику XIX века, ее первую, «золотую» половину. Библиография этих переводов невелика: она включает двух авторов и четыре сочинения. Вот имена и произведения русских писателей, которые были переведены Н. Исанбетом:

1) А.С. Грибоедов: комедия «Горе от ума» [5; 6];

2) А.С. Пушкин: поэмы «Бахчисарайский фонтан» [8; 9] и «Полтава» [10; 11], трагедия «Каменный гость» [12; 13; 14].

Разберем вкратце переводы двух пушкинских поэм – «Бахчисарайского фонтана» и «Полтавы». Драматургические переводы из А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина нуждаются в несколько обособленном рассмотрении, ибо в них воплощается особая, сценическая логика изображения действующих лиц и предметов, которую Н. Исанбет, искушенный ценитель театрального искусства, прекрасно знал и приемами которой пользовался; мы их здесь рассматривать не будем.

Итак, знаменитые поэмы А.С. Пушкина...

Факт их перевода на татарский язык был обусловлен двумя основными обстоятельствами: социальным заказом и внутрилитературной ситуацией.

В самом деле, в 1937 году в Советском Союзе с размахом отмечалась 100-летняя годовщина гибели А.С. Пушкина. Как почти всякое явление той жизни, это событие включало твердую идеологическую составляющую с элементами характерного для эпохи сталинского мифотворчества: А.С. Пушкин признавался едва ли не единственным поэтом на небосклоне классического столетия (для пролетарской культуры аналогичную роль играл В.В. Маяковский), хотя объективная интерпретация пушкинского мифа требовала, среди прочего, учета значения европейской (западной) культурной почвы, на которой поэт только и мог возникнуть как явление грандиозного «скачка», «ускоренного развития» русской словесности. (Это, кстати, указывает на многовекторную, поливариативную природу русской классики, исключаящую однобокий монологизм идей и стиля. Разве не в одном по масштабу ряду с А.С. Пушкиным располагается Ф.И. Тютчев, чья оригинальная лирика нашла полноценный отклик в начале XX века, а ее автор в статьях того времени был охарактеризован как предтеча символизма, «российский Гете»?). Таков был общесоветский тренд – выделять одну яркую фигуру эстетического процесса и называть ее выразителем всенародных чаяний (идеалов и надежд). Это правило относилось как к русской литературе, так и к литературам народов СССР: в украинской культ пропагандируемой и общественно поощряемой любви вобрал Тарас Шевченко, в казахской – Абай (Ибрагим) Кунанбаев и Джамбул Джабаев, в татарской – Габдулла Тукай [4] (в послевоенные годы – Муса Джалиль), в туркменской – Махтумкули, список можно продолжать... Их издавали в огромных по современным меркам тиражах как в популярных, так и в академических сериях, переводили на многие языки мира (закономерно, что все переводы Н. Исанбета из А.С. Пушкина были опубликованы именно в 1937 году), о них писали индивидуальные статьи, им посвящали коллективные монографии – словом, мощная идеологическая машина, не считаясь с материальными и финансовыми затратами, создавала фабрику по производству «сакральных» смыслов, и переводчики принимали в ней самое деятельное участие. Не был исключением и Н. Исанбет.

(Необходимо пояснить, что писатели, которых подвергали переводу, бесспорно, заслуживали восхвалений. Кто будет спорить с тем, что А.С. Пушкин – «наше все»? Проблема заключалась в том, что, выводя на первый план одну личность по признаку народного происхождения или сочувствия народным массам, советская идеология упрощала культуры, насчитывавшие не одно столетие своего существования. Да, Г. Тукай велик, однако, помимо него, татарская литература обладала глубинным, элитарным, аристократическим по духу вектором движения в лице Дэрдемэнды, которой был зачислен в разряд ненавистных «национально-буржуазных элементов», то есть «социально чуждых». М. Джалиль вошел в пантеон советских героев, благодаря чему его творчество получило предельно позитивную оценку. Между тем неприятное знакомство с ранними произведениями поэта убеждает, сколь оно еще не совершенно в сравнении, допустим, с «Моабитскими тетрадами» – плодом действительно духовного напряжения и волевых усилий на краю трагической гибели. Да и попытка советской власти искусственно взрастить поэта с заданной тематической линией, ориентированной на злободневные общественные проблемы, как это произошло в случае с Джамбулом (многое из написанного этим степным акыном, как ныне выясняется, по праву авторства ему не принадлежит; большинство его текстов создавалось сначала бригадой русских поэтов средней руки в стиле обычных казахских песнопений, а затем перелагалось Джамбулом на родной язык по сжатым пересказам-разъяснениям людей из его ближайшего окружения; все это выдавалось за переводы с казахского [2]), не может не наводить на вопросы достаточно конкретного свойства).

С другой стороны, отношение к гению А.С. Пушкина в среде татарских интеллектуалов было самым трепетным, начиная с первого знакомства в конце XIX – начале XX века. Существовала своеобразная татарская пушкиниана, представленная, в первую очередь, переводами произведений А.С. Пушкина, вольными переложениями его стихов; сложился культ татарского почитания вершинной русской классики, появление которого стало

логическим ответом на духовно-религиозные установки джадидизма, внедряемые в новометодных школах (русский язык признавался языком высокого просвещения, благодаря которому открывались двери в науку, сферу искусства и государственную жизнь). Безусловно, на перевод брали не все – лишь то, что было близким по признаку отображаемых в произведении культурно-географических и религиозных реалий. Так, из М.Ю. Лермонтова предпочитали переводить либо турецкую сказку «Ашик-Кериб», либо «Бэлу», нарушая при этом целостность романа и пренебрегая другими повестями в составе «Героя нашего времени»: судьба молодой и неопытной княжны-мусульманки, сочувственно описанная русским поэтом, не могла не вызвать пристального интереса, который лежал в плоскости грустных сентиментальных раздумий о женской доле (примечательно, что из Н.М. Карамзина переводили «Бедную Лизу», произвольно меняя имена персонажей, сюжетные ходы и обстановку, отатаривая их, приспособливая к родной, обжитой реальности); из Л.Н. Толстого – кавказскую повесть «Хаджи-Мурат» с ее этически окрашенной патетикой гордого и бескомпромиссного сопротивления всякой власти. Их переводили многократно, с удовольствием, а мелкоформатные книжки-брошюры расходились быстро, и стоили они недорого. Так что Н. Исанбет переводил любимого всеми татарами А.С. Пушкина не без оглядки на предшественников.

«Полтаву» он, по-видимому, перевел по заказу через редакторский отбор: во-первых, установившийся идеологический монизм 1930-х годов располагал к монументальной трактовке русской истории, ее и нужно было транслировать нерусским народам СССР, а во-вторых, в планы национальных отделений Союза писателей СССР входила задача планомерного, широкомасштабного ознакомления с русским поэтом, и эта задача включала публикацию ранее не переведенных на татарский язык сочинений А.С. Пушкина. Что касается «Бахчисарайского фонтана», то до Н. Исанбета эту южную поэму переводили, более того – не могли не перевести, поскольку объектом изображения тут был Крым, исторические связи с которым восходили у волжских татар к началу образования Казанского ханства после распада Золотой Орды и пик которых пришелся на время пребывания представителей династии Гиреев на казанском престоле («крымская партия»).

Пушкинскую поэму в 1899–1900 годах перевел Мухаммад-Салим Уметбаев, а издана она была в частной типографии Б.Л. Домбровского в Казани после проверки и выдачи специального цензурного разрешения из Санкт-Петербурга, датированного 27 ноября 1900 года [7]. На обложке издания поэмы перед именем и фамилией переводчика располагается – как единица маркированного ряда – слово «башкир» («мөтәржемә: *башкорт* Мөхәммәдсалим Өмөтбаев»).

(Уметбаев Мухаммад-Салим Ишмухаметович (1841–1907) – известный башкирский просветитель, поэт, переводчик, филолог, этнограф, общественный деятель, член Оренбургского отделения Русского географического общества, а также комиссии по официальному празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, входил, кроме того, в состав Крымской комиссии Министерства внутренних дел России по вакуфным (в исламе – имущественным) делам. О нем и его творчестве, научном и литературном, см.: [16, с. 5–62]).

Целесообразно теперь сравнить избранные строки из двух переводов «Бахчисарайского фонтана». Возьмем один отрывок – начало (зачин) пушкинской поэмы, в котором показан Гирей – глава могучего государства.

Перевод С. Уметбаева на язык тюрки – адаптивный, встраивающийся в поэтику классического тюрко-татарского (шире – восточного) стихосложения. Строки делятся на полустишия, чаще используется парная рифмовка, в том числе внутри полустиший, для поддержания легкости в ритмическом рисунке. Стиль текста построен на разъяснении эпизода (при нарушении линейных соответствий: так, 11 строка оригинала – это 6 строка перевода). Пушкинский зачин содержит романтическую загадку: поэт воссоздает картину молчания во дворце, вызванную волнением Гирея. О причине этого состояния во фрагменте ничего не сказано: автор окутывает повествование туманом, пеленой тайны; путем набора риторических вопросов в третьей строфе он заставляет читателя размышлять (и вместе с ним

раздумывает сам) о том, чем могла быть вызвана «сумрачность» хана – «горделивого повелителя» («Что движет гордою душою? / Какою мыслью занят он?..»). Татарский переводчик следует за автором, но вносит изменения; скажем, чтобы выделить в образе хана черту властности, он определяет его руку как «внушительную» («*məhabət kulı*»), хотя в оригинале взмах ладони отражает, скорее, раздраженность Гирея. Отметим, что в переводе С. Уметбаева отсутствует эпиграф из «Бустана» Саади, и это по меньшей мере странно не только оттого, что любой внесюжетный элемент – часть идеи и замысла, но и потому, что Саади – лирик, о котором переводчик осведомлен; мало того, он мог воспринимать поэму в качестве отклика на темы персидской литературы – включение цитаты из Саади возвысило бы А.С. Пушкина в глазах татарских читателей дополнительно, приблизило бы к ним.

Таблица № 1

А.С. Пушкин. «Бахчисарайский фонтан»	Перевод Салима Уметбаева (1900) («Багъчасарай фонтаны»)	Перевод Наки Исанбета (1937) («Бакчасарай фонтаны»)
1. Гирей сидел, потупя взор;	1. Ултырып (утыра. – <i>Р.Б.</i>) Багъчасарайда (Бахчасарайда), / Түбән карап Гэрэй хан.	1. Гэрэй утыра иде карап түбән,
2. Янтарь в устах его дымился;	2. Авыздагы янтарьдан / Уйнадыр (уйната. – <i>Р.Б.</i>) иде дэхан (төтен. – <i>Р.Б.</i>);	2. Хур-хур төти иде авызында;
3. Безмолвно раболепный двор	3. Яранлары (иптэшләре, дуслары, булышчылары. – <i>Р.Б.</i>) хоп-хомуш (тып-тыныч. – <i>Р.Б.</i>) / Чурэ яларын лəмыш (түгэрəклəп урын алганнар. – <i>Р.Б.</i>),	3. Якыннары колдай башын игән,
4. Вкруг хана грозного теснился.	4. Гэрчə сарай фəрагатъ (тынлык, ял. – <i>Р.Б.</i>), / Ханның йөзе саргаймыш.	4. Сыенып дəшшəтле хан алдында.
5. Все было тихо во дворце;	5. Кылды Гэрэй мəhabət / Кулы илə (белəн. – <i>Р.Б.</i>) ишарəт,	5. Бар да тып-тын иде бу сарайда;
6. Благоговей, все читали	6. Халкы тышкары (тышка ук. – <i>Р.Б.</i>) чыгып, / Кылды тəгъзим изəгатъ (буйсынып хөрмəт. – <i>Р.Б.</i>).	6. Зурлап аны ихлас күнəлдəн,
7. Приметы гнева и печали	7. Ялгыз калып сарайда, / Шəп тын ала күкрəге.	7. Ачу, кайгы эзен алар бар да
8. На сумрачном его лице.	8. Газаплы баш тулкының / Басыр имде (инде. – <i>Р.Б.</i>) йөрəге.	8. Укый аның сүнгən йөзеннən.
9. Но повелитель горделивый	9. Болыт та шулай беленер, / Сəясында (яннарында. – <i>Р.Б.</i>) күренер,	9. Лəкин мəгърур хаким түзмəде,
10. Махнул рукой нетерпеливой:	10. Пыялага кыелса, / Гəксə (чагылып. – <i>Р.Б.</i>) беленер рəңле (төрле төстəге. – <i>Р.Б.</i>) нур.	10. Кулын гына селтəп жибəрдə,
11. И все, склонившись, идут вон [3, с. 48].	11. Горурлыкмы ханынга? / Дəште (тəште. – <i>Р.Б.</i>) сəүдə (уй-телəк. – <i>Р.Б.</i>) жанына [7, с. 2], см.: [16, с. 170].	11. Бар да иелəп тышка тотты юл [11, с. 63].

У Н. Исанбета – не так. Он находится в другом культурно-историческом контексте, где вольность в передаче картин если не преодолена, то поставлена под сомнение. Принцип один – изложить описание бережно, затушевывая себя как личность с творческим кругозором. На первом, главном плане – А.С. Пушкин, его образное высказывание. Этим продиктовано

отсутствие парной рифмовки и ее соответствие авторской, пусть и не полное (АБАБВГГВДДЖ – в оригинале, АБАБВГВГДДЖ – в переводе). Отсюда же – каждая строка перевода совпадает по значению со строкой подлинника. Тут, далее, и точность словоупотреблений: «раболепный» – «колдай башыи игән», «... все читали / Приметы гнева и печали» – «Ачу, кайгы эзен алар бар да / Укый...» (приметы на лице читаются так, как распознаются смыслы книги), «Махнул рукой» – «Кулын гына селтәп жиберде», «... идут вон» – «Бар да... тышка тотты юл» (разрядка моя. – Р.Б.). Подобная точность не отменяет свободных прочтений или неверных – в нюансах! – трактовок. Напротив, они предполагаются – либо в дозированном виде, либо в порядке элементарной случайности (и у крупных мастеров она бывает!). В подлиннике «лицо (хана)» – «сумрачное». В переводе произошло заметное смягчение: у Н. Исанбета «лицо» приобрело «потухшие», «угасшие» черты («сүнгән йөзе», ср. «сүнгән йолдыз») – знаки обессиленности, усталости, упадка душевных и физических сил, чего у А.С. Пушкина как раз нет. Не правильнее было бы выбрать иной, более подходящий эпитет: «(йөзе) караңгылаган» (хан погружен в тягостные думы, жизнь окружающего мира не привлекает его, и лицо отныне – «чернее ночи», «чернее мрака», «чернее тучи»)? В то же время назвать выбор лексемы у Н. Исанбета грубейшей ошибкой нельзя: «сумрак» – это когда день клонится к закату, нет света, солнце пропадает за горизонтом, гаснет, потухает, и приходит ночь. Н. Исанбет воспринял пушкинский эпитет излишне прямолинейно: мрак у него – не наступление тьмы, а исчезновение света. Здесь, конечно, важны оттенки по критерию совпадения / несовпадения с оригиналом. И все же это не настолько выделенный случай, чтобы ставить переводчику в вину искажение авторского слова. В целом текст отображен вдумчиво: А.С. Пушкин остается равным себе, несмотря на то что его читают по-татарски.

Из всех сцен «Полтавы» уместно остановиться на кульминационном месте поэмы – эпизоде боя между русскими и шведами – и посмотреть, как трансформируются смыслы подлинника в переводе Н. Исанбета.

Таблица № 2

А.С. Пушкин. «Полтава»	Перевод Наки Исанбета (1937)
1. И грянул бой, Полтавский бой!	1. Полтава сугышы күкрәде!
2. В огне, под градом раскаленным,	2. Утлы яңгыр, ялкын эчендә,
3. Стеной живою отраженным,	3. Жанлы койма бәргәч кирегә,
4. Над падшим строем свежий строй	4. Авып калган сафлар өстенә
5. Штыки смыкает. Тяжкой тучей	5. Яңа сафлар килеп менде дә
6. Отряды конницы летучей,	6. Штык сузды берсе-берсенә.
7. Браздами, саблями звуча,	7. Атлы гаскәр чапты агылып,
8. Сшибаясь рубятся с плеча.	8. Авыр болыт кебек узып бары,
9. Бросая груды тел на груду,	9. Тезгеннәре, шырап кылычлары,
10. Шары чугунные повсюду	10. Кисешәләр бәрелеп, абынып.
11. Меж ними прыгают, разят,	11. Тәннәр өеп тәннәр өстенә,
12. Прах роют и в крови шипят.	12. Чуен шарлар һәммә урында,
13. Швед, русский – колет, рубит, режет,	13. Ыргый, кисә, алар эчендә
14. Бой барабанный, клики, скрежет.	14. Туфрак казып, канда сызгыра.
15. Гром пушек, топот, ржанье, стон,	15. Суеша швед һәм рус, кисеш, кырылыш,
16. И смерть, и ад со всех сторон [3, с. 120].	16. Барабаннар, чыр-чу, ул кычкырыш.
	17. Кешнәү, иңрәү, яңрый тояк, туп,
	18. Һәммә яклап үлем һәм тәмуг [11, с. 52–53].

Бой у А.С. Пушкина – это хаос стихий, коловращение боли и безмерного страдания. В битве осуществляется торжество огненного первоэлемента. Так, мы видим, что «шары чугунные», разя по сторонам и роя глубокие воронки, соприкасаются с телами, чтобы там – «шипеть в крови». «Шипит», как правило, раскаленный докрасна металл в кузнице, когда умелый мастер погружает его в котел с холодной водой для остужения. Но в конкретном

случае горячий чугун натуралистично охлаждается кровью – заменой воды в мире русской равнинной топки. Изображая бой-резню, поэт перемещает эстетический взор в убыстренном темпе от предмета к действию, в речевом выражении он смешивает существительные и глаголы. Пушкинская война есть пластика телесной мешанины, водоворота, бушевания чувств, беспорядочного, лавинообразного трения. Поэт улавливает возвышенно-ужасную мелодику войны, она его страшит и восхищает.

Н. Исанбет слышит эту тонкую амбивалентную ноту, поэтому основное внимание он уделяет не подбору лексических единиц, а фонетическому оформлению строк. Картинам нарастания противоборства солирует аллитерационное увеличение глухих ([к], [h]): «*қисешләр*», «*қанда*», «*қазып*», «*кешнәү*», «*һәммә*», «*һәм*», вибрирующих ([р]): «*авыр*», «*тәннәр*», «*ыргый*», «*барабаннар*», «*яңрый*», шипящих ([ш], [ч]): «*шарлар*», «*кисеш*», «*кырылыш*», «*кычкырыш*», «*шыңрап*», «*чыр-чу*». По количеству строк – несовпадение (в переводе на две больше), зато оно компенсируется ритмико-интонационным моментом, органично звучащим – и это главное – на татарском языке, консервацией поэтических переносов, анжамбеманов («*Авып калган сафлар өстенә / Яңа сафлар килеп менде дә / Штык сузды берсе-берсенә*»), лексико-семантическими повторами («... *сафлар өстенә / Яңа сафлар...*», «*Тәннәр өеп тәннәр өстенә*»), делающими эпизод выразительным, красноречивым.

Подводя общие итоги, необходимо сказать, что Н. Исанбет выработал собственный переводческий почерк. Составными элементами его стиля являются: а) точность передачи смыслов оригинала, б) соответствие новой копии нормам родного языка, в) глубокое и всестороннее знание чужих, отображаемых в произведении реалий как территориально-географического, так и историко-социального планов. В целом, если иметь в виду советскую школу художественного перевода, этот подход далеко не нов: Н. Исанбет жил в своем времени, и оно не могло не влиять на его переводческие взгляды. Однако на татарской почве его метод дал значительные результаты, которые сегодня должны быть филологически осмыслены для того, чтобы новые переводчики, не блуждая в потемках превратно понятого экспериментаторства, ясно представляли себе ту высочайшую норму мастерства, которую Н. Исанбет (а вместе с ним и другие переводчики, его выдающиеся современники) создал нелегким, кропотливым трудом, и ориентировались, как маяк, на нее.

Тема «Наки Исанбет как переводчик» требует дальнейших специально-системных исследований. Надеемся на то, что работа в этом направлении будет активно продолжена.

Список литературы

1. Бекметов Р.Ф., Спирчагова Т.А. Трагедия Шекспира «Гамлет» в русском и татарском переводах: М. Лозинский и Н. Исанбет // Филология и культура. Philology and culture. – 2017. – № 2 (48). – С. 133–138.
2. Джамбул Джабаев: приключение казахского акына в советской стране. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 308 с.
3. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 томах. – Т. II: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. – М.: Художественная литература, 1986. – 527 с.
4. Фредерик М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – 343 с.
5. Грибоедов А.С. Акыллылык бэләсе / кыскартып тәржемә итуче Нәки Исәнбәт // Совет әдәбияты. – 1945. – № 1. – Б. 14–22.
6. Грибоедов А.С. Акыллылык бэләсе / Нәки Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1946. – 118 б.
7. Пушкин А.С. Багъчасарай фонтаны / мөтәржемә: М.-С. Өмөтбаев. –Казань: Типография Б.Л. Домбровского, 1901. – 16 б. (на арабской графике).
8. Пушкин А.С. Бакчасарай фонтаны / Нәки Исәнбәт тәржемәсе // Совет әдәбияты. – 1937. – № 1. – Б. 27–41.
9. Пушкин А.С. Бакчасарай фонтаны / Нәки Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1937. – 40 б.
10. Пушкин А.С. Полтава / Нәки Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1937. – 71 б.
11. Пушкин А.С. Полтава. Бакчасарай фонтаны / Нәки Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1950. – 82 б.
12. Пушкин А.С. Таш кунак / Нәки Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1937. – 51 б.
13. Пушкин А.С. Таш кунак / Нәки Исәнбәт тәржемәсе // Пушкин А.С. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татгосиздат, 1949. – Б. 634–667.
14. Пушкин А.С. Таш кунак / Нәки Исәнбәт тәржемәсе // Пушкин А.С. Сайланма әсәрләр: 2 томда. – Казан: Татгосиздат, 1954. – Б. 672–703.
15. Әдипләребез: библиографик белешмәлек: 2 томда. Т. I: А – К / төз. Р. Даутов һәм Р. Рахмани. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. – 751 б.
16. Өмөтбаев М.-С. Йәдкәр: шиғырзар, публицистик, тарихи этнографик язмалар, тәржемәләр, халык ижады өлгөләре. – Өфө: Китап, 2011. – 344 б.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Н.Л. Голикова, А.В. Лебедева, И.И. Файзуллина канд. филол. наук

Волгодонский филиал ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
кафедра специальных дисциплин;
Уфимский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, ilsi.82@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ А. ЕТОЕВА «АКУАКА»

В данной статье проводится анализ взаимосвязи между рассказом А.Етоева «Акуака» и русской волшебной сказкой, описывающей обряд инициации война. Также была изучена система ролей героев рассказа в исследуемом ритуале, определен обязательный порядок действий для его совершения. В ходе исследования было установлено, что современная литература заимствует композицию русской волшебной сказки и адаптирует ее к современным реалиям.

Ключевые слова: *современная литература, фольклористика, сказка, композиция, мифологический подтекст.*

Одна из основных тенденций современной литературы – обращение к фольклору, мифологическим сюжетам и образам. Авторы переосмысливают культурное наследие и накладывают волшебные сюжеты на реалии наших дней. В данной статье мы анализируем связь рассказа А. Етоева «Акуака» и древних традиций славян. В этом произведении мифологический подтекст реализуется через структуру сюжета. Логика событий в тексте повторяет структуру обряда инициации война.

В начале повествования мать намекает главному герою, что пора повзрослеть и «хватит придуриваться», тем самым намекая на то, что герою пора поменять свои жизненные ориентиры, перейти на новый этап жизненного пути. В начале повествования главный герой – это маленький, одинокий мальчик, который хочет родительского тепла, ласки и любви. Именно он должен пройти обряд инициации, дабы обрести силы и вернуть мир и любовь в семью. Собственно, ради этого он и решает отправиться на инициацию с подачи духа-помощника. Ведь через семью он, во-первых, осуществляет связь поколений (Дедушка-Отец-Сын), во-вторых, удовлетворяет глубинную потребность любить и быть любимым, принадлежать к какой-либо социальной группе. Импульсом ухода ребенка из дома, его сепарация, или по В. Я. Проппу «беда», заключается в постоянных ссорах родителей героя: «Я знаю, почему они ссорятся, – из-за меня» [2; 2].

Мать прощается с сыном перед обрядом, ведь женщины не могут сопровождать неофита в опасном путешествии. Она понимает, что сын может провалить испытание и не вернуться домой, поэтому мать как бы оплакивает героя: «Она стояла так и молчала, лицо её скрывалось в тени, и в рамке света, идущего из прихожей, её склонённая надо мной фигура была похожа на нестрашное существо, которое я вижу порою, просыпаясь посередине ночи. (...) А мама стояла возле кровати и дышала табачной горечью, не улыбалась, не поправляла сползшее одеяло, и если бы не её дыхание, я подумал бы – она умерла.» [2; 2]. Возникает образ мертвых родителей – «Я часто представляю себе их мёртвыми, папу и маму. Вернее, даже не мёртвыми, а ушедшими однажды из дому и не вернувшимися ни к вечеру, ни назавтра» [2; 2]. Данный мотив очень важен для обряда потому, что мертвые родители – это могущественные покровители. Обычно в русских волшебных сказках дух умерших близких помогает герою справиться с испытаниями, в то время как живые члены семьи своим бессилием вынуждают героя отправиться на испытания [3; 239]. В рассказе же А. Етоева бессилие родителей гиперболизировано.

На инициацию неопит в данном рассказе отправляется без старших мужчин, что не типично для хода обряда: «Ушёл папа, мама ушла, дедушка молчал в туалете» [2; 5]. Формально герой отправляется на обряд инициации один. Однако косвенно его сопровождают мать (ее душа), умершая бабушка и Акуака.

Когда мальчик уходит на обряд инициации, он примерно знает, что с ним произойдет. У него есть некая инструкция, план действий: «...он(сын) провалился сквозь землю и нашёл там кошелёк и лопату. Начал он рыть вверх и вырылся на свет божий. Вышел из-под земли, пошёл к дому. Вошёл в квартиру, маму свою увидел и говорит: «Здравствуй, мама». Мама его снова взлюбила, и больше они никогда не ссорились» [2; 5]. Иницируемый осознает, что ему придется пройти сложные испытания. Более того, он готов к трудностям и жаждет их, дабы решить насущные проблемы – помирить родителей, благодаря своему переходу на новую социальную ступень: «...мне не надо выйти из-под земли и чтобы мама снова меня взлюбила. И чтобы папа на неё не кричал. И чтобы табаком не воняло» [2; 5].

Итак, мальчик покидает родной дом, чтобы отправиться непосредственно на акт инициации. При выходе из зоны комфорта посвящаемый оказывается в незнакомом месте, где дома «как зубы в дедушкином стакане» [2; 6]. Автор акцентирует внимание на враждебности и анималистичности нового мира. Каждый предмет здесь живой и обладает силой: «Здесь не так, здесь каждый дом себе на уме – вон стоит с какими-то чудищами, сторожит окошки с горшками. Или вон, в саду, за решёткой, – то ли злится, то ли показывает язык» [2; 6].

Место, где герой переходит границу, можно узнать по появлению проводника между миром мертвых и живых – чайке. Также о переходе границы свидетельствует и символический переворот мира с ног на голову: «Вверху плещется вода, это небо. Вода светлая, с прожелтнями и синью» [2; 6].

Далее неопит подвергается первому испытанию. Характерно, что экзаменатор не похож на человека из живого мира, предельно груб и беспристрастен: – Эй, debil, сыграй на губе, – говорит мне человек без ног. Вместо ног у него доска, с колёсиками и подушкой из ваты» [2; 6]. Однако герой проходит проверку успешно, о чем свидетельствует одобрение человека без ног: «Ты – талант. Будешь со мной работать» [2; 6].

Далее следует поединок, то есть следующее испытание и его успешное прохождение: «Я ему говорю, что день, но он спорит, утверждает, что ночь, я ему говорю: «Глядите» – и показываю на синь и прожелтню, а он спорит, хватает меня за шею, я отталкиваю его рукой, и человек с ногами ударяется головой о камень. Он лежит, а я иду дальше, к тому месту, про которое сказал акуака» [2; 6]. По мере прохождения трудностей возрастает сила и уверенность посвящаемого. Он уже не боится чудовищ и неизвестности, четко осознает свою цель и использует приобретенный опыт: «Я хорошо чувствую направление. Если я где-то прошёл однажды, я пройду тем же путём уже без всяких взрослых. Я знаю стороны света, я вижу, как идёт солнце, и если даже его не видно, я вижу его движение» [2; 5]. Герою нужно пройти три испытания. Неопит проходит третье, финальное испытание: «Я иду по улице дальше. Обхожу люк, он открыт, из него ко мне протягивается рука. Со мной такое однажды было. Так же протянулась рука и хотела утащить в люк, и если бы не подошла мама, наверняка бы утащила меня под землю» [2; 7].

Однако, чтобы пройти инициацию, не достаточно пройти испытания, нужно еще и умереть как носитель старой социальной роли, чтобы потом воскреснуть в новом, более высоком статусе. Но в данном рассказе речь идет о перевоплощении не только героя, но и окружающего мира, поэтому близкие тоже должны умереть: «Ты не Федя? – спрашивает рука. – А то знала я одного Федю. Хороший парень был, краснощёкий, помер. От горчичников, сгорел заживо. А родителей потом посадили. Бабка с дедом утопились в колодце. А собаку раздавил трактор» [2; 7]. Неотъемлемой частью обряда инициации является приобретение новых способностей. В рассказе «Акуака» описывается сцена приобретения неопитом таковых. Характерно и то, что данными способностями одаривает дух-проводник. Нужно отметить, что полученный героем дар – управлять временем – не

характерен для война. После приобретения сверхсилы, нового статуса и особых способностей новопосвященный должен осознать свою переродившуюся личность и научиться управлять: «Я стою и гляжу на воду. На ней плавает моё отражение. Я протягиваю руку к нему, и оно протягивает мне руку. Наши руки почти что встретились, но я отдёргиваю свою руку и прячу. Потому что я стыжусь своих рук, и стыжусь своего стыда, и ничего не могу с ним сделать» [2; 8].

«Шелест за спиной, ну и пусть. Теперь мне невидимка не страшен. Скоро я сверну время в трубочку, и мама с папой перестанут ругаться, и мне не нужно будет превращаться в полинезийца, чтобы меня кто-нибудь замечал» [2; 8]. Данный отрывок показывает посвященного в новом свете, демонстрирует его возмужание, обретение им новой, взрослой и существенной силы, которую герой волен использовать как ему представляется целесообразным.

Характерно и место, выбранное духом для последнего этапа обряда – река: «Место близко, я подхожу к реке, она широкая, со спусками и мостами, с запахами старой воды и плавучими мазутными островками» [2;7]. Исследователь русского фольклора В.Я. Пропп в своих трудах утверждает, что переправа через реку как часть обрядов инициации и погребения ассоциируется с представлением пути умершего в загробный мир [3; 287].

Дело за малым – вернуться обратно в свой мир, перейдя через границу. Для героя выбран довольно распространенный способ передвижения – переправа в чреве животного. Это свидетельствует о следах тотемизма в русской литературной традиции. В рассказе перевозчиком выступает рыба: «Это рыба, большая, сильная. Она стоит в бегущей воде, лениво поводя плавниками. Она хозяйка и сильнее реки...». Как и птица, это животное традиционно выступает в роли проводника душ меж между мирами. [1; 748].

Итак, герой выполнил свою задачу и вернулся домой, обратно в мир живых людей. Практическим результатом успешного исхода ритуала посвящения выступает решение беды, вынудившей героя отправиться на испытание. То есть итогом является примирение родителей героя: «Ничего, – говорит папа. – Будет лето, махнём на юг... Нашему бесёнку понравится... – Я люблю тебя, я всех вас люблю». Так, в рассказе умершие родители, герой и мир оживают обновленными, более здоровыми, чистыми.

Список литературы

1. *Гура А.* Символика животных в славянской народной традиции. [Сетевой ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info> (дата обращения 08.08.2020)
2. *Етоев А.* Акуака. [Сетевой ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org> (дата обращения 27.07.2020)
3. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. [Сетевой ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info> (дата обращения 16.08.2020).

10.01.01

¹М.А. Дубова д-р филол. наук, ²Е.А. Ивашевская¹ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
кафедра русского языка и литературы,²МБОУ СОШ №20,
Коломна, dubovama@rambler.ru, florizelena@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЁВОЙ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ФЕТОВСКИХ ТРАДИЦИЙ

Статья посвящена анализу поэтического творчества одной из представительниц «женской поэзии» Серебряного века П.С. Соловьёвой. Авторы акцентируют внимание на стилевых особенностях её стихотворений, определивших их индивидуальное своеобразие и место в поэзии рубежа XIX-XX вв. В центре авторского внимания находятся контактные и типологические связи поэзии П.С. Соловьёвой с поэтической традицией XIX века, в частности, с творчеством А.А. Фета, которое оказало влияние на формирование индивидуального авторского стиля П.С. Соловьёвой.

Ключевые слова: *стилевые доминанты, поэзия, П.С. Соловьёва, А.А. Фет, индивидуальный авторский стиль, влияние, контактные и типологические связи, Серебряный век.*

Эпоха Серебряного века, яркая и самобытная, занимает особое место в истории русской литературы, привлекая пристальное внимание ученых: «Несмотря на многочисленные попытки прочтения этого пестрого, многопланового и сложного периода русской культуры под различными углами зрения, до сих пор остается много неизвестного, спорного и неисследованного или исследованного не в полной мере» [5, с. 3]. Это утверждение точно отражает, в частности, сложившееся в литературоведении отношение к так называемой «женской поэзии», что и объясняет наш исследовательский интерес к проблеме влияния фетовских традиций на формирование поэтического стиля одной из представительниц женской поэзии Серебряного века П. Соловьёвой (1867-1924 гг.).

Поликсена Соловьёва, сестра В. Соловьёва, во многом разделяла идеи символизма как миропонимания. Символисты, как известно, видели в А. Фете своего прямого предшественника. Несмотря на очевидную типологическую связь, на наш взгляд, контактные связи лирики П. Соловьёвой и А. Фета, подтверждаемые в первую очередь тем, что поэтесса среди первых и важных для себя книг называла стихи А. Фета, оказываются интересными и разнообразными.

Так, например, стихотворение П. Соловьёвой «Дождь» (1903 г.) написано, на наш взгляд, в традиции фетовских «лирических дерзновений». Две его первые строки:

Серое небо и черные ели,

Шум и дыханье дождя... [1, с. 622]

представляются нам реминисценцией из созданного в 1850 г. стихотворения А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» [8, с. 166]. На это прямо указывает отсутствие глаголов, перечислительная интонация, импрессионистическая ассоциативность в создании картины природы; ощущение своеобразного эпиграфа, которое поддерживается еще и многоточием во втором стихе.

И вот после такого вступления мы погружаемся в мир человеческих чувств, а одновременно – в мир природы и красоты:

*Слез удержать небеса не сумели,
Сумрачный день проведя.
Вздрагивать влажные листья устали,
В тягость им капли дождя.
Вечер задумчив и полон печали,
В темную ночь уходя [1, с. 622].*

Важно обратить внимание на то, что в тексте нет свойственной романтикам аллегорической параллели между природой и человеком: внешний мир окрашивается настроением лирического героя, одушевляется им. Подобный антропоморфизм природы, подробно изученный Б.Я. Бухтшабом [3], является одной из характерных черт поэтического мира А. Фета:

*... в воздухе за песней соловьиной
Разносится тревога и любовь («Еще майская ночь...», 1857 г.) [8, с. 89].*

Лирическая эмоция как бы разливается в природе, объединяя мир настроением поэта. То же самое мы видим и в стихотворении П. Соловьевой:

*Вечер задумчив и полон печали,
В темную ночь уходя...*

Так же, как и у А. Фета, человеческие чувства приписываются явлениям природы без прямой связи с их свойствами. Между прочим, и эти строки видятся нам как реминисценция из созданного в 1879 г. послания А. Л. Бржеской «Далекий друг, пойми мои рыдания...»:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизни смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя [8, с. 216].*

Слезы вечера, уходящего в ночь, – необычайная по красоте и эмоциональной насыщенности метафора, причем сопоставительный анализ стихотворений показал, что подобные метафоры являются частотными в лирических текстах обоих поэтов. Например, у А. Фета: «росою счастья плачет ночь» [8, с. 70], «в дальнем колокольном звоне как будто слезы неба есть» [8, с. 98], а у П. Соловьевой: «день плачет, плачет в бессильной злости» [1, с. 629].

Однако П. Соловьева не только воспринимает традицию, но и творчески ее перерабатывает, ярким подтверждением чему является, на наш взгляд, стихотворение «Городская весна» (1914 г.). С одной стороны, оно создано в традиции «безглагольных» стихов А. Фета, с другой - в нем ярко выражен характерный для поэтики Серебряного века синкретизм:

*Жарко. Пыльные бульвары.
Лимонад. Влюбленных пары.
Дети, тачки и песок.
Голубей глухие стоны... [1, с. 623].*

Семантически емко переданы физическое состояние (*жарко, душно*); звуки (*голубей глухие стоны, перезвоны, шум и говор...*); и все это – в солнечном свете, в бликах и пыли. Соединение как будто разобщенных образов на основе аудиальной и визуальной общности, по принципу ассоциативности – это открытие А. Фета, исследуя которое, например, А.А. Смирнов, отмечал: «За счет использования ассоциаций... время изображаемого сокращается до однократной вспышки страстного чувства» [6, с. 118]. Так и в «Городской весне» наш взгляд движется по конкретным предметам, казалось бы, совершенно не связанным между собой, но в целом создающем удивительную картину, воплотившую в себе лишь несколько мгновений жизни. Используя в своем творчестве принцип непосредственной фиксации субъективных впечатлений от действительности, П. Соловьева следует традиции А. Фета – импрессионизму его поэзии, который отмечали многие исследователи [3, 4]. При

этом А. Фет никогда не прибегает к чистой описательности, как верно подчеркивает в своей статье И. Сухих, «остановленное мгновение всегда полно внутренней динамики, пейзаж необычайно подвижен» [7, с. 127]. К тому же воплощению в произведении малейших изменений в природе или чувстве стремится и П. Соловьева. Стихотворение «Городская весна» насыщено движением, создаваемым уже синтаксисом произведения: перечислительная интонация, простые синтаксические конструкции создают впечатление одновременности происходящего. Этой же цели служит и обрывочность реплик персонажей. Взгляд наш перемещается с одного объекта на другой, мы как будто не дослушиваем один диалог, «поворачиваемся в другую сторону» и слышим уже новый разговор. Все это позволяет читателю оказаться внутри созданного поэтом художественного мира.

Здесь уместно будет обратить внимание на еще один компонент фетовской поэтики – взаимодействие стиха и прозы, существование которого убедительно доказано А.П. Ауэром [2]. Прозаическая форма внутри стиха появляется в моменты наивысшего психологического напряжения, что же касается диалога, то он соединяется с монологом через подтекст. Введение прозаической формы в лирику П. Соловьевой оказывается не противоречием, а при повторяемости и разнообразии её реализации, нарочито акцентированной закономерностью.

«Городская весна» – это не ролевая лирика, а синтез лирики, драмы, литературы, живописи, даже кинематографа, с его построением кадра и сменой планов. Подобный синкретизм – это характерная черта поэтики Серебряного века: вот он – новый, самобытный стиль, вырастающий из традиции, творчески переосмысленной и переработанной.

Таким образом, влияние традиций А. Фета на формирование поэтического стиля П. Соловьевой несомненно: оно прослеживается и в творческом переосмыслении поэтессой мировоззрения А. Фета, в восприятии, вслед за ним, эстетической ценности каждого мгновения бытия, в стремлении запечатлеть мгновение во всей его неуловимой красоте, в импрессионистической ассоциативности развития сюжета, в метафорическом олицетворении природы, в использовании многочисленных реминисценций.

Список литературы

1. Антология русской женской поэзии. – М.: ЭКСМО, 2007. – 1088 с.
2. Ауэр А.П. Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А.А. Фета// Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей 19 – начала 20 века. – М., 1991.
3. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. Очерк жизни и творчества / Б.Я. Бухштаб. – Ленинград, 1990. – 138 с.
4. Густафсон Р.Ф. Поиск красоты. Импрессионизм Фета (перевод с английского Ачкасова А.Л.)// Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета: Сборник научных трудов. – Курск: Издательство КГПИ, 1992. – 376 с.
5. Дубова М.А. Пути развития модернистского романа в культуре русского порубежья XIX-XX вв. (Творчество В. Брюсова и Ф. Сологуба): Монография / М.А. Дубова. – Коломна: КГПИ, 2005. – 315 с.
6. Смирнов А.А. Романтическая ассоциативность в лирике А.А. Фета// Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета: Сборник научных трудов. – Курск: Издательство КГПИ, 1992. – 376 с.
7. Сухих И. Мир Фета: мгновение и вечность// Звезда. – 1995. - № 11.
8. Фет А.А. Поэзия. Проза / А. А. Фет. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 667 с.

10.01.01

А.А. Красноярова

Наньчанский университет,
кафедра иностранных языков,
Наньчан, Китай

**«ТРАГИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ»
В ПОЭЗИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ 1920–1930-Х ГГ.**

В поэзии русской «восточной» эмиграции в Китае большее внимание уделялось этическо-философским проблемам. Статус эмигранта определял «экзистенциальный» характер мировосприятия русских поэтов, а их стихотворения содержали размышления о «промысле» истории и судьбе человека, затерянного в пространстве и времени, о принципах адаптации человека, оказавшегося в «ином» культурном мире, о пересечении собственной биографии с судьбой китайского народа, что позволяет определять в качестве доминанты их лирики «трагическое мировосприятие».

Ключевые слова: *русская восточная эмиграция, Китай в русской литературе, образ Китая, поэзия, русская литература XX века, трагическое мировосприятие.*

В культурной жизни русской диаспоры Харбина огромную роль играла поэзия, которая стала наиболее заметной частью литературы русского восточного зарубежья [1: 11]. Поэзия нередко становилась основным средством их самосознания, интерпретации отношений с окружающим миром. Представители русского восточного зарубежья осознавали себя в качестве прямых продолжателей поэтов «серебряного века», прежде всего – творчества таких писателей, как А. Блок, Н. Гумилёв и некоторых других, сквозь призму творчества которых они нередко интерпретировали многие события.

С другой стороны, следует отметить, что самосознание русских эмигрантов, оказавшихся на территории Китая, было в значительной мере экзистенциальным: они хорошо понимали, что большинство из них вряд ли сможет когда-либо войти в культуру этой страны, что перспектива вернуться обратно в Россию маловероятна, – как и переезд в какую-либо иную страну.

Поэтому вполне закономерным было то, что у значительной части российских эмигрантов преобладало трагическое мировосприятие, которое часто выражалось и через их интерпретацию китайской действительности.

Сам факт пребывания в Китае становился поводом для размышлений о результатах жизненного пути. Такие мысли, например, выразились в стихотворении Е. Яшнова «В Манчжурии»:

Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта.
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродяжною душой...

[2: 694]

Глубокая боль, вызванная оторванностью от родины, понимание собственной чуждости и ненужности были выражены в стихотворении Л. Ещина «Беженец», в котором описывалось сложное внутреннее ощущение лирического героя («не живу, а жизнь свою мыкаю»), который, обращаясь к Богу, просит у него помощи (используя для этого китайские слова):

... И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».

[2: 399]

Ощущение безысходности и пессимизм, например, выражены в стихотворении А. Паркау «Харбинская весна»:

...Харбинская весна... В разгуле общей пляски
Кружится дико жизнь в бесправьи и чаду,
Кружится прошлое, напев забытой сказки,
Мучительный кошмар в горячечном бреду.

[2: 508–509]

В аналогичном ключе было написано стихотворение В. Иевлевой «Город Харбин», в котором говорилось о бездуховности современного города (восприятие города как «жестокое» и «бездушное») шло от литературы Серебряного века).

Основной центр русской эмиграции – Харбин – воспринимался русскими писателями двояко: с одной стороны, как место их «спасения», как своеобразный новый «Ноев ковчег», с другой – город обречённых, в котором гибнут последние надежды людей, – как русских, так и китайцев. Противоречивую картину жизни горожан показывает поэт В. Логинов в стихотворении «О, сунгарийская столица...»:

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И жёлтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шёлк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

[2: 472–473]

Аналогичным образом был представлен читателю и Пекин – как «странный город блеска, денег и наживы», «преступный, может быть, красивый, яркий и безличный, шумный и чужой». Подводя итоги своим печальным размышлениям, поэтесса делает заключение:

...Весь в большом стремленьи, весь в большой тревоге,
Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе,
Город, где скрестились пыльные дороги,
Я в свой час последний вспомню о тебе.

[2: 414]

Похожим оказывается восприятие Пекина, выраженное в стихотворении М. Коростовец «Пекин», где город связывается с тысячелетним прошлым:

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,
Над тобою цепь столетий
Пронеслась – ты спишь!

[2: 442]

Трагическим ощущением безысходности пронизано стихотворение Ю. Крузенштерн-Петерец «China doll» («Китайская кукла»):

А душа-то болела. Болела по-русски, бешено.
Он с проклятьями трижды измерил прокуренный холл.
На рассвете кантонском, после ночи кромешной,
Узкоглазая девушка. Он её называл China Doll.
Да и та не спасла. Пистолет или яд?
Ничего не известно. Не говорят.

[2: 450–451]

В сознании русских эмигрантов большую роль занимали религиозно-философские проблемы, под влиянием которых изменялась их система ценностей, которая в некоторых аспектах приближалась к китайской. Например, в стихотворении Л. Гроссе «Два храма» утверждались буддийские представления о жизни:

...Печален был рассказ монаха.
Он молвил: «Раньше на горе,
Не чуя перед Буддой страха,
Католик жил в монастыре.
Он нас топтал. Да, но однажды
Раздался ночью страшный гром,
И почва затряслась. Потом
Огонь небес ударил дважды,
И глыбы сокрушённых груд
Мгновенно сорвались с вершины
И, сталкиваясь там и тут,
Скатились с грохотом в долины.
Как видишь, наш любимый храм,
В ту полночь не задела груды,
И мы, как встарь, пред ликом Будды
Возносим славу Небесам!»

[2: 377]

Близкие настроения выражались в стихотворениях К. Батурина («В пути») или М. Коростовец («Китайская шкатулка»). Например, в стихотворении «Китайская шкатулка» сформулированы философские размышления о смысле бытия и о тленности жизни:

...На ларце дракон, воплощённый рок,
Продолжает в даль, в вечность свой полет.
Он летит один между синих струй,
Средь кудрявых туч, через цепь веков,
Изогнувши мост золотых чешуй,
Равнодушный к лжи человеческих снов.

[2: 443]

Поэты русского восточного зарубежья, следуя традициям русской классической литературы XIX в., раскрывали своё восприятие противоречий времени, используя для этого образ традиционного персонажа – «маленького человека», которым в роли которого мог выступать, например, китайский крестьянин или рабочий. Так, например, в стихотворении А. Ачаира «Сунгари» описывался тягостный труд китайского труженика «с запотелой грудью», который работает под «раскатанной, как лепёшка в маньчжурской муке голубой лазурью» на «молочной, жирной и хищной» реке, где «от тихих легенд, от мечтательных будд – явь забила в слезах и песке» [4: 65]. Картина тяжёлого и напряжённого труда формировала в сознании читателя ощущение сочувствия и сострадания к жизни человека.

Трагическая картина жизни двух китайских друзей, для которых единственной радостью оказывается посещение опиумной курительни показана в стихотворении В. Марта «Мизинцы»:

...И вот без слов и уговора
Их путь медлительный решён:
На сан-де-ге к жестяному забору –
В опьекурительный притон.

И только в судорогах ожога
Трещащий масляный фитиль
Мизинцы выпрямит... и оба
Прильнут на скомканный настил!..

[2: 478]

Ведущий харбинский поэт А. Несмелов в стихотворении «Гряда» показал тяжёлый труд китайского крестьянина, воспринимающего тягости как неизбежность жизни, и рассматривает это как выражение черт национального характера:

...Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен –
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

Гряда, частокол да мотыга,
Всю душу в родную грядку!
Влекущее, сладкое иго.
Которого я не найду!

[2: 218]

Однако русские поэты видели и иную сторону китайского национального характера – огромный внутренний духовный накал, который на определённом этапе должен вырваться наружу и сокрушить окружающий мир. Эту особенность китайского человека показал М. Волин в «Стихах о Китае» («*Над широкою жёлтой рекою...*»), переданного от лица коллективного «китайского мы»:

...Нас миллионы, похожих, единых,
С жёлтым телом и сердцем, как медь,
Мы когда-нибудь хлынем лавиной,
Приносящей мгновенную смерть...

[2: 352]

Со стихотворением М. Волина стихотворение созвучно Б. Волкова «Дракон, пожирающий солнце», в котором ставится (в философском аспекте) важная для общества первых десятилетий XX в. проблема, связанная с отсутствием у современного человека возможности реального выбора и настоящего счастья, что обусловлено социальным неравенством: всё в мире покупается и всё продаётся, поэтому бедные вынуждены подчиняться богатым. В финале стихотворения воспроизводится буддийская мудрость о ложности большинства обычных приоритетов жизни человека (любви, золоте, славы и власти) и выражается надежда на обретение истинного смысла бытия в вечности:

...Люди живут,
Ибо жить надо.
А ты?
Ты мечешься на перепутьях
И, изведав много дорог,
В лучах заходящего солнца
По стёртым другими плитам
Вдруг находишь забытый путь
Сюда – под вечные сосны...

[2: 360–361]

Изображая картину жизни Китая, русские поэты использовали систему символов, органично вытекавшую из традиционной китайской культуры, и одновременно способствовавшую выражению их трагического мировосприятия. Таковы, например, были образы-символы *неба* (традиционного для поэтического описания китайской модели мира – как знака вечности, мира и покоя), которое для русского лирического героя оказывалось «далёким» и «холодным», *воды* (который был наделён многозначной семантикой – как очищение, преображение, омовение и смерть, как обозначение непредсказуемости проявлений природы) и *огня* (выражающего творческое начало, свет и тепло, связанные с домашним уютом, а также гибель).

Картины противоречивой жизни Китая, спроецированные на судьбу как всей русской эмиграции, так и на свою личную, воспроизведение философских размышлений, описание социальных и культурных проблем создавали сложный образ страны, разрушавший многие стереотипные представления. «В стихах русских эмигрантов разрушены европейские мифы о Китае как стране варваров, умирающей древней цивилизации, застывшей в своей косности, в них воссозданы детали бытовой жизни современности, в них содержатся размышления о фактах и героях китайской истории, о её культурных феноменах, о ментальной природе человека Востока», – отмечает О. Романова [3: 181].

Таким образом, анализ стихотворений русских эмигрантов, проживавших в Харбине, показывает, что в их творчестве выразилось трагическое восприятие Китая и китайского человека, которое проецировалось на личную судьбу представителей русской эмиграции.

Список литературы

1. *Красноярова А.А.* Русские эмигранты как переводчики китайской поэзии // Казанская наука. – 2020. – № 6. – С. 11–15.
2. Литература русских эмигрантов в Китае / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен [Ли Янлин]. Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара. – Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. – 706 с. [齐齐哈尔火车声声 / 苗慧编。一北京: 中国青年出版社, 2005(中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编). 706页].
3. *Романова Н.П., Жуков А.В., Жукова А.А.* Образы культуры и религии Китая в сознании населения российско-китайского приграничья // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – С. 66–76.
4. Русская поэзия Китая: антология. – М.: Время, 2001. – 718 с.

10.01.01

В.Ю. Новикова канд. филол. наук

Краснодарский государственный институт культуры,
информационно-библиотечный факультет,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, ecologia_yazyka@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА РОМАНА В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

В статье рассматривается вопрос о жанровой характеристике романа В. Орлова «Альтист Данилов». Автор приходит к заключению, что в произведении отчетливо прослеживаются черты сразу нескольких жанровых разновидностей романа: сатирического, мистического, фэнтезийного. Признаки каждого из этих вариантов жанра отчетливо просматриваются как на уровне сюжетно-композиционной структуры текста и языка произведения, так и в связи романа с той или иной жанровой традицией в истории литературы. Но всеобъемлющим определением жанра романа В. Орлова «Альтист Данилов», по мнению автора, является мениппея.

Ключевые слова: *жанр, сатира, фантастика, мистика, фэнтези, мениппея.*

Роман В.В. Орлова «Альтист Данилов», вышедший в 1980 году, на излете эпохи застоя, и для читающей публики, и для критиков стал неким «пограничным» явлением литературного процесса, словно бы стоящим на перекрестке эпох. Это история о скромном альтисте театрального оркестра, человеке, который, казалось бы, ничем не отличается образом жизни от многих других интеллигентов своего времени: вечный поиск подработок, встречи с друзьями, некомфортные отношения с бывшей женой Клавдией, которая даже после развода любит держать его на коротком поводке, мелкие неприятности и бытовая неустроенность. Данилов изображен как типизированный портрет «маленького человека» советских времен. Но на самом деле Данилов – демон.

Структура фантастического мира Девяти Слоев, в которых живут и работают тысячи и тысячи кажущихся всесильными демонических существ, иронически отражает атмосферу советского общества семидесятых. Мелкий карьеризм, подсиживание, доносы и искоренение инакомыслия соседствуют с бессмысленными псевдонаучными занятиями и безразличным интересом к миру людей, которых изучают, точно какой-то экзотический вид животных (демоны воспринимают людей едва ли с большим интересом, чем каких-нибудь домашних). И Данилов, который по крови является демоном лишь наполовину, а наполовину – человеком, постепенно начинает ощущать себя в мире Девяти Слоев все более чужим, а в мире людей приживается все больше, потому что, при всех своих недостатках, люди хоть и могут быть и жадными, и жестокими, и нетерпимыми, в то же время не так бессердечны и холодно равнодушны к окружающей их жизни, как демоны. К тому же человеческое начало в Данилове несет в себе искру гениальности, Данилов не только талантливый исполнитель, но и начинающий композитор, весь мир воспринимающий через призму музыки.

Неразрывная связь фантастического и обыденно бытового в романе изначально поставила перед критиками проблему точного определения жанра романа. Под внешне загадочной фантазмагорией «Альтиста Данилова» скрывается и сложная образная система, и талантливое отражение в речи персонажей особого «советского» языка эпохи, исполненного некой «поэтизированной примитивности», и ироническое описание жизни интеллигента в эпоху застоя, и проблема онтологического осмысления советского мира, показанного со стороны. В литературоведении неоднократно делались попытки назвать роман сатирическим, протягивались параллели к творчеству В. Орлова от гоголевской смеховой

традиции в русской литературе. С. Чупринин находил в романе мистическую составляющую, сближающую его с творчеством А.К. Толстого [4, с. 317] и характерные черты советской сказочной фантастики [4, с. 529]. Большинство исследователей недавнего времени видели в романе отражение классической традиции фантастического нарратива [2; 3]. Е.А. Сафрон, например, сводит эту традицию к определенной сюжетно-композиционной разновидности фантастического романа – городской фэнтези. Однако мир жанровой специфики «Альтиста Данилова» представляется более широким и требующим более сложного и комплексного жанрового определения. Таковым представляется для романа В. Орлова жанр *мениппеи*.

По определению М.М. Бахтина, мениппея сочетает в себя элементы пародийно-смеховой низовой сатиры и гротескного изображения действительности с высокой идейно-философской насыщенностью. В истории литературы М.М. Бахтин видел линейное развитие традиции мениппеи, начиная с эллинистических текстов и заканчивая романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Синтетическая природа мениппеи виделась М.М. Бахтину в связи высокого и низкого, реального и фантазмагорического, возвышенного и натуралистически грубого, неожиданного и традиционного.

Контрастная природа мениппеи, действительно, характерно отражает все особенности романа В. Орлова «Альтист Данилов». Комические эпизоды в нем чередуются с трагическими, описания земного или «демонического» быта – с отвлеченными философскими рассуждениями о природе бытия (при этом, что характерно, онтологические мучения разума свойственны не только демонам, например, Данилову или Кармадону, но и людям – Переслегину, Земскому и даже хваткой прагматичной Клавдии). Двуплановость повествования в романе, постоянный перенос действия с Земли в бескрайние пространства Девяти Слоев и обратно, тоже, по теории М.М. Бахтина, соответствуют пространству нарратива мениппеи. Контрастность в создании личности героев, отмечаемая как один из главных признаков мениппеи, тоже легла в основу романа: главный персонаж, простой альтист Владимир Алексеевич Данилов – демон с тонкой и человеческой душой истинного гения; всеильный «ас со спецзаданием» Кармадон – слабое и неуверенное в себе существо; премудрый Новый Маргарит – псевдоученый, хитрый карьерист и увертливый демагог; тихий домовой Валентин Сергеевич – грозный Начальник Канцелярии от Того Света. Двойственна природа и самого таинственного персонажа романа – Синего Быка, который является не то обычным животным странного цвета, не то божественной сущностью, не и вовсе демиургом – создателем Девяти Слоев и всей Вселенной.

В какой-то степени роман В. Орлова действительно представляет собой универсальное повествование. И его специфическая жанровая природа отвечает представлению М.М. Бахтина о мениппее, синтезе серьезно-смеховых жанровых форм: первым их признаком является то, что «их предметом или – что еще важнее – исходным пунктом понимания, оценки и оформления действительности служит живая, часто даже прямо злободневная современность» [1, с. 265]. Вторым характерным признаком мениппеи, по М.М. Бахтину, служит то, что она «осознанно опирается на опыт ... и на свободный вымысел» [Там же], иронизируя над традицией или сочетая традицию и новаторский культурный эксперимент. Третьей особенностью синтетической природы мениппеи как смешения жанров М.М. Бахтин считает нарочитую «многостильность и разноголосость всех этих жанров. Они отказываются от стилистического единства (строго говоря, одностильности) эпопеи, трагедии, высокой риторики, лирики. Для них характерна многотонность рассказа, смешение высокого и низкого, серьезного и смешного, они широко пользуются вводными жанрами - письмами, найденными рукописями, пересказанными диалогами, пародиями на высокие жанры, пародийно переосмысленными цитатами» [1, с. 267].

Полифоническое жанровое звучание романа В. Орлова как, наверное, никакого другого произведения русской литературы XX века, за исключением, пожалуй, только романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», несомненно, по всем параметрам соответствует признакам мениппеи как особой пограничной жанровой формы, сочетающей высокое и низкое,

нарочито приземленное и сложное философское, реальное и фантастическое, комическое и трагическое. Таким образом, подводя итог нашему исследованию, мы можем заключить, что жанровая природа романа В. Орлова «Альтист Данилов» может быть охарактеризована как отражающая все концептуальные признаки мениппеи, описанные М.М. Бахтиным.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.
2. *Лебедев И.В.* Генезис современного российского фэнтези // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 111–114.
3. *Сафрон Е.А.* Жанровое своеобразие романа В.В. Орлова «Альтист Данилов» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика». – 2017. – № 1. – С. 57–62.
4. *Чупринин С.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М.: Время, 2007. – 768 с.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

И.А. Еникеев канд. филол. наук, Ф.Х. Миннуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
Казань, eniki07@mail.ru, minnullina77@mail.ru

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ТАТАРСКИХ СТИХОТВОРНЫХ ТРАГЕДИЯХ 20 ВЕКА**

В статье исследован публицистический дискурс стихотворных трагедий татарских писателей 20 века. Показано, как на основе трагических литературных сюжетов, авторы раскрывают злободневные нравственно-философские и общественно-политические проблемы современности.

Ключевые слова: *публицистика, дискурс, трагедия, сюжет, мифология.*

Публицистический дискурс является одним из важных компонентов современного литературного процесса. Он проявляется в разных жанрах современной литературы, в том числе и в трагедиях. В формировании жанра стихотворной трагедии исследователи выделяют два направления. Первое – это обращение к историческим сюжетам и реальным трагедиям эпохи. Вторую линию составили произведения, основанные на мифологических сюжетах и развившие традицию трагического мифотворчества на основе новых романтических символов, чтобы с их помощью поставить крупные философские, духовно-нравственные проблемы эпохи. В этом ряду, объединенном общей идеей революционного преобразования мира, выделяются такие произведения как «Тахир и Зухра» Ф.Бурнаша, «Зар» К.Тинчурина и «Трагедия сынов Земли» Х.Такташа.

В основе трагедии Ф.Бурнаша «Тахир и Зухра» (1917) лежит древний романтический сюжет о любви двух молодых людей, переосмысленный автором в духе социальной борьбы личности против угнетения. «Тахир начинает борьбу за личное счастье с неповиновения ханскому слову, а затем уже непосредственно выступает против деспотизма и его законов». [4:272] Аналогичную тенденцию переосмысления традиционного мифологического сюжета в свете проблем революционной действительности можно проследить на примере трагедии К.Тинчурина «Зар» («Ропот» 1922-1923). По авторскому замыслу религиозно-мифологические образы призваны отразить социально-освободительную борьбу народа. Поэтому в основе трагедии лежит непримиримый конфликт между устремлениями отдельной личности и замыслами власти. [5:432] Актуальная проблематика данной стихотворной трагедии раскрывается на космическом, фантастическом фоне. Это «произведение с революционной темой, философским содержанием и романтическое по природе», – пишет Н.Ханзафаров. [4:460] В основе сюжета «Трагедии сынов Земли» (1921) лежит иудейская легенда о Кабиле и Хабиле, но переосмысленная Х.Такташем с позиций совершившейся Октябрьской революции. Соответственно меняется идейно-тематическое содержание сюжета-прототипа, появляются новые мотивы. «Обращение Такташа к мифическим образам ангелов добра и смерти не уводит читателя от насущных проблем времени; используя подобный литературный прием, автор только подчеркивает трагическое в самой жизни. Трагическое по мнению Х.Такташа, возникает в результате непонимания людьми друг друга, конфликта между человеком и обществом», – подчеркивает А.Ахмадуллин. [1:87]

Исследователь выделяет здесь одну из сторон процесса творческого переосмысления древних сюжетов, т.е. это способ высказаться на злобу дня в иносказательной форме. Логическим продолжением данного тезиса является мысль о том, что в литературной обработке известных сюжетов, наряду с их приближением к современности, присутствует оценочный момент.

Во-первых, происходит оценка современной историко-политической ситуации, социально-психологической атмосферы с точки зрения общечеловеческих, духовных норм, исторического опыта человечества, заложенных в мифологическом, канонизированном сюжете.

Во-вторых, осуществляется оценка истории прошедшей, исконных человеческих идеалов с позиций новых идейно-политических нормативов, более прогрессивного, как считает современное общество, мировоззрения. Происходит неоднозначный и выходящий за рамки социального заказа процесс переоценки ценностей, как прошлого, так и настоящего. Авторский текст предлагает разные варианты трактовок, может быть и выходящих за пределы первоначального замысла. Например, ту же трагедию Х.Такташа одни понимали как атеистическое произведение, другие как протест против диктатуры в любых ее формах.

В «Трагедии сынов Земли» смысловые трансформации древнего сюжета, все ключевые моменты действия привязаны к новому персонажу, образу Идеи, введенному Х.Такташем в привычную структуру действующих лиц старинной легенды. Идея не просто сатана, демон-искуситель, по замыслу автора это персонифицированный носитель революционной идеологии, что подчеркивается в его монологах. Идея провоцирует Кабила на бунт, внушает ему мечту, дает оружие, а после трагического финала – самоубийства Кабила, произносит обличительную речь против диктатуры бога.

Привнесение в религиозный сюжет революционных мотивов меняет смысл многих образов. Так прототип образа Кабила убивает своего брата из ревности, в библейском сюжете Каин расправляется с Авелем, движимый завистью, а в трагедии Такташа эта сцена основана на революционных богоборческих устремлениях Кабила. Брата, а затем себя он убивает в знак протеста против власти бога, во имя своего идеала. С этими мотивами связан и образ Аклимы, жены Кабила. Х.Такташ воплотил в этом женском типе трагическое противоречие между общечеловеческим чувством любви и преданностью идеалу, в данном случае начертаниям бога. Разумеется, такой трактовки образа Аклимы не было в древней легенде. В трагедии Такташа Аклима не отказывается от верности воле бога и не может принять идеалы мужа.

В соответствии с авторской установкой на революционную трагедию изменена трактовка образа Хабила по сравнению с его прототипом. Хабил представлен послушным исполнителем божеской воли, хотя и не лишенным чувства сострадания к своему брату. Но, тем не менее, в трагедии Такташа он выступает лишь как марионетка в руках злого бога. Сам бог представлен как диктатор, кровавый носитель злых помыслов. Автор дал ему роль жестокой трагической силы, призванный уничтожить своего антипода, трагического героя Кабила. Лишен ореола святости и добра к человеку образ архангела Гавриила. Он насильно уводит в рай Аклиму за ее преданность богу, не принимая в расчет ее любовь к Кабилу. Словом, религиозные заповеди и образы получили несколько иные функции, изменился смысл сюжета в соответствии с современной поэту революционной ситуацией.

Как указывают исследователи, основой содержания трагических стихотворных произведений в татарской литературе являлась проблематика борьбы против духовного рабства, любых форм подавления человеческой личности, общечеловеческих принципов, норм морали и справедливости. И, видимо, не случайно, что после трагедии «Зар», написанной в 1922-1923 гг., на протяжении следующих десятилетий такая форма, как высокая стихотворная трагедия практически исчезает из литературы. Романтическую символику, глубокий духовный смысл мифологических сюжетов трудно было совместить с идеологизированными нормативами оптимистической трагедии, не подчинившись последней. Одной из попыток развития трагического в крупной литературной форме и на

основе исторического, а не мифологического сюжета, явилась историческая драма А.Файзи «Тукай» (1938-1941).

Историческая драма А.Файзи развивала ту традицию татарской литературы, для которой был характерен интерес к трагическим историческим сюжетам. В 60-90-е гг. XX века данная литературная традиция приобрела новое звучание. Возродился жанр стихотворной трагедии, интерес к трагическим конфликтам сопровождался поисками в области формы, расширением круга трагических тем и мотивов. Обращение к историческому сюжету в сочетании с философской проблематикой, романтическими образами-символами характерно для творчества татарского советского поэта И.Юзеева, написавшего стихотворную трагедию о судьбе великого Тукая. Но его концепция трагического, также как и художественная форма во многом отличается от идейно-художественной системы А.Файзи, хотя в основе обоих произведений общий исторический материал.

Трагедия в стихах И.Юзеева «Улетел из клетки мира» (1980-1981) в значительной степени по иному отражает судьбу Тукая, чем это происходило в произведении А.Файзи. Автор пользуется здесь приемом соединения конкретно-исторических и условно-литературных трагических сюжетов с их последующим философским осмыслением. Собственно событийный сюжет, активное действие в тексте отсутствует, скорее это лирический сюжет, раскрывающий переживания и страдания главного героя. На протяжении всей трагедии эту смысловую линию ведут оригинальные стихи Тукая, воплотившие духовную трагедию великого поэта. Концепцию трагического героя автор заимствует из стихов самого Тукая, непосредственно используя фрагменты таких произведений поэта как «Надежда», «Гению», «Разбитая надежда» и др. На основе ряда отобранных и составленных в определенном порядке стихов Тукая возникает трагический собирательный образ лирического героя, общее направление текста.

В дополнении к этой цепочке лирических сюжетов, содержащихся в стихах Тукая, автор вводит в текст реальную историю трагической судьбы поэта. Не в полном виде, а через отдельные моменты его биографии, которые кажутся автору наиболее важными для понимания трагедии Тукая. Эти стихотворения составляют важный идейно-тематический ряд произведений, который лейтмотивом проходит от начала до конца трагедии. Далее И.Юзеев дополняет его новыми монологами, поэтапно вводя собирательный образ в созданный им широкий историко-духовный фон. Вообще, текст трагедии чрезвычайно плотно насыщен знаками истории: голос муэдзина, минбар, народ на коленях читает намаз; европейски одетые молодые татарские буржуа; депутаты Государственной думы; артисты татарского театра; газеты и журналы того времени; религиозные, идеологические и литературные споры; царь; революционеры и др. История создания этого произведения являет собой пример того, как введение образов-символов в поэтический текст, основанный на трагическом историческом сюжете, привело к возрождению той мифотворческой традиции татарской поэзии, которая существовала в стихотворных трагедиях Ф.Бурнаша, Х.Такташа, К.Тинчурина. Восстановление в правах трагического мифа сопровождалось сменой жанра – от поэмы к стихотворной трагедии. Литературная традиция была восстановлена, но уже на базе синтеза публицистического дискурса с реально-историческими и мифологическими сюжетами.

Список литературы

1. *Ахмадуллин А.* Татарская драматургия. – М.: Наука, 1983. – 264 с.
2. История татарской советской литературы. – М.: Наука, 1965. – 578 с.
3. *Такташ Ы.* эсэрләр. Т. 1. – Казан, 1980. – 528 с.
4. Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – Казан, 1989. – 272 с.
5. *Тинчурин К.* Сайланма драмалар һәм комедияләр. – Т. 1. – Казан, 1969. – 542 с.
6. *Фәйзи Ә.* Эсэрләр. Т. 3. – Казан, 1985. – 394 с.
7. *Юзеев И.* Встреча с вечностью. – Казань, 1984. – 272 с.

10.01.10

С.А. Ржанова д-р культурологии, Исмаел Хадеер Камил Исмаел

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Саранск, rzanova@mail.ru

ИСТОКИ МАССМЕДИЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАКА

В работе представлены результаты исследования массмедийной культуры Ирака и специфики арабского кинематографа в информационном пространстве Ирака. Ряд поставленных задач помогли более обширно изучить вопросы проявления творческой индивидуальности журналиста и проанализировать процесс подготовки авторских программ на российском телевидении.

Ключевые слова: *иракская журналистика, публицистическая литература, индивидуальность, творчество, тема религии, ислам, массовая культура.*

Изучение перемен в медиасистеме Ирака после крушения диктаторского режима Саддама Хусейна выявляет развитие новой иракской журналистики со своей спецификой. Во-первых, в результате отмены цензуры и прямого правительственного диктата над медиасистемой появились новые СМИ, расширившие доступ к информации. Во-вторых, бурный рост радио и телевизионных станций. «Цифровые технологии дают возможность передавать и хранить во много раз больший объем информации, нежели старые аналоговые образцы. К тому же цифровой формат делает осуществимым объединение или изменение информации в сжатом виде компьютерными системами и их приложениями» [1, с. 40].

Существенной характеристикой современного развития иракского ТВ является конкуренция с иностранными вещательными организациями, прежде всего спутниковыми телеканалами общеарабского значения – это каналы «Al Jazeera» и «Al Arabia».

Мы рассмотрели истоки культуры Ирака, наиболее ярких ее представителей с целью исследования созидательного потенциала медиатекстов об исламе, воплощенный в функциях просвещения и этно-конфессионального диалога.

Научная новизна работы заключается в применении комплексного метода анализа медиатекстов об исламе, который позволил объединить в общую картину специфичность данной темы, ее историческую эволюцию, различные функциональные направления.

В медиасфере противоречие между приверженностью мусульманских этносов теологической традиции и между способом подачи темы религии в современных медиатекстах дает о себе знать.

Для темы нашего исследования важно, что коммуникация с помощью медиа – это не только передача сообщения от источника адресату. «Это еще и взаимодействие неких ожиданий, интересов, позиций, обусловленных общественными традициями, особенностями менталитета, доминирующими субъектами в медиасфере» [2, с. 129].

Среди представителей публицистической и художественной литературы современного Ирака видное место занимают Ismail Abdul Qadir and Nazim-az-Zahavi, переведшие на арабский язык ряд произведений основоположников марксизма-ленинизма, и передовой писатель Yusuf Matti.

Прогрессивные демократические идеи отражены в новеллах Ibrahim Abdulfattah, автора книг «Ontheway to India» и «Реакционная сущность фашизма», и Zu-n-NunAyyub, которому принадлежит ряд очерков из жизни крестьян и перевод на арабский язык произведения А. М. Горького «Мать».

Хотя в области художественной прозы Ирак все еще значительно отстает от Сирии и Ливана, в области поэзии он занимает ведущее место среди стран Арабского Востока.

Широкой известностью пользуются Jamil Sidkial-Zahavi, Maaruf-al-Rusafi и ученик последнего Mohammed Mahdial-Jawahiri. Поэт и философ-просветитель, al-Zahavi (1863–1936) непримиримо бичевал режим турецких захватчиков и пришедших им на смену английских оккупантов.

Эпический поэт и лирик Maaruf-al-Rusafi(1875 – 1945) – автор поэм «Prisonin Baghdad», «Bashir'spoverty», «Orphanon a holiday» и «Orphanmother», в которых звучит острый социальный протест против нищеты и бесправия трудового народа Ирака.

В годы II мировой войны иракский поэт посвятил Советскому Союзу яркие поэмы «Севастополь» и «Сталинград», в которых прославил героизм советского народа в его борьбе против фашизма, в 1945 году – поэму о падении гитлеровского Берлина.

Mohammed Mahdial-Jawahiri для Ирака - фигура практически той же величины, что и Александр Сергеевич Пушкин – для России. Первый сборник стихов al-Jawahiri под названием «Between poetry and feeling» вышел в Ираке в 1928 году. Поэмы al-Jawahiri «Память героя арабского народа Аднана-аль-Малика», «PortSaid» и другие проникнуты идеей освобождения арабов от колониального гнета.

Мухаммед Махди-аль-Джавахири с 1950 года являлся членом Всемирного Совета Мира, в 1975 году он получил премию Союза писателей Азии и Африки «Лютос».

По данным СМИ в 1995 году в Дамаске состоялось чествование al-Jawahiri за его вклад в обогащение арабской культуры и за его патриотические позиции, и, по поручению президента Hafezal-Assad, ему был вручен сирийский орден «За отличие» высшего достоинства. Mohammed Mahdial-Jawahiri неоднократно был гостем России.

В Институте международного образования (ИМО) Воронежского государственного университета состоялась церемония открытия бюста выдающегося иракского поэта и общественного деятеля Мухаммеда Махди-аль-Джавахири (1899 – 1997).

На официальной церемонии открытия присутствовали: временный поверенный в делах республики Ирак в РФ Jaber Hasun Ali Enuz, советник Посольства Республики Ирак в РФ доктор Abdelkarim Kamel, Полномочный министр Посольства Королевства Бахрейн в РФ Ahmed A. Al Hajiri, член Международного фонда художников, корреспондент Первого ТВ канала Саудовской Аравии в Москве Mubarek Hussein, члены делегации Багдадского университета во главе с проректором доктором Риядом Азизом Хади.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что среди передовой интеллигенции Ирака усиливается стремление к развитию национальной культуры – литературы, театра, музыки, живописи.

Национальная интеллигенция Ирака пока еще численно невелика, а прогрессивная интеллигенция еще более малочисленна. И всё же в творчестве передовых деятелей современной арабской культуры Ирака благодаря СМИ демократическая идеология противостоит реакционной идеологии.

В историческом обзоре кинематографических произведений, посвященных теме религии в арабском мире как индивидууму или группе, мы отмечаем фильм «Sheikh Hasan», демонстрирующий исламско-христианские отношения. Лента проявляется в некоторых сценах как пропагандистский акт распространения ислама. Кульминация фильма находится в финальной сцене, когда героиня лежит на смертном одре после рождения ребенка шейха Хасана. Ее дядя, пастор, просит ее вспомнить «Иисус Спаситель». Но, безусловно, ясно, что она приняла ислам перед смертью после июльской революции.

Фильм под названием «Meet There» вращается вокруг двух египетских семей, коптских и мусульманских. Молодой мусульманин (Nour Sharif) оштрафован за христианскую девушку (Suheir Ramzi) при полном появлении христианских религиозных символов, таких как Церковь и Крест.

Предлагаются только исламские религиозные ритуалы и символы.

Эмоциональные отношения нарушаются без четкого драматического предупреждения. Христианская девушка решает бежать в церковь и становится монахиней. Мусульманский юноша женится на своей родственнице и убежден, что он должен поклоняться Богу и выполнять религиозные обязанности. После того, как он задал вопрос о существовании Бога на всех этапах ленты и, таким образом, не нарушил ни одного табу. Будь то смешанный брак или возможность не верить в существование божественной силы.

Можно констатировать тот факт, что кино является важным элементом формирования народной и коллективной совести. Одновременно это и одна из составляющих индустриальной «массовой культуры», и мода, и внедрение концепций, видений среди массовой аудитории. Отражение этих процессов находит в массмедийной культуре Ирака.

Деятельность новых медиа Ирака влияет на формирование единого религиозного пространства Ирака, способствует сохранению и развитию национальных традиций, этнической самобытности, утверждению ислама.

Список литературы

1. *Ржанова С.А., Бассам Аль Хатал.* Телевидение Ирака: время медийных технологий // Казанская наука. №4 2017г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. – С.40-42.
2. *Шайхитдинов Т.В.* Тема религии в контексте нормативных теорий прессы / Т. В. Шайхитдинов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С.127 – 135 с.
3. *Шатунова Т.М.* Социальный смысл онтологии эстетического (Опыт оправдания красотой) / Т. М. Шатунова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 154 с.
4. *Ястребов А.Л.* Измерения культуры. Текст: теория, история, опыт чтения / А. Л. Ястребов, А. В. Кургузов, И. И. Мурзак. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 43 с.
5. جميع الحقوق محفوظة © 2020 | موقع عرب 48. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:<http://www.arab48.com/>(дата обращения: 07.05.2020). – Загл. с экрана.
6. Salamworld: моя религия – Ислам. Паблик в социальной сети [Электронный ресурс] – Режим доступа :URL: <http://vk.com/salamworld> (дата обращения: 10.04.2019)

10.01.10

Е.Т. Чамзырын

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра тувинской филологии и общего языкознания,
Кызыл, chamzyryn_e@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ «ШОРААН» Ч. КУУЛАРА

*Человек создан для счастья, только
счастье не всегда создано для него.*

В. Короленко.

В данной статье рассматривается повесть «Шораан» народного писателя Тувы Черлик-оола Куулара, внесшего значительный вклад в тувинскую литературу. В центре повествования – судьба тувинского подростка по имени Шораан, незрячего мальчика, а также размышления писателя о счастье и судьбе человека. В работе проанализированы нравственные проблемы и этапы становления главного героя повести “Шораан”.

Ключевые слова: *тувинская детская литература, повесть «Шораан», слепота героя, мир детства, музыкальные способности*

В последние десятилетия тувинская детская литература представляет собой одну из развивающихся форм словесного искусства. В ней в достаточной мере развиты жанры, образная система, художественные принципы сюжетостроения и конфликтообразования, различные виды изобразительно-выразительных средств.

Возникновение тувинской детской литературы является одним из важных эстетических завоеваний тувинского народа, следствием развития его духовной культуры и художественной мысли. Со дня своего зарождения она развивается, как и все другие национальные детские литературы, на основе художественной традиций родного народа и творческого осмысления эстетических богатств всей мировой литературы.

Важные общественно-политические и социально-культурные события, произошедшие в жизни тувинского народа и коренным образом изменившие культурную жизнь республики, оказали большое положительное воздействие, на становление и развитие тувинской детской литературы, которая сегодня развивается как самостоятельная ветвь национальной литературы.

Растет и повышается мастерство тувинских детских писателей. Об этом свидетельствует и то, что многие произведения, созданные детскими писателями Тувы, будучи переведены на русский язык, стали достоянием всероссийского юного читателя [4, с. 6].

В тувинской детской литературе творчество народного писателя Тувы Черлик-оола Куулара играет огромную роль. В цикле его произведений «Рассказы охотника», куда включены рассказы «Седло», «Обида лошадей», «Заяц и Снежок» и др., в них использованы элементы народной поэтики, учтены возрастные особенности детей школьного возраста. Им же на основе фольклора написаны литературные сказки «Заяц-Шаман», «Человек, умеющий говорить на девяти языках», «Красная соль» и др. [4, с. 81], в которых умело применены художественные особенности и сюжетики народных сказок.

Черлик-оол Куулар в детских произведениях наиболее часто использует стиль и манеру повествования, принятых в фольклорных жанрах. Можно сказать, что такая привязанность не уводит писателя от реализма изображаемых событий, наоборот, углубляют их жизненность и идейность поднимаемой им темы.

Образ взрослого человека, по примеру которого можно созидать хорошую жизнь, как известно, особенно важен, когда формируются основные гражданские черты личности. Такой положительный образ становится наглядно убедительным, если ему предшествует реальный жизненный прототип. Так, повесть «Шораан» Черлик-оола Куулара названа именем главного героя. В ней автор рассказал трогательно и сердечно о своём друге, композиторе Солаан Базыр-ооле, Заслуженном работнике культуры Республики Тыва, который прожил трудную, но счастливую жизнь – он был признан и любим народом, слушал голоса природы, космоса [3, с. 75].

Повесть «Шораан» для тувинской детской прозы стала новаторской. В ней впервые появилось тонкое понимание психологических особенностей подростка, умение точно передать сложные движения его души. В сюжете произведения отчетливо ощущается ее фольклорная основа, кажется, есть что-то от легенды и народной притчи. Вместе с тем, традиционное воззрение переосмысливается автором и наполняется новым – в духе времени – содержанием. Герои Черлик-оола Куулара – это самобытные, нередко просто новые характеры, обязательно ищущие себя, свое человеческое призвание, свое место в жизни. А новый характер – это новый взгляд, новый конфликт, новая постановка вопроса, новая душа. Эти серьезные творческие самоограничения делают прозу писателя современной.

В повести «Шораан» описывается страшная судьба тувинского подростка по имени Шораан, в нем поставлен и решается главный вопрос человеческой жизни – о счастье и судьбе. Автор понимает вопрос о человеческом счастье, дает почву для размышлений о счастье, о том, что понимание счастья у каждого проявляется по-своему. Автор также учит своего героя достойно преодолевать тяготы и невзгоды судьбы: *«Твоя судьба – как труднопроходимая, скалистая, отвесная гора. Но ты не тужи, настоящий мужчина умеет преодолевать любые трудности, никогда не сдавайся и не падай духом»*. Главный герой повести Шораан с самого раннего детства стал слепым. Это страшное несчастье, какое только может быть в жизни человека, так как слепота оказалась неизлечимой. Поэтому Шораан был обречен на несчастную жизнь. Вот как описывает автор состояние мальчика: *«Среди камешков, которыми я играю есть белые, синие, желтые, красные. А для меня окружающий мир – темнота»*. Однако вопреки своей судьбе, которая лишило его возможности видеть солнце, он постепенно возвратился к нормальной жизни и стал усердно учиться. Шораан стремился к наукам, подчиняясь суровой мудрости народной поговорки: *«Безграмотному даже утром тьма»*.

В повести рассказывается и о духовном развитии человека, когда внутренний мир человека раскрывается через общение с природой. И эта концепция становится главной и пронизывает всю повесть. Автор рассуждает и о том, что лишив мальчика зрения, природа в то же время щедро наградила его в другом отношении: с детских лет у Шораана обнаруживаются незаурядные музыкальные способности. Дед Сандак давно узнал от людей, что у Багыра подрастает слепой сын, очень способный к музыке. Это обстоятельство автор подтверждает следующими словами: *«Уваа, какой острый слух у ребенка! Ведь здесь у нас, как в пчелином улье: столько народу с шумом пьет бульон, а он услышал, как крыса пискнула под сундуком. Да он просто рожден музыкантом!»* Поход детей в кино тоже подтверждает музыкальность Шораана, которому звуковое оформление фильмов открыло очень многое. Так, автор пишет, что слепому мальчику музыка фильма на уровне интуиции *«помогала вникнуть в суть борьбы между силами добра и зла»*; *«И слушая музыку, Шораан как что-то свое, собственное, ощущал состояние души и особенности характеров действующих лиц»* и др.

Шораан с годами прозрел в духовном плане: он перестал чувствовать себя несчастным, хотя он не стал зрячим. Такое духовное прозрение и побеждает его личное горе, из которого, казалось, не было выхода. Этому помогли дядя Сотпа, дедушка Сандак, знавшие, что настоящая жизнь – не спокойствие, покой, а труд и борьба. И дедушка дает такой наказ: *«Пусть музыка станет твоей дорогой к людям»*. Тем самым, они помогли слепому музыканту переосмыслить свою жизнь, осознать, что подлинное счастье человека

невозможно вне общества, в отрыве от жизни народа. Итак, идея повести заключается в том, что человек своим упорным трудом, при поддержке родных и друзей может преодолеть любые препятствия, даже такой трагический недуг, как слепота. Поиск самого себя, своего места в жизни – вот главная тема повести.

Автор, чтобы раскрыть внутренний мир своего героя, ввел в ткань произведения много народных песен, легенд, а также занимательные числовые задачи. Так, дед Сандак рассказал легенду о слепом музыканте Дембилдей, который *«постиг все тайны мастерства, а в горловом пении не было ему равных. Побывал в Монголии и Тибете, слушал там самых знаменитых певцов, прославил тувинские бызаанчы, шанзы в далеких краях»* Песни Дембилдея, то печальные, то веселые, становились для людей источником вдохновения, столько в них было силы и доброты. Но слышалось иногда и другое: великая боль и тоска о том мире, которого он был навсегда и несправедливо лишен:

Света не видят мои глаза

Шелохнется, не шелохнется ли Бора-Хэль.

Луны не видят мои глаза

Течет ли, не течет ли Бора-Хэль.

В подобных традиционных припевках Шораан открыл для себя жизнь своего народа, красоту родной земли. Но как видно из текста, автор обращает внимание и на проблему Шораана, и к тому же, образец песенного фольклора помогает Черлик-оолу Куулару верно и художественно полно воссоздать картины жизни тувинского народа особенности их быта, большую любовь тувинцев к песне, которая *«выражает мысли и чувства, желания и чаяния тувинцев»* [1, с. 174].

Писатель с любовью описывает зимние вечерние игры, когда в юрте начинали играть в бабки-альчики, дает характеристику поведения главного героя в процессе игры: *«Шораан по стуку костей примерно рассчитывал, сколько штук у каждого играющего и раза два отлично угадывал»*. Черлик-оол Куулар также описывает и другие ситуации, когда Шораан демонстрирует свои слуховые особенности. Например, встречается описание скотоводческой работы, когда он помогает родителям кормить ягнят: *«...Шораан не выпускал первого попавшего в руки ягненка. Только узнав бляние овцы-матери, он брал за шейку именно ее ягненка, поглаживая рожки и, окончательно убедившись, что малыш тот самый, отпускал его к матери»*. Основываясь на таких примерах, автор приходит к выводу о необычном таланте слепого мальчика: *«...память у Шораана была от бога. Возможно, взамен отнятого зрения»*.

Автором в повести с любовью показана подготовка к школе Шораана и развитие его математических способностей с помощью занимательных числовых задач. Например, дядя Сотпа задавал ему вопрос:

- Сколько всего рожек у двадцати пяти козлят?

Такие задачки Шораан решал сразу и поэтому, иногда их усложняли:

«Ну, допустим, у трех козлов рогов не было. А у остальных есть. А у одного козла вообще четыре рога. Теперь у моих пятнадцати козлов, сколько рожек, Шораан?» - спрашивал дядя Сотпа.

Кроме основных линий повести, в ней еще присутствует мысль о настоящей человеческой дружбе. Так, по мнению автора, полнота жизни возможна лишь в единении с людьми: *«Встреча с хорошим человеком всегда оставит неизгладимый след в душе»*. Подробно рассказывается встреча Шораана с композитором А. Лаптаном и слепым музыкантом В. Безъязыковым, которая круто повернула его судьбу в лучшую сторону. Так музыка помогла Шораану воспринимать и по-своему открыть для себя мир, «видеть» и чувствовать его особым образом и это настроение в повести передается следующими словами: *«От двухструнного игила перешел к настоящему инструменту, открыв себе путь в большую музыку»*.

Исцеленная душа открыла слепому музыканту глубину жизненной правды, сделала его музыкальный талант нужным людям. Для этого Шораану пришлось преодолеть много препятствий, но ему удалось добиться признания окружающих. На формирование духовного мира Шораана оказали влияние: родной фольклор, природа, люди, помогавшие ему стать музыкантом и, конечно, его сила воли.

Повесть «Шораан» Черлик-оола Куулар о слепом музыканте, поучительна не только для детворы, но и для каждого из нас. Главная идея повести это счастье человека в любви к людям, в труде и творчестве на общее благо. Именно, поэтому это произведение включено в программы родной литературы в общеобразовательных учреждениях Республики Тыва.

Таким образом, Черлик-оол Куулар доказал свое умение изображать таких людей вдохновенно, ярко, зримо и крупно. Его герой, Шораан, преодолев трудности, стал счастливым человеком, профессиональным музыкантом. Так, на основе умелого использования народных мотивов народный писатель Тувы Черлик-оол Куулар создал замечательную современную повесть, рассказывающую о становлении личности подростка, которая и в XXI веке открывает детям мир национальной культуры и помогает решать важнейшие задачи нравственного и эстетического воспитания юного поколения.

Список литературы

1. Балданов С.Ж., Бадмаев Б.Б., Буянтуева Г.Ц-Д. Литература народов Сибири. Этнотрадиция. Фольклорно-этнографический контекст. Улан-Удэ: БГУ, 2008. 304 с.
2. Донгак У.А. Иволги напев живой: в новом облике древнего слова. Литературно-критические статьи. Абакан, 2014. 288 с.
3. Хадаханэ М.А. Беседы о тувинской литературе и не только... Кызыл: ТКИ, 2006. 144 с.
4. Чамзырын Е.Т. Этнопоэтические особенности тувинской детской прозы. Кызыл, 2009. 158 с.

Тексты

1. Куулар Ч. Шораан // Аялга.- Кызыл: ТНУЧ, 1990. С. 7- 102.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**О.А. Астафьева канд. филол. наук, А.В. Блохин канд. филол. наук,
Т.А. Колоскова канд. филол. наук, Е.П. Филиппова канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, koloskova_tak@mail.ru, olga.astafeva.71@mail.ru,
avb6767@mail.ru, filippova.elena.68@mail.ru

**ЛОКАЛЬНО – СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕМАРОК
В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Данная статья посвящена исследованию проблем лингвистики драматургического текста. В работе рассматриваются лексико-грамматические особенности локально-структурной классификации ремарок на примерах из пьесы А.В. Вампилова «Старший сын», характеризуются вводные, вставные, прерывающие и завершающие ремарки. Авторами делается вывод о том, что преобладают ремарки с локацией в составе диалоговых реплик и комментирующие поведение персонажей.

Ключевые слова: *ремарка, структура, драматургический текст, локация, диалог, грамматические особенности.*

Проблемы лингвистики текста постоянно в центре внимания современного языкознания. Особое место занимает изучение драматического текста, созданного для постановки на сцене. Драматургический текст, по замечанию академика В.В. Виноградова, состоит из диалоговых и ремарочных структур, соединенных композиционно в единое целое, «в целостную художественную структуру». [3, с. 160]. Авторские замечания ремарки в этой «целостной художественной структуре» драматического произведения образуют собой речевой материал, занимающий обособленное положение, - ремарки технически отделены от диалога. Но, несмотря на изолированность от основной ткани драматического произведения, ремарки являются структурно необходимым его компонентом. Это основополагающий элемент в структуре драматического текста, своеобразный фундамент при написании текста, ведь «первым на чистом листке бумаги появляется ремарка». «Ремарки не только не нарушают художественной целостности пьесы, но поддерживают ее и в какой-то степени, способствуют созданию композиционно- смыслового единства драматического произведения» [5, с. 93].

Еще в XVII веке основатель русского театра Иоганн Готфрид Грегори понял всю важность употребления ремарок в постановке пьес. Написание ремарок позволило ему зафиксировать сложный комплекс стилистических примет, способных объединить предложенные им диалоги в театральное-драматическое повествование.

Из современных исследователей ремарок, к примеру, Л.А. Шувалова в работе «Стилистико-грамматические особенности сценических ремарок» рассматривает специфические условия функционирования ремарок в пьесах немецких авторов XX века, классифицирует их по содержанию и по месту в пьесе, анализирует грамматические их особенности.

Ремарка как особый тип авторского текста имеет необычную форму и свои структурно-грамматические закономерности, которые обусловлены ее спецификой функционирования. [1, с.40] Рассмотрим эти особенности на материале ремарок из пьесы А.В. Вампилова «Старший сын».

Все ремарки из данной пьесы мы делим на четыре типа по их местоположению в тексте: вводные, вставные, прерывающие и завершающие.

1. Вводящими являются такие ремарки, которые вводят, включают, вовлекают нас в действие пьесы. Локально они всегда находятся в начале каждого действия, сцены, явления, не связаны с монологическими и диалогическими репликами. Например, такими ремарками открываются действия первое и второе: 1) *«Поздний весенний вечер. Двор в предместье. Ворота. Один из подъездов каменного дома. Рядом - небольшой деревянный домик, с крыльцом и окном во двор. Тополь и скамья. На улице слышны смех и голоса. Появляются Бусыгин, Сильва и две девушки. Сильва ловко, как бы между прочим, наигрывает на гитаре»* (действие 1, картина 1); 2) *«Двор. Домик Макаарской, тополь, скамья, часть ограды, но улицы не видно. Макаарская, сидя на скамейке, смотрит в сторону ворот. Появляется Васенька. Останавливается в нерешительности, потом преувеличенно бодро направляется к воротам»*. (д.2, к. 2)

В синтаксическом плане вводящие ремарки отличаются большим разнообразием, так как включают в себя разные виды предложений (односоставные назывные (наиболее продуктивный тип предложений по употреблению в ремарочном тексте), двусоставные простые неосложненные и осложненные, простые неполные, сложно-сочиненные, бессоюзные сложные).

2. Вставные ремарки входят в структуру диалоговой реплики, вторгаются в монологическую или диалогическую речь персонажа. Их иногда называют «вклинивающиеся» и различают как ремарки, стоящие после имени персонажа, и ремарки, разделяющие слова персонажа. Ремарки, имеющие локацию после имени персонажа, как бы «вклиниваются» между именем персонажа и его словами: *«ПЕРВАЯ ДЕВУШКА (Бусыгину). Разрешите руку. (Освобождает руку.) Спасибо, что проводили. Здесь мы дойдем сами»*. (д.1, к.1)

Вставные ремарки могут иметь три позиции по отношению к актуализируемым репликам: 1) В препозиции по отношению к актуализируемым репликам: *«СИЛЬВА (Бусыгину). Слушай, друг, как тебе это нравится?»* (д.1, к.1); *«СИЛЬВА (мерзнет). А ведь прохладно, скажи!»*; *«БУСЫГИН (негромко). Забавно...»*; *«НИНА (присев). Слушай, Васька...»*; *«ВАСЕНЬКА (машинально). Да, войдите»* (д.1, к.2). 2) В интерпозиции по отношению к актуализируемым репликам: *«СИЛЬВА. Зятек, точно! (Смеется.) Я тебе уже завидую. А кто такой?»* (д.2, к.2). 3) В постпозиции по отношению к актуализируемым репликам: *«КУДИМОВ. Артист! (Хлопнул Сильву по плечу)»* (д.2, к.2)

Такие ремарки из одного компонента (глагола-сказуемого *«СИЛЬВА (мерзнет)»*); деепричастия *«СИЛЬВА (изумляясь)»*; наречия *«вдруг»*, *«задумчиво»*, *«машинально»*, существительного *«в окне»*, *«с тревогой»*) или из словосочетания глагола-сказуемого с компонентами объектного и/или обстоятельственного значения (*«САРАФАНОВ (вдруг рассердился). Да что вспоминать!»*; *«СИЛЬВА (подталкивает Бусыгина)»*) относят к сверхфразовым единствам, считают «минимальной текстовой единицей монологического текста». Их структурную основу составляет глагол-сказуемое, которое относится к имени персонажа и соотносится с ним как с подлежащим. Вслед за Л.А. Шуваловой и другими исследователями такие структурные единицы относим к самостоятельным единым предложениям. [6, с. 95]

Семантика вставных ремарок связана с эмоциональным комментарием к поведению того или иного персонажа, что обусловлено идейным замыслом драматурга.

3. К третьей группе относятся прерывающие ремарки, которые обрывают диалоговые реплики. Эти ремарки легко определить по их местоположению в пьесе и по особому орфографическому оформлению: прерывая диалог, находятся на новой строчке и пишутся посередине этой строчки. После них обычно речь действующих лиц продолжается. Например:

«БУСЫГИН. Слушай. Пошел бы ты лучше в кино.

Стук в дверь.

Войдите, дверь открыта». (д. 2, к. 2)

В синтаксическом аспекте ремарки-прерыватели отличаются большим разнообразием. Структурно представлены в виде разных типов предложений: назывного (*«Стук в дверь»*); неопределенно-личного (*«Трясут друг друга за руку»*); бессоюзного (*«Васенька молчит, он*

порядком встревожен»); сложноподчиненного («Бусыгин и Сильва пытаются ускользнуть. Они делают два-три бесшумных шага по направлению к выходу. Но в этот момент Сарафанов повернулся на стуле, и они тут же возвращаются в исходную позицию»); сложноподчиненного («Двигается, чтобы согреться, потом поет и притоптывает»); предложения, осложненного деепричастным оборотом («Из кухни вышли было Бусыгин и Сильва, но, увидев Сарафанова, отступают назад и, приоткрыв дверь, слушают его разговор с Васенькой»); предложения, осложненного вводным словом («Сарафанов находится между кухней и дверью в прихожую. Таким образом, у Сильвы и Бусыгина нет возможности бежать»).

4. Завершающие ремарки стоят обособленно от диалога, локально обычно «завершают» явление или действие пьесы: «СИЛЬВА. Эта ночь закончится в милиции. Я чувствую. Исчезают в подъезде». (д.1, к.1)

Обычно завершающие ремарки можно узнать по ключевому слову: они почти всегда указывают на уход какого-либо действующего лица со сцены, что подтверждает и их название. Такие ремарки обычно содержат глагол «уходить». Например: «Вторая девушка вырывается, и обе быстро уходят». (д.1, к.1); «Бусыгин отпускает Васеньку, и тот мгновенно уходит» (д.2, к.2).

От таких ремарок следует отличать третью группу ремарок, указывающих на уход персонажа, но особенность прерывающих ремарок – действие продолжается дальше, несмотря на уход героя, а завершающие ремарки заканчивают действие, потому они находятся всегда в конце явления, акта.

Сравним: 1) «САРАФАНОВ. Вон отсюда! Вон! Сильва исчезает. Мерзавец!» (прерванная, д.2, к. 2); 2) «Уходит Сильва и Булыгин» (завершающая, д.1, к.2).

Завершающие ремарки могут указывать на появление действующих лиц на сцене, тогда их надо отличать от вводящих ремарок, которые находятся в начале действия, явления. Например: «Появляются Бусыгин и Сильва» (д.1, к.1).

Синтаксическая структура таких ремарок состоит из простых двусоставных предложений, из сложносочиненных предложений.

В количественном отношении преобладают именно вставные ремарки, на их долю приходится 42,7% (205 единиц – тип 1) и 37,7% (181 единица – тип 2), прерывающие – 13,9 % (67 единиц), вставные и завершающие ремарки не характерны для пьесы А.В. Вампилова – соответственно 1,6 % (8 единиц) и 4,1 % (19 единиц).

Таким образом, локально-структурная классификация ремарок позволяет представить функционирование их в драматургическом тексте. Локация ремарок в пьесе А.В. Вампилова обусловлена степенью их включенности в диалоговую реплику. Для драматургического текста пьесы А.В. Вампилова наиболее частотными являются ремарки, включенные в диалог.

Список литературы

1. Астафьева О.А., Колоскова Т.А., Блохин А.В. Семантика глагола в ремарочном повествовании (на материале пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад»). - Казанская наука. - 2019 (7)- с.40-42.
2. Вампилов А.В. Старший сын. - М., Согласие. - 1999.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. - М., Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.
4. Позднякова Е.А. Ремарка в пьесах А.П. Чехова. – Вестник Костромского государственного университета, 2013. - с. 93-95.
5. Хижняк А.В. Ремарка в драмах Ф. Шиллера: локально-структурный, функционально-семантический и переводческий аспекты. - диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19, 10.02.20.- Ростов-на-Дону, 2006.- 167 с.: ил. РГБ ОД, 61 06-10/1255. <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/remarka-v-dramah-f-shillera-lokalno-strukturnyj-funkcionalno-semanticheskij-i.html> (Дата обращения: 18.07.2020 г).
6. Шувалова Л.А. Стилистико-грамматические особенности сценических ремарок. - Канд. дисс. М. – 1969. – 240 с.

10.02.01

Л.К. Байрамова д-р филол. наук

Казанский федеральный университет,
кафедра русского языка и методики его преподавания,
Казань, luiziana08@mail.ru

РУССКАЯ, АНГЛИЙСКАЯ, НЕМЕЦКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О ЧУЖБИНЕ И ОТЧУЖДЕНИИ

В статье анализируются проблемы чужбины и отчуждения в морально-нравственном аспекте. Основными признаками отчуждения являются чувства изоляции от родины, одиночества, тоски – все они связаны с жизнью на чужбине. Разноязычными примерами раскрывается понятие космополитизма.

Ключевые слова: *родина, чужбина, отчуждение, иллюзорный, космополит, одиночество, пословица.*

Чувство изоляции, одиночества, разрушение традиционных норм поведения являются признаками отчуждения, которое человек испытывает на чужбине. Чужбина – одна из форм отчуждения.

Именно эти признаки отмечают философы: отчуждение «является исторически-преходящей формой опредмечивания человеком своих способностей... Отчуждение получает и определённое психологическое выражение в сознании индивида (разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувства изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т. п.)» [7, с. 22].

Очень ярко эта отчужденность выражена в афоризме А. Сталь: *Годы, проведенные на чужбине, можно уподобить ветвям, отсеченным от ствола.*

Человек на чужбине чувствует, что чужбина сурова: *Чужбина не по шерсти гладит. На чужой стороне – что в дремучем лесу. Чужая сторона – мачеха. На чужой стороне и ребёнок – враг. Жил-был молодец: в своей земле не видал веселья, на чужбину вышел – заплакал. Чужбина слезам не верит.*

На чужбине горе усугубляется незнанием неродного языка: *Горе в чужой земле безъязыкому.*

На чужбине человек тоскует по своей родине: *На чужбине родная земля во сне снится. Расставаясь с другом, плачут семь лет, расставшись с родиной – всю жизнь.*

Интерес представляет в этом аспекте и следующая пословица: *И кости плачут по родной земле / родине.* Пословица основана на поверье: Когда человек умирает на чужбине, он часто снится родственникам, оставшимся дома. Считается, что это кости умершего плачут по родной земле / по родине. (Поэтому и существует обычай перезахоронения на родине останков умершего на чужбине.)

На чужбине человек рад всему, что связано с родиной или хотя бы напоминает её: *На чужой стороншке рад своей воронушке.*

На чужой стороне человек не ценится по достоинству: *На чужой стороне и сокола зовут вороною.*

На родине лучше, чем на чужбине: чужбина угнетает, не радуется: *В своём болоте и лягушка поёт, а на чужбине и соловей молчит. На чужбине счастье, да чужое, на родине горе, да своё.*

Эти же аксиологемы подтверждаются фразеологизмами и других языков. Ср. например: англ. *Every dog is a lion at home*. – Каждая собака дома чувствует себя львом. *Every man is a king in his own house*. – Каждый человек в своём доме – король.

нем. *Daheim bin ich König*. – Дома я король. *Eigenes Dach gibt Mut*. – Своя крыша даёт мужество.

фр. *Charbonnier est maître chez soi / dans sa, en sa maison*. – Каждый угольщик у себя дома – король.

Возникновение данной французской поговорки связывается с эпизодом из жизни французского короля Франциска I (1494–1547).

Однажды, заблудившись во время охоты, Франциск I попросил приюта в хижине угольщика. Жена угольщика гостеприимно приняла его (муж в это время отсутствовал). В ожидании хозяина-угольщика король уселся на единственный стул в хижине.

Угольщик, вернувшись поздно ночью, уставший и промокший до нитки, поздоровался с незнакомцем и попросил уступить ему стул, ибо, заявил он, «по праву и по справедливости всяк хозяин у себя дома». Франциск I был вынужден согласиться и переселиться на табурет. [6, с. 64-65].

Чужбина помогает познать и оценить родину. Эта идея акцентируется особенно в немецких поговорках.

Erst die Fremde lehrt uns, was wir an der Heimat besitzen. (Theodor Fontane, 1819–1898). – Лишь чужбина показывает нам то, что мы имеем на родине. *Erst wenn du in der Ferne bist, merkst du wie schön die Heimat ist*. – Лишь когда ты на чужбине, ты замечаешь, как прекрасна родина. *Gehe in die Welt, um zu erfahren, was Heimat ist*. (Dr. Carl Peter Fruhling). – Иди в мир, чтобы узнать, что такое родина. *Heimat erkennt und schätzt der Mensch meist erst im Ausland*. (Stefan Wittlin). Лишь на чужбине человек познаёт и ценит родину: *Man weiß nicht, was man an der Heimat hat, bis man in die Ferne kommt*. – Ты не знаешь, что ты имеешь на родине, пока не окажешься на чужбине.

Говоря об отчуждённости социальных институтов и норм, предписываемых ими, классики марксизма подчёркивают, что в государстве общий интерес «... принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – как отдельных, так и совместных – интересов, и вместе с тем – форму иллюзорной общности» [7, с. 23]. Эту форму иллюзорной общности имеет космополитизм. (*Космополитизм, космополит* < греч. *kosmopolitēs* – гражданин мира.) Космополитизм – идеология, проповедующая отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма; отрицающая государственный и национальный суверенитет [5, с. 262].

Космополит – *a citizen of the world* – человек, признающий мир своим отечеством. (*Калька < фр. *citoyen du monde*.)

«Гражданином мира» называл себя рабочий поэт Джо Хилл (Hill, Joe). Выражение *a citizen of the world* было популярным среди американских политиков. В своей инаугурационной речи президент Дж. Кеннеди говорил: “*My fellow citizens of the world, ask not what America can do for you, but what together we can do for the freedom of man*“. / «И вы, мои дорогие граждане мира, не спрашивайте, что может сделать для вас Америка, спросите, что мы вместе можем сделать во имя свободы человека» [1, с. 177].

Космополит фактически отрекается от родины: *Где ни жить, только бы сыту быть. Где хорошо, там и родина / отечество*. Это выражение восходит к комедии Аристофана (ок. 446–385 до н.э.). «Богатство», в которой высказана идея: «Родина – всякая страна, где человеку хорошо» (стих 1151).

У Цицерона в «Гускуланских беседах» выражение приведено как: *Patria est, ubi-cumque est bene* («Родина всюду, где хорошо»). Выражение стало крылатым в форме «*Где хорошо, там и родина / отечество*» и часто приводится по-латыни: *Ubi bene, ibi patria*. В настоящее время используется по отношению к беспринципным людям, легко меняющим своё отечество на любую страну, которая соблазнит их какими-либо выгодами [2, с. 115-116]. См. также:

русс. *Отчизна везде, где хорошо живётся. Солнце светит везде одинаково. Хоть в Орде, лишь бы в добре.*

англ. *Home is where one hang his hat.* – Родина там, где человек живёт (букв. Его родина там, где висит его шляп). *Where is well with me there is my country.* – Где мне хорошо, там и моя страна.

нем. *In anderen Ländern ibt man auch Brot.* – В других странах люди тоже едят хлеб.

Отрекаясь от родины, космополит становится презируемым в обществе:

Космополиты вы? Прочь громкие слова!

Всегда я презирал и ныне презираю –

Бродяг, не помнящих родства! (А.М. Жемчужников. «Сумасшедшие»).

А.М. Жемчужников использовал аллюзию на крылатое выражение *Иван, не помнящий (родства)*, употребляемое по отношению к людям без убеждений и традиций. Выражение *Иван, не помнящий родства (неодобр.)* – это о людях, легко забывающих историю своей страны, её культуру; а в более широком смысле – о людях беспринципных, неблагодарных, легко забывающих сделанное им добро. Первоначально так назывались бродяги и беглые каторжники, которые скрывали своё имя и фамилию под предлогом, что они не помнят своего родства. И потому в полиции их записывали как «непомнящий родства». В активное употребление оборот вошел после выхода в свет ряд произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни» и др., где соответствующим выражением были названы беспринципные угодливые газетчики и литераторы, легко меняющие свои убеждения [2, с. 227; 3, Т. 1, с. 420]. Космополитами называют людей не только без отечества, но и таких, как характеризовал себя Диоген Циник (412–323), отвечая на вопрос, откуда он: *Kosmopolitēs* – «бесприютный, бездомный, без отечества, нищий, бродяга...» [4, с. 207].

Встает вопрос: почему человек покидает родину? Причин, видимо, несколько. А одна из них: внушенное положительное представление о стране – будущей чужбине. Почему, например, люди уезжают в Америку? Видимо, потому, что она считается «*страной неограниченных возможностей*» (нем. *das Land der unbegrenzten Möglichkeiten*). Первоначально это выражение употребил по отношению к России немецкий писатель Иоганн Готфрид Зейме (1763–1810), служивший некоторое время офицером в русской армии. Он писал: «Уже давно принято было говорить: Россия – страна возможностей, и приходится, конечно, оставить в силе эту сентенцию и в правление Екатерины, когда видишь появление таких людей, какими были Орлов и Потёмкин» (1797).

В дальнейшем выражение *das Land der unbegrenzten Möglichkeiten* было использовано по отношению к Северо-американским Соединённым Штатам немецким журналистом Людвигом Максом Гольденбергом (1848–1913), который посетил Америку в 1902 г. Цикл очерков Гольденберга об Америке способствовал распространению мнения об Америке как страны с неограниченными возможностями (имея в виду её богатые экономические ресурсы [3, Т. 2, с. 407].

Итак, понятие отчуждения включает трактовку изоляции человека от родины и пребывание его на чужбине. Жизнь на чужбине, восхваление её, отречение от родины, принятие идеи космополитизма создаёт иллюзорную общность человека с миром, тогда как на самом деле раскрывает его беспринципность и в определённых случаях даже предательство по отношению к родине.

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 18-012-00056/20.

Список литературы

1. Американа / Americana: Англо-русский лингвострановедческий словарь. / Под ред. Г.В. Чернова. – М.: Copyright. «Полиграмма», 1996. – 1185 с.
2. Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова. – М.: Госиздат. художественной литературы, 1955. – 667 с.
3. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / Под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.; 2009. – Т. 2. – 737 с.
4. Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. – СПб, 1894. – 692 с.
5. Модржинская Е.Д. Космополитизм. // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 13. – С. 262.
6. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. – М.: Наука, 1968. – 349 с.
7. Огурцов А.П. Отчуждение. // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 19. – С. 22–24.

10.02.01

Ю.Ю. Балацкая

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Симферополь, balackaja.y@mail.ru

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО СУБПОЛЯ 'ВНИМАНИЕ КАК СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА'

Статья посвящена изучению идеографической классификации фразеологических единиц, целостное значение которых реализует понятие 'внимание как состояние' с учетом достижений фразеологической, психологической и лингвокультурологической наук. Выделение и исследование отдельных фразеосемантических полей поможет при идеографическом описании фразеологического состава русского языка и при создании фразеологических словарей идеографического типа.

Ключевые слова: *идеография, фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, 'внимание как состояние'.*

Современная наука о языке последних десятилетий отличается тяготением к антропологической лингвистике, целью которой является исследование взаимосвязи языка и человека, его психики, сознания, менталитета, культуры. Принцип «от носителя к языку» становится определяющим для систематизации фразеологического материала, в частности описанный подход реализуется в идеографической классификации единиц. Особая ценность идеографического исследования фразеологии состоит в том, что оно может определить, какие сферы действительности, выраженные ФЕ, являются особенно значимыми в жизнедеятельности человека [1; 4; 5].

Цель представленной статьи – исследовать группу фразеологических единиц (далее – ФЕ), выделив ее из фразеологического массива русского литературного языка на основании целостного значения, в котором они реализуют представление о внимании как состоянии человека; охарактеризовать семантические особенности этих ФЕ, проанализировать структуру фразеосемантического субполя 'внимание как состояние человека'. В наших исследованиях опираемся на общепринятую структуру идеографической классификации ФЕ: фразеосинонимический ряд (ФСР) → фразеосемантическая группа (ФСГ) → фразеосемантическое микрополе (ФСМП) → фразеосемантическое поле (ФСП) [1].

По мнению В. М. Мокиенко, «идеографическая представленность ФЕ во всех славянских языках, отражает ее семантическую специфику. Специфика фразеологической идеографии заключается в сосредоточении на тех семантических полях, которые оценочно и экспрессивно характеризуют человека и его деятельности» [6, с. 16]. Специфика идиом проявляется в их идеографической классификации, – справедливо отмечает В. Н. Телия, – идиомы не описывают мир, а классифицируют те или иные признаки обозначаемого [7, с. 175].

Автором первой научной теории внимательности и невнимательности (рассеянности) считают американского ученого Элен Лангер, которая внимательность рассматривает как состояние настороженности и живого сознания, имеющих конкретные и типичные проявления, а невнимательность – как способ полагаться на уже сложившиеся категории, когда человек не замечает изменения условий. [3, с. 313–320]. Внимательность проявляется, когда человек слушает, прислушивается, смотрит и всматривается, то есть повышается активность познавательной деятельности в процессе познания и отражения объективной реальности.

Пласт ФЕ, обозначающих 'внимание как состояние человека', является сложным и разветвленным образованием – фразеосемантическим субполем, которое объединяет 2 ФСМП: 'состояние внимательности, бдительности' и 'состояние невнимательности, рассеянности'. Исследованный фразеологический массив ФЕ, целостное значение которых обозначает 'состояние внимательности' человека составляет небольшое образование (ФСМП) и объединяет одну глагольную и одну адъективную ФСГ (18 ФЕ).

Глагольная ФСГ «**быть внимательным**» сформирована из ФЕ, в которых выделение в смысловой структуре дифференциальных сем позволяет квалифицировать 3 ФСР с такими идеограммами:

а) быть бдительным: *держатъ ухо востро* (разг., экспрес.); *держатъ ушки на макушке* (разг.); *глядеть (смотреть) в оба* (разг.); *не дремать* (разг., экспрес.). Например: *Воеводы не дремали, Но никак не успевали: Ждут бывало с юга, глядь – ан с востока лезет рать* (А. Пушкин) [8, с. 210]; *Днём границу проскочить не так-то легко, зато ночью держи ухо востро* (Н. Островский) [8, с. 196];

б) держать под наблюдением, следить: *не спускать глаз с кого, чего; не открывать глаз от кого, от чего; не спускать с глаз кого, что; не упускать из виду кого, что; не выпускать / не выпустить из глаз* (устар.); *держатъ под колпаком* кого. Например: – *Для отвода глаз станешь работать на приiske, а основное дело твоё отныне – не спускать глаз с зелёных гольцов...* (А. Кузнецова) [8, с. 648]; *Афанасия Ивановича старались не выпускать из глаз, от него спрятали все орудия* (Н. Гоголь) [8, с. 119];

в) обращать внимание на что-либо, запоминать: *братъ / взять на заметку что; держатъ / удержатъ (удерживать, хранить, сохранять / хранить) в памяти что; мотать / намотать <себе> на ус; зарубить <себе> на носу (на лбу); зарубить на стене (на стенке)* [2, с. 63]; *братъ / взять на зарубку кого, что; братъ / взять на карандаш кого, что*. Например: *Штаб фронта брал эти сведения на заметку, как показательное явление* (Э. Казакевич) [8, с. 42]; *А я бы повару иному Велел на стенке зарубить, Чтоб там речей не тратил по-пустому...* (И. Крылов) [8, с. 249]; *Вечером ты смотришь, как он куда-то собирается, как он завязывает галстук и разговаривает по телефону, и мотаешь себе на ус...* (В. Аксёнов) [8, с. 380].

Адъективная ФСГ «**внимательный**» реализуется в ФСР с идеограммой: «кто-то очень внимателен, насторожен»: *глаза на затылке* (шутл.) у кого; *ушки (уши) на макушке* у кого (разг., экспрес.). Например: *Заикнись при нём [сапожнике] о каких-нибудь счетах или числах – у него ушки на макушке – работу в сторону, прислушивается* (А. Погосский) [8, с. 714].

Рассеянность (=невнимание) является ошибкой внимания либо (направленным) избирательным невниманием. Как правило, все происходящее вокруг теряет четкую картинку и человек концентрируется только на своих мыслях. Рассмотренный материал свидетельствует, что ФСМП 'состояние рассеянности' является разветвленным образованием, объединяет глагольную, адвербиальную и субстантивную ФСГ (40 ФЕ).

Глагольная ФСГ «**быть рассеянным**» состоит из ФСР, содержащих интегральную сему значения 'невнимательность', а поиск дифференциальных сем в смысловой структуре всех ФЕ группы дает возможность квалифицировать два ФСР:

а) быть невнимательным: *ловить считать ворон* (галок); *ловить (считать) мух; ловить (считать) звезды; глазеть в небо; разевать рот на огород* (шутл., ирон.); *разевать / разинуть рот* (прост.); *хлопать ушами* (прост., ирон.); *ушами ветер делать* (прост, ирон.) [2, с. 176]; *дать зевка (зевуна); глаза врозь распускать* (обл., презр.); *распускать / распустить бельмы* (грубо-прост.). Например: «<...>Кто тебе указал на торгу глаза врозь распускать?» (П. Мельников-Печерский); [Сумбунова <...>:] *Ротозей! распустил бельмы-то!* (И. Крылов) [8, с. 566];

б) допустить невнимательность, ошибаться: *дать маху; давать / дать промах* (прост.); *давать / дать промашку* (прост., экспрес.). Например: *Вот старый, старый, а тоже маху даёт* (К. Симонов) [8, с. 164]; [Чацкий:] *Тот сватался – успел, а тот дал промах* (А. Грибоедов) [8, с. 165].

Адвербиальная ФСГ отражает свое значение в ФСР с идеограммой «невнимательно»: *в одно ухо впускать, из другого выпускать* (неодобр.); *в одно ухо влетает, в другое вылетает* (разг., неодобр.); *одним ухом, краешком уха со сл. слушать* (разг.); *разиня (или разинув) рот (рты)* (разг. фам.) перен. Например: *Варвара, краем уха прислушиваясь к разговору, поморщилась...* (Ф. Абрамов) [8, с. 319]; – *Эх, вы, – сплюнул Матвей Поликарпович, – вертушки! <...> А это пока у вас в одно ухо влетает, в другое вылетает, молодые* (А. Мотыльков) [8, с. 81].

Субстантивная ФСГ реализуется в ФСР с такой идеограммой: «не-внимательный, рассеянный человек»: *дырявая голова* (разг., ирон.); *голова садовая* (прост., пренебр.). Например: – *Нешто не видишь, голова садовая? – Что? – В нём дыхания нет, помер!* (А. Чехов); – *У меня, я чай, голова не дырявая, не позабуду* (Ю. Герман) [8, с. 144].

Таким образом, при проявлении внимания первостепенную роль играют зрительные и слуховые анализаторы, поэтому не случайно, что в семантической структуре исследуемых ФЕ присутствуют лексические доминанты – компоненты-соматизмы, называющие органы и компоненты-названия процессов восприятия: *ухо, зрение, глаз, глаза (глазки, бельмы), взгляд, слух*, определяющие содержание внутреннего образа всего оборота.

Изученный фразеологический массив показал корреляцию между целостным значением анализируемых единиц и сложившимися в современной психологии взглядами на понятие внимания как состояния.

Изучение отдельных фразеосемантических полей при использовании научных данных психологической, лингвокультурологической и иных наук сделает возможным идеографическое описание всего фразеологического состава русского языка и создание фразеологических словарей идеографического типа.

Список литературы

1. Балацкая Ю.Ю. Фразеосемантическое микрополе 'активное внимание' // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования: Сб. научн. статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 72 – 80.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : ООО Издательство Астрель, 2001. – 496 с.
3. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания / Ю.Б. Дормашев, В.Я. Романов. – М. : МПСИ, Флинта, 2002. – 376 с.
4. Колесникова О.В. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов тематической группы «Социальные действия человека» / О. В. Колесникова // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 40–53.
5. Коноплева А.А. Реализация статико-динамических свойств языка как элемента культуры в условиях его современных функциональных трансформаций // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение. – 2020. – № 1 (254). – С. 149–155.
6. Мокиенко В.М. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) / В. М. Мокиенко // PrzegłNed Rusycystyczny. – Katowice, 2008. – № 4 (124). – С. 9–27.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

10.02.01

М.Г. Воднева канд. филол. наук, Т.С. Кондратьева канд. филол. наук

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Кубанский государственный университет,
кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
Краснодар, vmg_@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т.ТОЛСТОЙ)

В статье рассматриваются особенности концептуализации понятия «город» в рассказах Т.Толстой. Представлены результаты анализа смысловых приращений понятия «город», выявленных в текстах. Особое внимание уделяется индивидуально-авторским концептуальным признакам, реализованным во всех исследуемых произведениях и только в одном из них.

Ключевые слова: *город, концепт, смысловые приращения, Т.Толстая.*

Тема города является центральной для рассказов Т. Толстой, входящих в сборник «Не кысь». Данной понятие ярко и интересно концептуализируется в индивидуально-авторской картине мира писательницы, приобретая смысловые приращения, которые реализуются во всех исследуемых текстах или характерны только для некоторых из них. Сборник включает в себя четыре группы рассказов, объединенных заголовками и общностью тем и особенностей повествования: «Москва», «Петербург», «Тогда», «Сейчас». Выстроенная автором своеобразная ось координат, соединяющая время и пространство, предполагает, однако, определенную внутреннюю оппозицию линейных понятий, при которой противопоставлены не только «тогда» и «сейчас», но и «Москва» и «Петербург». При этом города тесно связаны с определенной эпохой и являются обстоятельством не только места, но и времени: так, Петербург – это дореволюционный период, синонимичный понятию «тогда», а Москва – современница второй половины XX века и равна слову «сейчас».

Индивидуально-авторские особенности концептуализации понятия город во всех рассказах, входящих в группу «Петербург» сборника «Не кысь», ранее были рассмотрены, и результаты анализа нашли отражение в ряде научных работ [1, 2, 3]. Настоящее исследование ставит целью выявить смысловые приращения, реализованные в некоторых рассказах других тематических групп цикла: «Лилит» («Тогда») и «Охота на мамонта», «Спи спокойно, сынок», «Круг» («Москва»). Необходимо отметить, что в трех последних исследуемых текстах московской тематики город преимущественно представлен имплицитно, не является своеобразным главным героем, однако значение его в произведениях не следует недооценивать, что подтверждается оригинальными индивидуально-авторскими концептуальными признаками понятия, появившимися в рассказах, а также выбором писательницы в качестве наименования цикла топонима «Москва».

В рассказе «Лилит» город концептуализируется как *фон*, это *родное пространство*, которое *противопоставлено* не деревне или даче, а *Западной Европе, Италии*. Примечательно, что в целом пространство в произведении представлено не только как собственно город, оно сложно и многогранно: внешнему миру, «переменчивому и зыбкому, как морская вода», противопоставлен мир «женщин начала века», которые, однако, сами «русалки, росянки, ундины, наяды, глубокие омуты, двуногие воронки, венерины

мухоловки». И эти два пространства, материальное и эфемерное, представляющие собой «внешний простор» и «собственное, внутреннее море» женщин, наблюдают друг за другом, но при этом одно является частью другого. Мир, в котором существуют такие женщины, – «все морские берега», но он давно «пойман, уловлен, водружен на голову» и носится в виде шляпки.

В рассказе интересно реализована концептуализация *город на семи холмах*. Причем это город не реальный, а существующий на той же шляпке, что и весь мир, и «взбегающий на гору». Причастие «взбегающий» настоящего времени не только выступает как олицетворение, но и придает особую динамику данному образу, реализуя смысловое приращение *живое, движущееся существо*.

А реальный город появляется только одновременно со стабильностью: после воин и революции, после всех изменений и потрясений – в начале семидесятых годов. Город этот *летний и пустой, с характерными атрибутами в виде троллейбуса*. Примечательно, что это Москва, однако город никак не назван, но по наименованиям реального бульвара и станции метро (Страстной бульвар и «Кропоткинская») можно безошибочно определить столицу. Как и в других рассказах Т.Толстой, связь между эпохой и городом неразрывна. Так, рубеж XIX-XX веков – это Петербург. Поэтому одна из героинь, «сумасшедшая старуха», проживающая в Москве, является той самой «женщиной начала века» и мысленно пребывает в другой эпохе, а следовательно, связана с Петербургом.

В рассказе «Охота на мамонта» город также выступает *фоном* для основных событий. Он, безусловно, является пространством *родным, а противопоставлена родному городу, «дому» природа* – Кавказ и север. И если первый является мечтой о летнем отдыхе на море, то второй – воплощение чужого желания походной романтики, невыносимой для горожанки.

Городская жизнь в рассказе приобретает смысловые приращения *блестящая, беззаботная, счастливая*.

Понятие «город» тесно связано с пресловутым *квартирным вопросом*: и если у героини однокомнатная квартира, то ее возлюбленный проживает в коммуналке.

Город концептуализируется как *пространство, сопряженное с особыми профессиями и местами, где работают жители*: инженеры трудятся в НИИ, а хирурги – в больнице.

Одна из первых встреч героев происходит в ресторане с изысканным меню, что является особым *атрибутом* города. Также к атрибутам понятия относятся *асфальт и неоновые огни*.

Еще один рассказ «Спи спокойно, сынок» входит в цикл «Москва». Город здесь представлен как *пространство родное*, он является и *фоном* для жизни героев, и ее *неотъемлемой частью*. *Противопоставлен* город *деревне* как месту чужому и бедному, именно туда, например, отдают старую обувь, которая никому больше не нужна и никем, кроме деревенских, принята не будет.

Город – *пространство богатое*, здесь живут люди, у которых есть автомобиль с личным шофером и трехкомнатная квартира. Таким образом, смысловой признак *богатый* реализуется не только на фоне оппозиции город – деревня, но и по сравнению с условиями жизни других его жителей. Причем богатство это преходящее и обманчивое: с потерей влияния и авторитета отца главной героини исчезают и материальные блага семьи, остается лишь квартира.

Атрибутом города является барахолка – место *опасное*, именно здесь у героини воруют шубу.

Впервые появляется концептуализация города как того, что *составляет всю страну*: «за наши города и села» приобретает в тексте значение «за Родину».

В рассказе «Круг» город также имеет общие для исследуемых текстов смысловые приращения – *родное место* и *город-фон*. *Атрибутами* города являются такие значимые места, как *рынок* и *вокзал*.

Оригинальной и впервые реализованной в произведениях Т.Толстой является концептуализация *город-клубок*, при этом нитями, туго переплетенными в мотке, выступают переулки.

Также впервые появляется метафора «*потайные картофельные города*», которая одновременно вызывает ассоциации с *подземным городом* и реализует концептуальный признак *места скученных застроек и общего проживания большого количества людей*.

Город приобретает смысловое приращение *лабиринта*, в котором легко заблудится и трудно найти нужный дом. Особым атрибутом города является *толпа*, которая подчеркивает внутренне одиночество жителей.

Примечательно, что все мирозданье сужается в повествовании до пенала, город в котором оказывается лишь малой его частью, а сама жизнь, улицы и даже возлюбленные превращаются в замкнутый круг, по которому бежит главный герой.

Город в рассказе безлик и бледен, однако вполне отражает настроение и жизненное ощущение героев. Так, разочарованная Изольда бредет по замусоренному, грязному рынку, тогда как во время зарождения чувств героев на улицах города «покой сиял прохладой», а белизна была не тронута. В период этой любви город преобразуется и из серого фона превращается в *волшебное место*, наполненное розовым светом венецианских окон и метельной мелодией, исполняемой на виолончели. Город не разъединяет влюбленных, а *соединяет* их сверкающей дугой, через которую отправить можно даже душу.

Таким образом, можно выделить следующие общие для всех исследованных текстов смысловые приращения: *город-фон; родное пространство; место с городскими атрибутами; соотносимый и неразрывно связанный с определенной эпохой*.

К концептуальным признакам, реализованным только в одном из рассказов, относятся: *противопоставленный Западной Европе, Италии; город на семи холмах; живое, движущееся существо; летний; пустой («Лилит»); противопоставленный природе; с блестящей, беззаботной, счастливой жизнью; связанный с квартирным вопросом; сопряженный с особыми профессиями («Охота на мамонта»); противопоставленный деревне: богатый; равный всей стране («Спи спокойно, сынок»); город-клубок; «потайной картофельный город»; лабиринт; волшебное место; соединяющий влюбленных («Круг»).*

Список литературы

1. Борисенко И.А., Воднева М.Г. Концептуализация понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира (на материале произведений Л.Петрушевской и Т.Толстой) // Казанская наука. №4 – Казань, 2016 – С. 62-65.
2. Воднева М.Г., Кондратьева Т.С. Особенности концептуализации понятия «город» в рассказах Т.Толстой (на материале сборника «Не кысь») // Казанская наука. № 12 – Казань, 2019 – С. 71-74.
3. Воднева М.Г. Об особенностях концептуализации понятия «город» в сборнике «Не кысь» Т. Толстой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (149) – Волгоград, 2020 – С. 147-150.
4. Толстая Т.Н. Река Оккервиль. М.: 2002.

10.02.01

Е.В. Меркель д-р филол. наук, Л.А. Яковлева канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, merkel-e@yandex.ru, yakovlyubov@rambler.ru

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ

В статье представлены основные этапы лексикографического описания топонимии Южно-Якутского региона. По итогам исследования были составлены словарные статьи, в которых выделены зона названия, зона толкования, этимологическая и словообразовательная зоны. Также определены группы топонимов по языку-происхождению, выявлены наиболее продуктивные принципы номинации топонимических объектов, произведена структурно-словообразовательная классификация топонимов, описаны семантические группы.

Ключевые слова: *лексикография, этимология, семантика, структура, словарная статья, топоним.*

Работа по комплексному анализу топонимических единиц юга Якутии включала в себя несколько этапов: 1) сбор топонимов на исследуемой территории и их описание в экстралингвистическом аспекте (географическая привязка, культурно-исторические сведения); 2) лингвистический аспект изучения (этимология, семантика, структура); 3) составление словарных статей.

На начальном этапе работы в период с 1999 по 2009 гг. осуществлялось полевое системное документирование топонимов Нерюнгринского, Алданского и Олёкминского улусов Республики Саха (Якутия). Собранные топонимы были внесены в картосхему Южно-Якутского региона, а также в электронную базу (картотеку) топонимов.

Исследование названий в географическом аспекте вызвало определенные трудности. Во-первых, в топографических картах и картосхемах, используемых нами в работе, в некоторых случаях не указан вид объекта (ручей, река, ключ и т.п.). Во-вторых, на картах не всегда есть направление течения водного объекта, что также затрудняло определение точной географической привязки.

Помимо указанных в большей степени технических затруднений необходимо указать сложности, связанные с исследованием субстратной топонимии, когда язык, к которому восходят названия, неизвестен.

Работа с архивами позволила обогатить информацию о топонимах документальными сведениями об образовании, переименовании, изменении статуса топообъекта. Отметим, что изменения названий географических объектов исследуемого региона связаны, в первую очередь, с интенсивными и длительными процессами освоения данной территории народами, относящимися к разным языковым группам: тунгусо-маньчжурской, тюркской и славянской [1].

На следующем этапе работы на основе метода фонетического строя и формантного метода, а также имеющихся исторических данных была построена рабочая гипотеза о происхождении большинства субстратных топонимов, доля которых составила 57%.

Наибольшую группу географических наименований юга Якутии в целом (анализируя статистические данные трех улусов) составили названия эвенкийского (28,7 %) и якутского происхождения (28,3 %). В меньшем количественном отношении представлены наименования русского происхождения (25,3 %). При этом на территории Нерюнгринского улуса преобладают топонимы эвенкийского происхождения (46,7 %), остальные группы

топонимов представлены в меньшем количестве: русские (30,6 %), якутские 12 %, гибридные – 10,7 %. Иную картину наблюдаем в Алданском улусе: самой объемной группой является группа русских по происхождению топонимов (33,5 %), далее следует группа эвенкийских топонимов (26,4 %), гибридных топонимов 19,7 %, якутских – 17,3 % (3,2 % составляют топонимы с невыясненной этимологией). В Олёкминском улусе большинство топонимов якутского происхождения – 55,3 %, практически одинаковое соотношение эвенкийских и русских по происхождению названий топообъектов (14,5 % и 11,5 % соответственно), гибридных топонимов 9,5 % и топонимов, этимология которых нуждается в дальнейшей доработке, 9,2 %. На основе этих данных можно делать выводы об этапах этноязыкового прошлого микрорегиона, хотя в ряде случаев языковая интерпретация топонимов остается все еще предположительной.

За основу семантической классификации была взята классификация, предложенная Э.М. Мурзаевым и исходящая из принадлежности названий к нарицательным словам и антропонимам, к которым они апеллируют [2]. Безусловно, подавляющее число географических наименований относится к отапеллятивным. Отантропонимические топонимы (антропотопонимы) представлены в топономическом пространстве Южной Якутии в меньшей степени, причем в большинстве случаев это топономинии русского происхождения. Например, *поселок Алексеевск; кряж Зверева* и др.

Все отапеллятивные аборигенные названия объединяет их природная либо бытовая основа. К основным семантическим способам мотивации топонимов, создающей условия для воссоздания топономической картины мира коренных народов, можно отнести следующие.

1. Географические названия, отражающие особенности местности, в которой находится географический объект. К этой многочисленной группе следует отнести такие топонимы, как *Аларангы Юрях* («речка, находящаяся внизу»), *Алтан-Чайдах* («река с галечным берегом, в которой есть медь»), *Аргаа-Салаа* («западный приток») и т.д. В эту группу входят и большинство ойконимов Южной Якутии, поскольку своим происхождением обязаны рекам, близ которых расположены населенные пункты (*Нерюнгри, Олёкминск, Алдан, Иенгра, Чульман, Верхний и Нижний Куранах* и т.д.).

2. Названия, отражающие качественные признаки географических объектов. Эта группа топонимов не менее многочисленная, нежели предыдущая. Примеры топонимов: *Киэнг-Юрэх* («широкая речка»), *Куччугуй* («маленький остров»), *Синнигэс* («узкая, тонкая река») и т.д.

3. Фитотопонимы – названия, данные по типу растительности или по видам растительности. К фитотопонимам относятся следующие географические названия Южной Якутии: *Бестях* («река, по берегам которой растет сосна»); *Сибикте-Арыы* («хвощёвый (травяной) остров») и т.д. Объемное топономическое гнездо образуют наименования, в основе которых якутский апеллятив *хатың* – «береза»: *Хатынг-Юрях, Хатынг-Тумул, Хатынг-Сысы, Хатынг-Ары, Хатыннаах* и др.

4. Зоотопонимы – названия, данные по видам животных. Так, например, на территории Южной Якутии, водоемы которой богаты рыбой, широко распространены гидронимы, образованные по виду рыб: *Аласырдах* («окуневое озеро»), *Деконда* («окуневая река»), *Куччугуй Сугджу* («небольшая речка, где водится рыба (лосось или ленок)»), *Мунду-Кюель* («гольянное озеро») и др.

5. Географические названия, связанные с жизнью и бытом эвенков либо якутов: *Аллара Балаганнах* («нижняя река с балаганами»), *Колбочи* («река, возле которой есть лабазы»), *Саайбалаах* («река со срубом для хранения рыбы») и пр. Отдельно стоит отметить группу топонимов, значения которых связаны с действием: *Аллара-Сасыл-Сиэбит* («место, где охотились на лису») и однокоренные гидронимы *Орто-Сасыл-Сиэбит* и *Юёсээ-Сасыл-Сиэбит*, ороним *Сиэбит*.

Что касается топонимии русского происхождения, то они, в отличие от групп субстратных топонимов, характеризуются такими принципами номинации, как идеологический, торгово-транспортный, социальный: *поселок имени ЯЦИК, затон ЛОРПа, Капрал, Радио-гора* и т.д.

Также на данном этапе работы по выполнению проекта были рассмотрены структурные особенности топонимов Южной Якутии. Простые топонимы представлены во всех языках. Например, русские топонимы (*Капрал, Крутой, Высокий, Болотный, Нагорный* и т.д.); эвенкийские топонимы (*Солокит, Беркакит, Бирикян, Кудукта, Наалды* и др.); якутские топонимы (*Сордоннох, Бору, Буордах, Кюеллэй* и т.д.).

Определены основные способы образования гидронимов (суффиксация, конверсия), ойконимов (трансонимизация, суффиксация), оронимов (суффиксация, конверсия, трансонимизация).

Особое внимание было уделено топоформантам, так как в аборигенных языках статус аффиксальных морфем неодинаков. Так, если в русском языке суффиксы не несут какого-либо самостоятельного смыслового значения, то, например, в эвенкийском языке каждый суффикс дает географическому названию определенный смысл. Например, название реки *Амнукачи*, в состав которого входит суффикс *-чи*, переводится как «река с наледью», однокоренной гидроним *Амнуннали*, благодаря суффиксу *-ли*, имеет значение «река, вдоль которой всюду наледь».

Составные названия в большинстве случаев гибричны и образованы посредством соединения: а) русского прилагательного с эвенкийским или якутским существительным (*Большое Токо, Нижний Куранах*); б) якутского прилагательного с эвенкийским существительным (*Улахан-Мёлёмкён*); в) якутского прилагательного с эвенкийским прилагательным (*Улахан-Ниериччи*). Появление таких гидронимов обусловлено многонациональностью Южной Якутии.

Среди составных топонимов часто встречаются наименования якутского происхождения, включающие номенклатурные географические термины. Например, в названиях возвышенностей используется якутский термин «хая» (хайа) - «гора, хребет, горы»: *Абагы-Хая, Ингыр-Хая, Баянай-Хаята* и др. В названия рек может входить компонент *үрэх* - с якутского языка «речка»: *Дойду-Юрэх, Бес-Юрэх*, и др. Для эвенкийской топонимики, в частности, гидронимики такое явление не характерно, скорее всего, виду наличия суффикса *-нгна* и его вариантов *-нгдра, -нгда, -нгра, -нндя, -ння*, имеющего значения «река», «местность», который добавляется к названию каких-либо рыб, зверей, растений, металлов, характерных для данной реки, озера или местности. Например, *Нерюнгра, Давангра, Нычангда* и т.д.

При составлении словарных статей регионального топонимического словаря Южной Якутии руководствовались теоретическими выкладками О.Л. Рублевой, автора топонимического словаря г. Владивостока, которая выделила пять зон квалификации топонима [3].

Окончательный вариант словаря топонимов Южной Якутии содержит толкование 788 географических названий. Основным фактором, влияющим на отбор тех или иных топонимов, стала степень известности наименования (величина, экономическая значимость, историческая ценность\примечательность).

Статьи расположены в алфавитном порядке. Если название имеет русские дифференцирующие определители большой - малый, верхний - нижний и т. д., то в словарь они включены по основному названию, например, Амга: Амга Верхняя и Амга Нижняя. Реализовать тот же принцип расположения в словаре топонимов, содержащих дифференцирующие определители якутского или эвенкийского языков, к сожалению, не представлялось возможным ввиду частых случаев цельноформленности в этих языках дифференцирующего определителя и основного топонима (*Улахан-Ары* («большой остров»), *Унга-Сытыган* («правый Сытыган»), *Аллараа-Сиикэй* («нижний приток незамерзающей реки») и т.д.).

Характеристика каждого топонима представлена в словарной статье, которая имеет следующую структуру: заголовочное слово, толкование, историко-этимологическая справка, иллюстрация.

Естественно, далеко не каждая словарная статья достигает необходимой полноты. Большой объем имеют словарные статьи топонимов якутского и эвенкийского происхождения, поскольку подробно описывается этимология топонима, словообразовательные особенности; в некоторых случаях приводится несколько версий происхождения топонима, народно-этимологическая интерпретация, культурно-этнографические сведения, связанные с тем или иным объектом.

К словарю приложен библиографический список, включающий в себя 160 источников, ссылки на которые внутри словарных статей даются цифрами, взятыми в скобки. В приложении публикуется краткий терминологический словарь (включает 26 терминов), который облегчает работу с текстом словаря.

Список литературы

1. *Багдарыын Сүлбэ*. Топонимика Якутии / Багдарыын Сүлбэ. Якутск: Кн. Изд-во, 1985. 144 с.
2. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 258 с.
3. *Рублева О.Л.* Владивосток в названиях от "А" до "Я": топонимический лингвострановедческий словарь. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 273 с.

10.02.01

В.В. Радченко канд. филол. наук, Е.В. Тарабукина

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
филологический факультет,
divinor@mail.ru, epetr5@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Статья посвящена изучению речевого манипулирования сознанием в масс-медиа на материале рекламных текстов компаний сетевого маркетинга. Рассмотрены основные направления речевого манипулирования, выявлены особенности использования языковых средств на грамматическом уровне с учетом специфики сетевого маркетинга.

Ключевые слова: *речевая манипуляция, сетевой маркетинг, рекламные тексты.*

В данной статье мы поставили целью рассмотреть специфику речевой манипуляции на материале рекламных текстов сетевого маркетинга, представленных на официальных сайтах компаний.

Сетевой маркетинг - это способ продажи товара при помощи совокупности распространителей (дистрибьюторов), которые связаны друг с другом и работают по определенным правилам, заданным компанией. Продажи осуществляются без посредников (от дистрибьюторов компании напрямую к покупателям), каждый потребитель продукции может стать и ее распространителем; дистрибьюторы являются одновременно продавцами продукции компании и, что более важно, рекрутерами и наставниками («спонсорами») новых дистрибьюторов. Организации сетевого маркетинга называются также MLM-компаниями (от multi-level marketing, многоуровневый маркетинг), поскольку сеть, которую строит каждый спонсор, рекрутируя новых людей, состоит из нескольких уровней [2].

Реклама сетевого маркетинга вызвала интерес для анализа тем, что она не только предлагает купить товар, но и предлагает его продавать другим и/или убедить других продавать товар.

Рекламу можно признать практически целиком манипулятивной сферой человеческой деятельности, так как ее основная задача – это повлиять на выбор потребителя в пользу какого-то товара, услуги и т. д.

Речевое манипулирование предполагает скрытое воздействие на участников коммуникации, посредством особого речевого манипулирования, то есть отбора и языковых средств, при помощи которых и достигается скрытое, неосознаваемое адресатом воздействие [3].

Рекламные обращения в большинстве своем строятся на использовании имплицитной информации — информации, которая явно в тексте не выражена, но существует как подтекст и может быть достроена потребителем. Потребитель при восприятии рекламы не только считывает буквальный смысл, но и дополняет, расширяет этот смысл на основе личных воззрений [1].

Исследователи выделяют разные методы речевого манипулирования. На всех уровнях языка можно найти компоненты с манипулятивными силами. Существует три основных направления языкового манипулирования, которые используются в рекламе.

1. Эмоции. Для рекламы очень важным является воздействие именно на эмоциональную сферу, так как общая эмоциональная реакция на рекламу товара автоматически переносится на сам товар и оказывает значительное влияние в ситуации потребительского выбора. Эмоциональная память является одним из самых устойчивых видов памяти, эмоции сильнее и непосредственнее логических рассуждений, поэтому их легче смоделировать.

2. Социальные установки. Для любого человека очень важными являются отношения «я — общество — я в обществе». Поэтому с помощью рекламы удобно манипулировать различными социальными установками человека: самооценкой, самоутверждением, общественным мнением и пр.

3. Картина мира. Каждый человек имеет собственные представления о мире и его законах. Знания, навыки, опыт, эмоции и ощущения постепенно складываются в единую картину действительности... Как следствие в рекламе мы имеем дело не с объективной картиной мира, а с ее интерпретацией. Такая разница в восприятии позволяет рекламщикам создавать собственные «версии мира» и выдавать их за реальные [1].

Нашей задачей было рассмотреть, как проявляется речевое манипулирование в русле этих направлений на грамматическом уровне. Материалом для нашего исследования стали тексты рекламы с официальных сайтов компаний «Амвей» (amway.ru) и «Эйвон» (my.avon.ru).

На синтаксическом уровне можно отметить достаточно частое использование синтаксического параллелизма. К примеру, компания «Эйвон» в текстах своей рекламы часто и повсеместно использует этот прием:

«Мы верим, что успех, достигнутый нечестным путем, ведет к поражению. Мы ценим порядочность и последовательно развиваем культуру открытого общения между сотрудниками. Мы не замалчиваем нарушения и свободно говорим обо всем, что кажется нам неправильным».

В данных примерах можно также наблюдать использование глаголов настоящего времени ценностной семантики, которые подсознательно формируют доверие у потенциального клиента. Глаголы настоящего времени несут в себе значение действия, которое совершается в реальном времени, в отличие от глаголов будущего времени, в которых действие еще не совершено, но лишь обозначает перспективы. Таким образом, формируя в сознании клиента чувство надежности и доверия.

В текстах рекламы можно встретить использование глаголов действия, которые формируют в сознании потенциальных клиентов образ активно развивающейся, мобильной, успешной, не стоящей на месте компании. Например: *Более 85 лет бренд NUTRILITE™ работает в области питания, проводит исследования и внедряет инновации. Деятельность компании не ограничивается производством и продажей товаров. Более 130 лет мы разрабатываем новейшие технологии в бьюти-мире, совершаем прорывы в уходе за кожей и декоративной косметике... Много уже сделано, мы планируем и дальше работать в этом направлении!*

Использование прилагательных в текстах рекламы позволяет создать эмоционально-оценочную картину мира, представляя продукт или услугу или процесс сотрудничества привлекательным для клиента. Например: *Участуйте в мероприятиях и получайте специальные преимущества. Особые привилегии для VIP-клиентов. Мы поощряем культуру открытого общения, чтобы каждый мог свободно высказать свое мнение. Мы соблюдаем высокие этические стандарты в каждом решении, заботясь о наших клиентах, представителях и сотрудниках.*

Использование модальных глаголов формирует в сознании потенциального клиента уверенность в том, что благодаря сотрудничеству, он способен многого достичь, и эти достижения соответствуют его интересам и желаниям. Например: *Хотите начать свое собственное дело, но не решается? Ты можешь больше, чем ты думаешь! Мы верим, что бизнес может быть силой добра. Мы хотим быть не просто лучшей компанией в мире, мы хотим быть лучшей компанией для мира.*

Глаголы повелительного наклонения прямо побуждают потенциального клиента к действию. Как правило, в дополнение к ним предлагаются привлекательные образы (продукта, имиджа, услуги, сотрудничества). Например: *Станьте клиентом компании! Постройте свой бизнес! Начните свое партнерство с Amway. Стань дерзкой бунтаркой! Новая ты! Примерь образ...*

Использование вопросительных конструкций помогает акцентировать внимание на важных вопросах, обозначить образ действия. Например: *Как восстановить каркас из “детского” коллагена и вернуть упругость кожи? Как создавать новые парфюмерные звучания каждый день? Хотите присоединиться к Avon? Нужна помощь?*

Восклицательные конструкции в тексте рекламы несут на себе эмоциональную нагрузку высказывания, как правило, позитивную и жизнеутверждающую, с большим зарядом энергии, во всех отношениях привлекательную для клиента. Например: *Забота мамы с первых дней! Хочу! Новая ты! Новинка! Станьте клиентом компании! Энергия твоего Я! Ты можешь больше, чем ты думаешь!*

Таким образом, можно заметить, что сетевые компании в текстах своей рекламы как представляют сами, так и позволяют потенциальным клиентам самостоятельно создать определенную картину мира посредством эмоций и социальных установок. При этом языковое манипулирование в текстах компании «Амвей» в основном проявляется на основе социальных установок и выстраивании привлекательной картины мира, чем манипулирование на основе эмоций. Тогда как компания «Эйвон» в основном использует манипулирование на основе эмоций, чем на основе социальных установок. Отличительной особенностью текстов рекламы сетевого маркетинга является способность продавать не только продукты, но и идеи.

Список литературы

1. *Бернадская Ю.С., Костылева Т.А.* Приемы речевого воздействия в рекламе // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: www.cyberleninka.ru/article/n/priemy-rechevogo-vozdeystviya-v-reklame (дата обращения: 05. 06. 2020).
2. *Зуева Д.С.* Сетевой маркетинг как нетрадиционная форма хозяйственной организации // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: www.cyberleninka.ru/article/n/setevoy-marketing-kak-netraditsionnaya-forma-hozyaystvennoy-organizatsii (дата обращения: 05. 06. 2020).
3. *Ковешникова М.Н.* Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: www.cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniy (дата обращения: 05. 06. 2020).

10.02.01

И.В. Уткина канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
Центр международного сотрудничества,
кафедра русского языка как иностранного,
Тверь, utkina.iv@tversu.ru

РУССКО-АРАБСКИЕ КОГНАТЫ В СИСТЕМЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОЙ

В работе представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа лексики русского и арабского языков в виде неполного списка русско-арабских когнатов – слов, совпадающих по семантике и звучанию. Предложена классификация русско-арабских когнатов в соответствии со степенью совпадения значения.

Ключевые слова: *когнаты, трансференция, межъязыковое сопоставление, русский язык как иностранный.*

В современном мире цифровизации и открытых возможностей доступа к информации о любом языке, ко множеству словарей (тематических, переводных, комплексных и т.п.), он-лайн курсам по русскому языку как иностранному, количество которых стремительно растет в последнее время, у иностранца не возникает трудностей с получением знаний о языке и даже в формировании языковой компетенции посредством современных информационных технологий. Процесс овладения русским языком замедляется и усложняется из-за возникающего культурно-психологического барьера. Иностранный студент, обучающийся в стенах российского вуза, – это взрослый человек, вынужденный в заданных иноязычной и инокультурной естественной средой ощущать себя в роли ребенка, познающего азы коммуникации, он испытывает серьезные психологические трудности, приводящие в большинстве случаев к снижению мотивации из-за потери уверенности в своих силах. На наш взгляд, сопоставление изучаемого иностранного языка с родным в целях поиска индентичностей, даёт преподавателю и обучающемуся те точки опоры, которые послужат серьезным мотивационным инструментом для преодоления языковых и культурных барьеров.

Крупнейший ученый-языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил о том, что «сравнение» и рассмотрение языков «во взаимной связи» может быть двоякого рода» и допускал возможность «сравнивать языки независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними» [3]. Придерживаясь этой мысли, мы предполагаем, что сопоставление арабского и русского языков на лексическом уровне с последующим составлением списка идентичных, похожих по звучанию и значению, слов, называемых в лингвистической литературе когнатами, будет полезно тем, кто сталкивается с изучением русского языка как иностранного.

Межъязыковым исследованиям лексики посвящены работы таких учёных, как В. В. Акуленко, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и др.[1, 2, 5]. Работы современных лингвистов и методистов посвящены взаимодействию и взаимовлиянию языковых систем при овладении иностранным языком [6, 8]. Большинство исследователей прибегает к сопоставлению близкородственных языков и обращает внимание на англо-немецкие, англо-русские, англо-французские и т.п. когнаты [7,9].

Классификация англо-немецких, англо-французских и других когнатов основана на графической, фонетической и семантической схожести лексических единиц. Относительно русско-арабских когнатов мы не можем говорить о графической схожести в силу того, что арабская вязь и кириллица трудно сопоставимые объекты. Под русско-арабскими когнатами в рамках данной статьи мы будем понимать слова, которые имеют семантическую и

фонетическую схожесть в русском и арабском языках. В области наших интересов не лежит этимология слов и источники заимствований корней, когнаты исследуются нами как дидактический инструмент, позволяющий найти идентичности в родном языке и в изучаемом иностранном языке.

Объектом нашего исследования являются русско-арабские когнаты – лексические единицы русского и арабского языков, которые совпадают семантически и похожи фонетически и в результате трансференции оказывают положительное влияние на освоение иностранного языка. Основная задача состоит в формировании списка русско-арабских когнатов методом сплошной выборки. В качестве материала исследования послужил русско-арабский словарь В.М. Борисова [4], который на сегодняшний день является наиболее полным и авторитетным изданием в этой области. Составленный список будет полезен не только студентам, но и преподавателям, обучающим русскому языку арабоязычных студентов или арабскому языку русскоязычных. Когнаты могут использоваться преподавателем как средство повышения положительной мотивации студентов при обучении иностранному языку. На начальном этапе обучения трудности, с которыми сталкивается иностранец связаны с шоком, возникающим из-за отсутствия представления о системе русского языка и ощущение бесконечности правил и лексических единиц. Уверенность обучающихся в том, что русский язык очень сложный и совсем непохожий на родной – арабский язык, ограничивает возможности трансференции. Разрушение такой уверенности возможно посредством когнатов, однако этот процесс должен происходить исключительно под руководством преподавателя, чтобы исключить отрицательное влияние переноса навыков, интерференции. Введение когнатов в учебный процесс должно чередоваться с работой над «ложными» когнатами (в работах по переводу – «ложные друзья переводчика»), лексические единицы, которые либо частично совпадают по значению, либо имеют другое лексическое значение. В результате такой работы у обучающегося должна сформироваться система лексических единиц, которые имеют общий корень в силу того, что были заимствованы из одного языка или из изучаемого языка, однако семантически могут совпадать, не совпадать, частично совпадать. Осознание того, что изучаемые лексические единицы можно классифицировать не только тематически или по морфологическим признакам, как принято в большинстве учебников и в переводных словарях, но и по семантической и звуковой схожести/несхожести. Согласно межъязыковой гипотезе овладения иностранным языком когнаты мотивируют обучающегося к выработке своей системы освоения лексическими единицами, к творческому и свободному проявлению в речевом взаимодействии на иностранном языке. Преподаватель постепенно выстраивает систему таких лексических единиц (когнатов), которая опирается на знания и навыки, приобретенные на родном языке. Межъязыковое сопоставление способствует развитию когнитивных способностей обучающегося, осмысленного интерлингвистического анализа с последующим выявлением сходства и различия изучаемых языковых единиц.

Классификация русско-арабских когнатов может быть представлена в соответствии со степенью совпадения значения русско-арабских слов. Лингвистически обосновано и методически целесообразно выделить три группы русско-арабских когнатов. Первая группа самая многочисленная, т.к. в неё входит интернациональная лексика: «асфальт *اسفلت*»; «атлас (ткань и книга) *اطلس*»; «альбом *البوم*», «банк *بنك*», «шоколад *هشوكولات*», «канон *ذ كاذو*», «тариф *ت مريفه*», «кафтан *قفطان*» и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц доказывает, что не только интернациональная лексика является когнатами. Этимологически данные лексические единицы связаны, скорее всего, по причине заимствований в результате одних и тех же культурных или территориальных контактов, однако это требует дополнительного исследования, что не является целью нашей статьи. Во вторую группу отнесём слова-когнаты, которые не являются интернациональной лексикой, т.е. в других языках будут звучать иначе. Такими словами являются, например, «алмаз *الماس*», «фитиль *لفتي*», «ананас *اناناس*».

Третья группа слов частично совпадающих по значению, т.е. значение этих лексических единиц шире либо в русском, либо в арабском языке: «абажур *اباجورة*» в русском языке это лишь составная часть светильника, в то время как в арабском языке – это весь светильник, лампа. Слово «сундук *صندوق*» в арабском языке шире и включает в себя понятие «коробка», как и «магазин *مخزن*» в арабском языке обозначает место для хранения.

Таким образом, семантическая и фонетическая идентичность лексических единиц представляет дидактическую ценность при изучении русского языка как иностранного. Группируя лексику по предлагаемому принципу, студент получает возможность ускорить процесс овладения русским языком, выработать уверенность в своих возможностях и стрессоустойчивость в процессе осознания того объема лексики, который необходимо освоить. Определение совпадающих и не совпадающих по значению и звучанию лексических единиц позволит оптимизировать время, затрачиваемое для их изучения. Перспективным представляется направление по составлению полного списка русско-арабских когнатов, что позволит расширить границы межъязыковых исследований и усовершенствовать методы освоения иноязычной лексики при овладении иностранным языком.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В.В. Акуленко. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1972. – 215 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций./ И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С.83.
4. Борисов В.М. Русско-арабский словарь/Под ред. проф. В.М. Белкина. – М.: Сам интернешнл, 1993. – 1121с.
5. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. Монография/ В.Н. Комиссаров. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 162с.
6. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 318 с.
7. Пересторонина И.Л. Формирование языковой компетенции при обучении лексике второго иностранного языка: на примере англо-французских когнатов: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2003.
8. Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. Монография/ А.А. Романов. – Тверь, 2007. – 222 с.
9. Штиглюз Л.Б. Обучение распознаванию англо-немецких когнатов при чтении: дис. канд. пед. наук. – Пермь, 1981. – С. 186.

10.02.01

Г.Р. Фахарова канд. филол. наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
факультет сервиса и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, gylnara86fah@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируются особенности функционирования глаголов межличностных отношений в современной публицистике. Актуальность данного исследования обусловлена изучением глагольных форм с позиции лингвистики текста. Обращение к текстам газет позволяет выявить специфику взаимоотношений между людьми, характер отношений между разными странами и определить особенности публицистического стиля.

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, положительное отношение, отрицательное отношение, средства массовой информации.

Глаголы межличностных отношений привлекали и все более привлекают внимание исследователей как с позиций теоретико-лингвистического осмысления, так и со стороны их коммуникативного воплощения в тексте. Данная лексико-семантическая группа глаголов конструирует различные жизненные ситуации, в связи с этим она отличается частотностью употребления. Кроме того, потенциальные семанτικο-стилистические возможности глаголов межличностных отношений определяют то обстоятельство, что они оказываются значимым элементом текста.

В лингвистике накоплен немалый опыт многоаспектного анализа глаголов межличностных отношений в художественном дискурсе [1, 3, 7, 9, 10 и др.], однако работы, посвященные изучению рассматриваемой группы глаголов в современных средствах массовой информации, единичны [4]. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что освещение глаголов выводится в сферу комплексного системно-функционального подхода.

Целью данной работы является описание особенностей функционирования глаголов межличностных отношений в современной публицистике на примере текстов статей газет «Аргументы и факты», «Российская газета», «Собеседник». Новизна работы связана с выявлением особенностей употребления глагольных лексем с семантикой межличностных отношений в текстах современных средств массовой информации.

Довольно частотны в текстах средств массовой информации глаголы, обозначающие положительное и отрицательное эмоционально-оценочное отношение. Положительное эмоционально-оценочное отношение выражается чаще всего глаголами *доверять, дружить, нравиться/понравиться, любить, переживать* и др., употребляющимися в прямых лексических значениях. Например: *Поначалу было очень тяжело, родные очень **переживали** за нас* [6, с. 7] - в данном примере наречие *очень* усиливает выражение положительного отношения. В предложении *А эти обнимашки с Помпео и страстные желания **понравиться** Западу?* [2, с. 3] – глагол *понравиться*, исходя из предшествующего контекста и в сочетании с конкретизатором *страстные желания*, приобретает, наоборот, отрицательную оценку.

Отрицательное эмоционально-оценочное отношение выражается с помощью таких глаголов, как *завидовать, ненавидеть, презирать* и т.п. Например: *Вот как просто оказалось свалить эту власть: надо **презирать** ее настолько, чтобы **не удаивать даже ненависти*** [8, с. 1] – в данном предложении отрицательное отношение усиливается за счет использования глагола *презирать* в сочетании с конкретизатором *н настолько, чтобы не удаивать даже ненависти*.

В ходе исследования были выявлены случаи особого употребления глаголов контакта *договориться*, *держаться*. Нами было отмечено, что данные глаголы употребляются с целью передачи определенного характера отношений между разными странами. Например: *Недавно стороны договорились о том, что Россия предоставит Белоруссии кредит* [2, с. 2] – в данном предложении глагол *договориться*, имеющий значение «прийти к соглашению после переговоров, обсуждения» [5, с. 171], используется для передачи положительного характера отношений между двумя странами. В контексте *Эти события показали, что нам надо теснее держаться с нашим старшим братом* [2, с. 2] – глагол *держаться*, имеющий значение «вести себя каким-нибудь образом» [5, с. 161], в сочетании с конкретизатором *теснее* подчеркивает важность дружественных отношений между Россией и Белоруссией.

Современная эпидемиологическая ситуация наложила определенный отпечаток и на использование глаголов рассматриваемой группы. Например: *Про ограничения, которые теперь будут в театре, Сергей Женовач много не распространялся, сказав лишь, что будет «капсульная рассадка», чтобы «не разлучать людей друг с другом»* [8, с. 19] – в данном контексте используется глагол *разлучать*, который в сочетании с отрицательной частицей *не* приобретает положительное отношение.

В проанализированных нами текстах были отмечены и индивидуально-авторские глагольные образования, в контексте приобретающие семантику межличностных отношений. Например, в предложении: *На эту новость от худрука актерская молодежь отреагировала экспрессией футбольных болельщиков, празднующих забитый гол* [8, с. 19] – выделенная конструкция используется с целью передачи положительного эмоционально-оценочного отношения, а сравнение с довольными болельщиками усиливает этот эффект.

Межличностные отношения в текстах современных средств массовой информации могут выражаться и глаголами других лексико-семантических групп, в частности, глаголами лексико-семантической группы «перемещение». Например: *У меня есть кадр с того 1 Мая, даже по фотографии видно: этих двух человек тянет друг к другу такой магнит, которому противиться невозможно* [2, с. 19] – в данном предложении глагол *тянуть*, имеющий основное значение «натягивать или расправлять» [5, с. 820], выражает положительное эмоционально-оценочное отношение, которое усиливается за счет использования его в составе сравнительной конструкции *тянет друг к другу такой магнит*.

В современных средствах массовой информации глаголы межличностных отношений активно используются. Нами отмечены случаи, когда глаголы межличностных отношений используются авторами с целью передачи характера отношений между разными странами, скорее всего, это связано с влиянием геополитических факторов. Также в ходе исследования были проанализированы индивидуально-авторские глагольные образования, в контексте приобретающие семантику межличностных отношений. В основном данные формы выполняют выразительную функцию, так как одна из функций публицистики – воздействие на читателя.

Список литературы

1. *Акимова Т.П.* Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений: дис. канд. филол. наук: Волгоград, 2003. 272 с.
2. Аргументы и факты, № 38 (2079) 16-22 сентября 2020 г.
3. *Гоголина Н.А.* Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений (на материале русского литературного языка XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1986. 18 с.
4. *Дементьева Е.С., Денисова Л.Н.* Глаголы межличностных отношений в медиа-текстах (на материале газеты «Комсомольская правда») [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2014. – №8. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/glagoly-mezhlichnostnykh-otnoshenijj-v-media-tekstakh-na-materiale-gazety-komsomolskaya-pravda>.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Российская газета, № 208 (8262) 16-23 сентября 2020 г.
7. *Румянцева М.В.* Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: СПб, 1997. 18 с.
8. Собеседник, № 35 (1817) 16-22 сентября 2020 г.
9. *Фахарова Г.Р.* Особенности функционирования глаголов межличностных отношений в формулах речевого этикета (на примере произведений И.А. Бунина // Казанская наука. 2019. № 10. С. 64–66.
10. *Фролова М.В.* Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х гг. XX века (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2008. 18 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Н.В. Аксёнова канд. филол. наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа Базовой Инженерной Подготовки,
Отделение иностранных языков,
Томск, polozova15@tpu.ru

**ДЕОНИМИЗИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ
В НЕОЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена исследованию явления деонимизации как методу образования новейших лексических единиц современного английского языка. Цель исследования – выделить тематические группы имен собственных (ИС). Раскрывается новая тенденция, когда деонимизированные имена приобретают социальную компоненту и одновременно постепенно утрачивают этническую компоненту.

Ключевые слова: современный английский язык, неолексика, имена собственные, деонимизация, словарный запас, стилистические и функциональные особенности.

Актуальность данного исследования определяется постоянным появлением новых лексических единиц в современном английском языке. В данной статье представлены примеры собственных имен, которые стали неологизмами в английском языке в последние годы. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: выделить новые деонимизированные лексические единицы, сгруппировать данные по группам, выделить примеры деонимизированных единиц. Основными методами исследования выбраны описательный метод, сравнительный метод, анализ деонимизированных единиц.

Теоретической базой исследования послужили труды Д.И. Ермоловича, В.В. Катерминой, Е.В. Кравченко, М. Э. Рут.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты можно применить в курсе по лексикологии, спецкурсах по изучению современного языка и лингвистике. Особенности деонимизированных лексических единиц составляют предмет данной статьи. Объектом исследования стали имена собственные, перешедшие в имена нарицательные. Материалом для исследования послужили примеры данных имен собственных. Источником исследования выступили различные блоги на просторах сети Интернет, телепередачи.

Д.И. Ермолович заметил, что «в речевой практике антропоним постепенно обретает способность к более точной идентификации человека. Это происходит тогда, когда определённый круг лиц связывает знание ряда известных им признаков данного человека с его именем» [1].

По мнению Е.В. Кравченко «граница между именами собственными и нарицательными проходит не только внутри класса имен существительных, но и за пределами этого класса» [3].

М.Э. Рут полагала, что «имя не указывает на национальность, но став именем конкретного человека, списочный антропоним приобретает реальное значение, содержанием которого является конкретное представление об определенном индивидууме» [4].

В.В. Катермина соглашается с важностью социума в использовании имен собственных, также она акцентирует на «культурной коннотации, отражающей элементы культуры народа и его ценностные представления в ходе анализа неологизмов имен собственных» [2].

Изначально, с помощью типичного имени обозначали этнически чуждую группу чтобы выделить этнические стереотипы: «ганс» – вместо «немец». В ходе нашего исследования мы разделили найденные имена собственные на две группы: женские (Карен, Бекки, Трикси, Лакиша) и мужские (Чад, Кайл, Мистер Чарли, Кевин). Были проанализированы смыслы использования имен собственных в функции имен нарицательных.

Прежде всего, проанализируем имеющиеся женские имена. Во-первых, первые три имени – это имена, которые в США ассоциируются именно с белыми женщинами.

Бекки (Becky) – слэнговое название белой женщины. Это имя ассоциируется с белой девушкой, которая любит Старбакс и угги, она фотографирует свой фрэппучино, она дилетант в вопросах расизма, ей не интересны проблемы социального характера. В 2019 г в словаре Мэрриэм-Вебстер [5] упоминалось, что Бекки – это ярлык, особенно для белой женщины, которая некомпетентна ни в привилегиях, ни в предрассудках. Например, в 2017 г Ребекка Тавэл, автор в центре споров о Трансрасовости в журнале «Гипатия», была названа критиками Бекки [7].

Карен (Karen) – имя-стереотип социального поведения. Данное имя – это пример имени, которое полностью лишено этнического компонента. Карен – это образ белой женщины, как правило, ей от 30 до 50 лет, она или натуральная блондинка, или крашенная, и она любит показывать свою власть над другими, спорить с менеджерами – именно такой образ среднестатистической Карен.

Трикси (Trixie) – имя, ассоциирующееся в основном с городской белой женщиной, как правило, незамужней, в возрасте от 20 – 30 лет. Этот термин появился в 90-х в Чикаго, Иллинойс, связан с популярным сатирическим вебсайтом, посвященным сообществу Линкольн Парк Трикси, вымышленному клубу, находящемуся по соседству с парком Линкольна. Женщины с именем Трикси – это молодые женщины, которые хотят добиться социального роста за счет раннего замужества и обретения богатства с последующим переездом в другой, более престижный район. Есть еще несколько типов Трикси: женщины с сумками от Кейт Спейд на каждый день, женщины, которые идут учиться юридический институт чтобы в дальнейшем найти себе мужа, девушки из бывших «организаций греческих букв» или сестричества, которых привлекают спортивные, накаченные мужчины.

Белые американцы обозначали темнокожих американцев другим именем как носителей чужой культуры. Имена афроамериканцев – это отдельная часть субкультуры и их национальных традиций. Они включают в себя имена французского происхождения, мусульманские и арабские имена. В 1950-60х гг большинство афроамериканских имен напоминали американские и европейские имена, это относилось, как правило, к иммигрантам и диаспорам, которые старались заимствовать американские имена, популярные в тот период времени. С развитием движения за равные права в 1960х гг возрос спрос на свои, национальные имена. В культуре афроамериканских имен появился спрос на создание собственных имен. Многие имена были образованы от уже имеющихся популярных имен. Новые имена стали образовываться при помощи приставок: ла-/ле-, да-/де-, ра-/ре-, жа-/же- и суффиксов: -ик, -иша, -ари, -ан/-он. Например, Лакиша (Laquisha) – не любая черная женщина, т.к. кроме этнического элемента, добавляется и культурный элемент. В этом имени не только африканские корни, но и французские.

Чад (Chad) – это имя пришло из Чикаго и ассоциируется с молодым 20-30летним городским американским мужчиной, обычно неженатым. В дальнейшем, имя переквалифицировалось и этим именем стали называть мужчин - альфа-самцов: немного ветреных, высокомерных, но очень сексуальных и физически хорошо развитых. Кайл (Kyle) – мужская версия женского имени Карен. Как правило, если мы слышим это имя, то в нашей голове рисуется образ молодого белого человека, подростка, немного озлобленного из-за постоянного времяпрепровождения за компьютерными играми. Он очень импульсивен и постоянно на энергетиках. Мистер Чарли (Mister Charlie) – имя, ассоциирующееся с важным белым мужчиной, иногда этим именем называют и мужчин с темным цветом кожи если он ведет себя высокомерно и имеет повадки как у белого. У этого имени есть несколько

вариантов написания, но исторически его корни уходят во времена рабовладельческого строя, угнетения черных и превращения их в рабов, когда большинство белых господ называли похожим именем – Мистером Чарли.

Кевин (Kevin) и Шанталь (Chantale) – эти два имени – яркие примеры того, что носители этих имен столкнутся с возможными проблемами в будущем в виду своей экзотичности и необычности. Габриэль Родригес [6], лингвист из Лейпцига пишет, что подобные неординарные имена незаслуженно имеют плохую репутацию. Такими своеобразными именами наделяют своих детей представители нижнего сословия, бедные люди, которые хотят каким-то образом выделить своих детей, таким образом, возвысить. – это имя – пример отношения к собственной культуре. Ранее, данное иностранное имя, чуждое для одной культуры, появилось в обиходе, но оно быстро вышло из моды и осталось как напоминание о том, что когда-то это имя было модным, а потом, по разным причинам, утратило свою популярность.

Широкое распространение социальных сетей ускоряет некоторые языковые процессы, за счет расширения контактов между пространственно и социально разделенными людьми. В новом мире социальное и поведенческое отличие ощущается как более важное, чем этническое. Поэтому, даже если и сохраняется привязка деонимизированного имени к этнической или расовой группе, то она всегда дополняется культурным или социальным детерминативом. Многие деонимизированные имена полностью лишены этнического компонента.

Список литературы

1. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. –М.: Р. Валент, 2001. – С. 39.
2. *Катермина В.В.* Имя собственное в различных типах дискурса (на материалах английских неологизмов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – №3. – С. 88.
3. *Кравченко Е.В.* Деонимизация имен собственных в английском языке: На материале антропонимов и топонимов. Автореф. дис. ...канд.филол.н. – Владивосток, 2004. – С. 14.
4. *Рут М.Э.*, Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского гос.ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. №20. Вып. 4. – С. 60-63.
5. *Merriam-Webster* [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.09.2020)
6. *Rodriguez G.* Die Vornamen einer Stadt - Leipzig (2010). In: Die Stadt und Ihre Namen. Band 1 (hrsg. v. D. u. D. Kremer). Leipziger Untersuchungen zur Namenforschung. Band 8. Leipziger Universitätsverlag, 2012, S. 133-144.
7. *Tuvel R.* What is it like to be a philosopher [Электронный ресурс] URL: <http://www.whatisitliketobeaphilosopher.com/rebecca-tuvel> (дата обращения: 15.09.2020)

10.02.04

**О.Ю. Богданова канд. филол. наук, В.Н. Бабаян д-р филол. наук,
О.Л. Крамаренко канд. филол. наук**

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны,
кафедра иностранных языков,
Ярославль, dictema@mail.ru, vladimirbabayan@rambler.ru, petruper@mail.ru

ЗАГЛАВИЕ И ЗАГОЛОВОК С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ДИКТЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА И ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ

В статье рассматриваются особенности заглавий художественных произведений и заголовков публицистических текстов с позиций диктемной организации текста и эмотивной лингвистики. Представленные диктемой особого рода, заглавие и заголовок являются диктемным именем текста, в котором эмоциональное состояние автора выражается с различной степенью эмотивности и экспрессивности.

Ключевые слова и фразы: *заглавие, заголовок, диктемная организация текста, лингвистика эмоций, диктемное имя текста.*

В настоящее время эмоциональная составляющая выделяется в различных видах дискурса. Поскольку эмоциональная сфера личности на сегодняшний день остается малоизученной, часто понятия «эмоции» и «чувства» используются как тождественные. В свою очередь, недостаточно изученной также остаётся область исследования заглавий художественных произведений и заголовков публицистических текстов.

Целью настоящей работы является рассмотрение вопроса особенностей проявлений эмотивности в заглавиях и заголовках с позиций теории диктемной организации текста и лингвистики эмоций. Несомненно, заглавие и заголовок являются неотъемлемым семантико-композиционным элементом любого текста, художественного или публицистического. Следует отметить, что авторы данной статьи с самого начала разграничивают номинации «заглавие» и «заголовок». Первичная (главная) базовая лексика номинации «заглавие» обозначает название текста определенной информационной весомости. Обобщенному значению номинации «заглавие» противопоставляется частное значение номинации «заголовок». Следовательно, под заглавием понимается название любого художественного произведения. В данном случае заглавие предполагает выделение определенного смыслового аспекта произведения. Под заголовком, как правило, подразумеваются именованные статьи в периодических изданиях, в научных журналах и т. д.

Прорывом в области лингвистики текста признана сформулированная и разработанная профессором М. Я. Блохом теория диктемной организации текста, согласно которой непосредственной единицей языка, взятой в структурном выражении и служащей элементарной тематической единицей текста-дискурса, является диктема, в которой реализуются четыре знаковых функции: номинация, предикация, тематизация и стилизация [2, с. 56].

Рассматривая текст в рамках его диктемной структуры, в настоящей работе заглавие и заголовок определяются как диктемное имя текста, представляющее собой наименьшую тематическую единицу особого рода, в которой актуализируются все четыре важнейшие функции диктемы. Результатом их актуализации является формирование ряда рубрик информации, но в данной статье выделяется информация эмотивная, импрессивная и эстетическая [3, с. 116].

Инновационные подходы осуществляются и в других отраслях языкознания. Интерес филологов к лингвистике эмоций неуклонно растёт, поскольку с развитием данного учения у лингвистов появилась возможность проводить более глубокие исследования в различных областях языкознания, используя метаязык данной науки для описаний эмоциональной картины мира человека. Особый вклад в эту область знаний внесла Волгоградская школа лингвистики эмоций, возглавляемая профессором В. И. Шаховским. Динамика развития эмотиологии проявляется в различных гипотезах, предлагаемых учеными, занимающимися исследованиями в данной науке. Так, весьма интересным представляется обоснование В. И. Шаховским нового термина «эмоционально-коммуникативная личность», логично вписывающуюся в терминосистему современной коммуникативистики и не отрицающую термин «языковая личность», а наоборот, подчеркивающую важность ее эмоциональной компоненты [7, с. 54]. По мнению В. И. Шаховского, коммуникативная личность подразумевает знание дискурса, а не только знание системы языка [7, с. 72].

Несомненно, эмоции являются составляющим компонентом акта коммуникации и могут оказывать разнообразное влияние на его участников в процессе общения. Через репрезентацию таких языковых категорий, как *эмотивность* и *экспрессивность* происходит выражение эмоций в языке. Существуют неоднозначные понимания семантики и соотношения данных категорий. М. Я. Блох и В. И. Шаховский считают *экспрессивность* и *эмоциональность* частично сходными, но автономными явлениями и допускают существование *неэкспрессивной эмоциональности*. Согласно точке зрения В. И. Шаховского, *эмоциональность* высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, в то время как *экспрессивность* чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-то адресата [6, с. 3-25]. Под *эмотивностью* в данной работе понимается самовыражение говорящего через высказывание, отражающее его чувства, оценки и впечатления. Усиление впечатляющей силы высказывания с целью воздействия на адресата представляет *экспрессивность* [2, с.65].

В проведенном ранее исследовании, посвященном эмотивно-диктемному анализу заглавий англоязычных художественных произведений, была выявлена взаимосвязь между эмоциональным состоянием писателя и эмоциональным отношением читателя, на которого направлено данное реагирование [4, с. 175]. Объективация эмоционально-непосредственного личностного смысла, сопровождаемого эмоциональными переживаниями писателя, происходит посредством слова, тем самым претворяя эмоциональные переживания автора в категорию эмотивности. Эмоциональное состояние и отношение писателя так или иначе проявляется через коннотативную часть лексического значения слова-символа в диктемном имени текста, поскольку именно символ художественного произведения помогает автору организовать мироподобную структуру, в которой возможно появление ряда смысловых сцеплений [1, с. 91]. Причем в структуру коннотации наряду с эмотивностью могут входить как *экспрессивность*, так и *оценочность*.

Рассматривая заголовки публицистических текстов, следует отметить особую роль заголовка газетных статей как элемента публицистического дискурса с позиции теории диктемной организации текста. В результате актуализации важнейших функций диктемного имени текста происходит формирование ряда рубрик информации, но в контексте данной работы акцентируется внимание прежде всего на эмотивной и импрессивной информации, позволяющей раскрыть особенности проявления эмоционального отношения и состояния автора публицистической статьи. Занимая сильную позицию по отношению ко всему тексту, заголовок играет важную роль в создании единства текста и является эффективным средством привлечения внимания, выполняя при этом ярко выраженную аттрактивно-прагматическую функцию [4, с. 173]. Однако отметим, что существует различие между эмоциональностью высказывания и его эмотивностью. Эмотивное высказывание представлено осознанно, преднамеренно и имеет интенцию оказать воздействие на адресата, при этом используя эмотивные средства специальной лексики и синтаксиса.

Одним из средств формирования отношения читателя к затрагиваемым событиям и проблемам является речевое манипулирование, представляющее собой вид речевого воздействия на создание определенных убеждений, предрассудков и стереотипов сознания у массовой аудитории [5, с. 31]. Принципиально отличительной чертой речевого манипулирования оказывается скрытие истинной цели воздействия публицистом на читателя. Используя разнообразные психологические, психолингвистические и языковые механизмы, манипулятор подталкивает читателя к некритичному восприятию речевого сообщения.

Среди основных приемов речевого воздействия в лингвистических исследованиях выделяют следующие: введение в отрицательно оцениваемый контекст; переход на личности; недосказанность, как виновность; установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью; семантическая импликация как инструмент управления пониманием; широкое использование метафор; намек; прием концентрированного повторения информации; использование вопроса в качестве ответа; языковая игра; ссылка на неизвестный источник; введение в заблуждение жанром текста; искусственное конструирование аргументации; возможность вербального описания примера при невербальной экзemplификации; ссылка на авторитет; снижение силы утверждения – «лексемы-ограничители» и другие.

Скрытое речевое воздействие достигается благодаря категоричным и безапелляционным заявлениям, которые вынуждают читателя принять навязываемую точку зрения. Оформление побуждения к определенным действиям в виде советов и предостережений также придает высказыванию манипулятивный характер. Особый интерес со стилистической точки зрения представляет использование языковой (речевой) агрессии – сферы речевого поведения, мотивированной агрессивным состоянием информатора [5, с. 35].

Таким образом, можем заключить, что с позиции теории диктемной структуры текста заглавие и заголовок являются неотъемлемым семантико-композиционным элементом любого художественного или публицистического текста соответственно и представляют его диктемное имя. С позиции лингвистики эмоций, выражение эмоционального состояния автора реализуется через репрезентацию таких языковых категорий, как эмотивность и экспрессивность. Она осуществляется с различной степенью эмоционального воздействия на читателя в художественной литературе и в публицистике.

Список литературы

1. *Андреева В.Г.* Символика в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 4. С. 88–92.
2. *Блох М.Я.* Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 56–57.
3. *Богданова О.Ю.* Заголовок как элемент текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 116– 119.
4. *Богданова О.Ю., Бабаян В.Н.* Эмотивно-диктемный анализ заглавий британских художественных произведений // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4. С. 172–179.
5. *Сентенберг И.В., Карасик В.И.* Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. СПб. : Экополис и культура, 1993. Вып. 1. С. 30-38.
6. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1987. 190 с.
7. *Шаховский В.И.* Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2018. Т. 22. № 1. С. 54-79.

10.02.04

К.А. Сахибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Казань, kadria85@yahoo.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ЭРГОНИМОВ

В статье проводится анализ фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом орнитонимом, которые встречаются в названиях компаний и брендов. Так как основными свойствами названий брендов являются значение и краткость, фразеологические единицы, состоящие из двух-трех слов, часто используются для этой цели. Образ бренда анализируемых названий обычно строится в двух основных аспектах: фразеологическом значении или игре слов.

Ключевые слова: *орнитонимы, эргонимы, фразеологические единицы, названия брендов.*

В каждом языке существуют фразеологические единицы, устойчивое изображение которых основано на специальных компонентах, таких как орнитонимы, колоронимы, зоонимы и т. д. Такие ФЕ, являясь отражением культурных особенностей народа, говорящего на определённом языке, наделены определёнными ассоциациями и символами.

Цель данного исследования - выявить символические и ассоциативные значения ФЕ с орнитонимической составляющей, а также показать, что данные ФЕ широко используются в современном языке.

ФЕ наделены ассоциативными и символическими значениями, благодаря чему несут в себе отражение культуры народа, т.е. их образ основан на культурно-исторической семантике. Актуальность английских ФЕ постоянно успешно исследуется на материале как современной английской литературы, так и прессы и рекламы. Кроме того, ФЕ английского языка успешно используются при наименовании брендов и формировании эргонимов.

Брендовая семантика сформированная в сознании человека, обеспечивает эмоциональную связь между лингвистическим восприятием бренда и его смысловыми функциями. Таким образом, лингвистический бренд - это совокупность реальных и виртуальных мнений, которые выражаются в определенном продукте, а название бренда несет в себе смысл, привлекая потребителей [2].

Лингвистическое выражение бренда или его название - это ассоциация, основное значение, связанное с тем или иным образом. Существует также вторичное значение, связанное с общепринятыми значениями. Даже вторичные значения лингвистического названия бренда формируют основное значение слова, и, соответственно, образ.

Основой названия бренда является образ. По словам И. А. Тортуновой "Образы могут быть разными, но они должны стабильно связываться в сознании потребителя со сферой деятельности компании, во-вторых, производить благоприятное впечатление на адресата, в-третьих, быть эффектными и привлекательными" [1]. Таким образом, эргоним должен сообщать получателю определенную информацию о продукте или услугах и представлять собой отдельный текст (микротекст). ФЕ с орнитонимической составляющей в современном английском языке вполне успешно справляются с данной задачей. Рассмотрим несколько примеров для того чтобы в этом убедиться.

Существует большое количество символических значений орнитонима «гусь». Гусь символизирует способность воспроизводить потомство, преданность, женское начало, а также смелость, верность, умение "работать в команде", уверенность, защиту и общение. Домашний гусь чаще всего предстает болтливым, по матерински заботливым и глупым

существом [3]. Рассмотрим ФЕ, которые активно используются в языке и стали фирменными названиями брендов. Например, ФЕ "Golden goose" (досл. золотой гусь). Словарь The Free Dictionary дает следующее определение данной фразеологической единице: Человек, вещь или организация, которая является или имеет потенциал заработать много денег в течение длительного периода времени. Взят из народной сказки о гусе, который откладывал бы золотое яйцо раз в день, но был убит его владельцем, потому что тот, хотел все его золото сразу [3]. Существует итальянская компания обуви и аксессуаров под названием Golden goose, название которой отчасти передает упомянутый выше смысл. Если первостепенное значение связано с ассоциацией с золотом как элементом роскоши, вторичное же значение ссылается на то, что это прибыльный бизнес.

Некоторые названия брендов строятся не на фразеологическом образе, а на словосочетании. ФЕ «Wild goose chase» означает сложную, длительную и обычно безрезультатную погоню или поиски [4]. Несмотря на то, что он имеет отрицательное значение, он используется в именовании пивной компании *Wild*. Напиток, содержащий крыжовник «gooseberry», получил название "Wild goose chase".

Утка во всеобщем представлении - символ изобретательности и хитрости, благодаря своей способности ходить по земле, плавать, летать и погружаться под воду. Существует также ряд ФЕ с компонентом «утка», используемых в названиях брендов.

ФЕ «Duck soup» – легкая добыча, используется как название ресторана. Здесь также можно наблюдать две значения названия: первое - это игра слов, "утинный суп" – блюдо, подаваемое в ресторане, второе - ресторан позиционируется как место с простейшей, но изысканной едой.

«Sitting duck» - легкая или беззащитная мишень [4]. Данная ФЕ использовалась для названия гостевых домов в городе Дак, Северная Каролина. Очевидно, что название также основано на названии города, в то же время компания хотела привлечь внимание клиентов к расположению домов, указывая на то, как легко найти и легко добраться до домиков.

Еще одно довольно популярное выражение в названии бренда – «Get one's ducks in a row» (досл. Выстроить уток в ряд), что означает все организовать, привести в порядок. Было обнаружено две компании, использующие данную единицу в своих названиях: 1) All ducks in a row – специализируется на предоставлении высококачественного ухода за пожилыми. Мы можем предположить, что название сообщает о том, что компания заботится о людях и облегчает их жизнь. 2) Ducks in a row – компании по трансформации и обустройству жилого и рабочего пространства. Это название также основано на фразеологическом значении единицы, поэтому означает, что компания приводит в порядок помещения и облегчает жизнь людей.

Трансформированный вариант ФЕ «as a duck takes to water» - как утка в воде, что означает сделать что-то легко и гладко, естественно, используется как название компании по рекламе и дизайну «Duck to water». Название компании показывает, что они являются профессионалами, выполняющими свою работу легко и эффективно.

Широко распространённая и лаконичная ФЕ "Night owl" (досл. ночная сова) довольно популярна в наименованиях брендов, так как на это название или на его вариации зарегистрировано 69 компаний. Важно то, что все названия основаны на ассоциативном значении этого выражения и, так или иначе, связаны с работой допоздна. Среди них несколько компаний такси, компании по найму сиделок, охранные компании и даже переводческие агентства.

С древних времён «петух» считался, в некоторых культурах, священной птицей. Такие качества, как "гордость", "мужество", "высокомерие", "дерзость" и "чутье", которыми наделён данный орнитоним, определённо связаны с походкой, поведением птицы, в то время как "бдительность" имеет связь с привычкой петуха рано вставать и оповещать всех о начале нового дня.

ФЕ «Cock of the walk» (досл. вольный петух) – используется для описания горделивого, уверенного в себе человека [4]. Это выражение также использовалось в названии ресторана и имеет интересную историю. Сеть ресторанов дает предысторию фразеологической единицы и объясняет, почему она использовалась в качестве названия: В начале 1800-х годов город Натчез "Under the Hill" в Миссисипи был местом сбора "киллодочников", которые привозили товары и припасы вниз по пути в Новый Орлеан. Каждая лодка имела своего "чемпиона", и когда встречались две лодки, для этих "чемпионов" было обычаем бороться за заслуженное звание "Вольного петуха" - "Лучшего из лучших". В конце 1970-х гг. некоторые люди собрались в этом историческом месте в Натчезе на Миссисипи и разработали комбинацию рецептов в южном стиле. Название "Cock of the walk" возродилось со значением "Лучший из лучших".

Орёл - солнечный символ, который является атрибутом солнечных богов во многих культурах. Он также символ гордости, отваги, величия и силы. ФЕ "Legal eagle" (досл. правовой орел), которая используется для описания особо умного, агрессивного или умелого адвоката, становится основой для названий нескольких юридических компаний, что не требует каких-либо объяснений. В то же время есть ресторан под названием "Legal eagle", но информации, почему он был назван именно так не было найдено.

Выражение "Eagle eye" (досл. орлиный глаз), означающее превосходное зрение, «наметанный глаз», также довольно часто используется в названиях брендов и компаний. Например, "Eagle eye networks" - компания, устанавливающая камеры видеонаблюдения, использует идиому, чтобы показать клиентам, что их системы обеспечивают детальное наблюдение за необходимой территорией. "Eagle eye" - маркетинговая компания выражает в своем названии способность видеть, что именно нужно потребителю. "Eagle eye" также является брендом, производящим всевозможные автомобильные фары. "Eagle eye tours" - туристическое агентство, объединяющее свои туры с наблюдением за птицами. Используя игру слов, компания объединила две идеи: наблюдение за орлами в своих турах, в то же время клиенты не упустят никаких деталей во время своих туров.

Являясь отражением коллективного мышления ФЕ с орнитонимической составляющей широко используются в современном английском языке, что подтверждается тем, что многие из них используются в качестве названий брендов и компаний. Есть два основных аспекта, на которых основан образ бренда: фразеологическое значение и игра слов. Следует отметить, что основными особенностями бренда являются краткость и лаконичность. Именно поэтому обычно в наименованиях используются короткие фразеологические единицы, состоящие из двух или трёх слов. Сокращенные варианты фразеологических единиц также применяются в нейминге.

Список литературы

1. Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества / Научный диалог. – 2012. – № 3. – Филология. – С. 124–137.
2. Charmasson H. The name's the thing: creating the perfect name for your company or product. New York: Amacom, 1991. 179 pp.
3. Online etymology dictionary [Онлайн ресурс]. – режим доступа: <https://www.etymonline.com>
4. The free dictionary [Онлайн ресурс]. – режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com>

10.02.04

**И.В. Уварова канд. педагог. наук, А.М. Бальян канд. филол. наук,
И.А. Борисенко канд. филол. наук**

Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Краснодар, ash.balian@yandex.ru

УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена уровневой модели изучения языковой личности. Уровневая модель языковой личности позволяет выявить совокупность языковых и коммуникативных способностей, произвести анализ речевого портрета, интеллекта, лингвокультурных и возрастных параметров, ценностных установок данной языковой личности, ее социально-интерактивных и коммуникативно-прагматических способностей и умений. Такой способ изучения позволяет определить, к какому из типов относится языковая личность – к сильному, усредненному или слабому.

Ключевые слова: *языковая личность, коммуникативная личность, речь, лексикон, характеристика.*

Наиболее типичные черты людей, говорящих на разных языках мира, позволяют создать унифицированные, обобщенные модели языковой личности.

Сферами проявления деятельности человека в языке представляются: «1) формирование картины мира в языке и создание языкового инвентаря, 2) порождение речи, 3) роль человека в процессе коммуникации». При этом говорится о необходимости уделить особое внимание анализу трех основных этапов порождения речи: «довербального» этапа (формирование интенции говорящего); этапа выбора языковых средств, а также языковой реализации замысла (озвучивание) [9, с. 6]. Эти параметры учитывают практически все лингвисты, работающие над созданием модели языковой личности.

Г.И. Богин создал модель языковой личности, где человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [3, с. 1].

Ю.Н. Караулов считает, что «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [5, с. 36]. Ученый отмечает, что для описания языковой личности с целью ее анализа или синтеза необходимо представить: «а) характеристику семантико-структурного уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессе порождения текстов и их содержания» [5, с. 43], поскольку в понятии языковой личности ученый видит не только «комплексный способ описания языковой способности индивида», но и характеристику любого носителя того или иного языка «на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка» [6, с. 671].

В структурной модели языковой личности Ю.Н. Караулова выделяются три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингвокогнитивный и 3) мотивационный (прагматический).

Единицами первого уровня являются отдельные слова как единицы вербально-ассоциативной сети. Иными словами, вербально-семантическая характеристика языковой личности складывается из лексикона, которым она пользуется в процессе естественной вербальной коммуникации. При этом учитывается как количество лексических единиц, так и умение правильно использовать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации, вариативности, функционально-стилистической ценности. Уровень владения этим умением, а также нарушения нормативных правил словообразования, грамматики и произношения определяют индивидуальность этой характеристики.

К структурным единицам второго уровня относятся идеи, концепты, из которых складывается собственная картина мира каждой языковой личности. В сознании индивидуума они представлены как некая иерархия социальных и культурологических ценностей, сформировавшаяся в конкретных условиях социального опыта и деятельности. Это отражается в использовании излюбленных разговорных формул и индивидуальных речевых оборотов, по которым можно узнать конкретную языковую личность. Когнитивная характеристика связана с интеллектуальной сферой личности, познавательной деятельностью человека, предполагающей мыслительные процессы.

Итак, наиболее существенными для когнитивного параметра коммуникативной личности являются следующие характеристики: способность адекватного восприятия информации, способность воздействия на партнера, оценка и самооценка когнитивного диапазона и знание социально обусловленных норм вербальной и невербальной коммуникации. Актуализация этих способностей и знаний сопряжена с целым рядом других когнитивных характеристик, связанных с самым ответственным этапом коммуникации – функционированием выбранного кода в конкретной ситуации, когда начинают действовать сложные механизмы речемыслительной деятельности, обусловленные не только социологическими, психологическими и лингвистическими факторами, но и нейрофизиологическими.

Единицами третьего уровня являются цели, задачи, мотивы, намерения и установки, которые, по мнению Ю.Н. Караулова, проявляются в коммуникативно-деятельностных потребностях личности. Именно мотивированность говорящего, которая, по определению Ю.Н. Караулова, является «коммуникативно-деятельностной потребностью», и представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности [4, с. 5].

А.В. Пузырев также говорит о многоуровневости языковой личности, указывая на такие ее ипостаси, как мыслительная (доминирующие в обществе архетипы сознания), языковая (степень «развитости и особенности используемого языка»), речевая (характер наполненных время и пространство текстов), коммуникативная (соотношение коммуникативных и квазикоммуникативных, актуализаторских и манипулятивных типов общения) [7, с. 113].

Уровневое членение речевой способности, по мнению Т.Г. Бирюковой, предусматривает низший, семантико-строевой, и высший, мотивационно-прагматический, уровни, последний из которых характеризуется эффективностью, связанной с интеллектуальной деятельностью, а также с различными аффектами и чувствами, развитой общей и речевой культурой человека [2, с. 156].

Ю.В. Бец три уровня владения языком характеризует как «досистемный», системный и «сверхсистемный». «Ошибка тяготеет к первому уровню овладения языком, намеренное отклонение от нормы – к третьему уровню, а правильная речь (и скрытая речевая индивидуальность) – ко второму» [1, с. 15]. Все языковые факты могут быть распределены, считает исследователь, по трем категориям: 1) ошибки и недочеты; 2) правильные варианты и 3) инновации, которые свидетельствуют о творческом использовании языковой системы. «Заметное преобладание одной из категорий свидетельствует об уровне развития языковой личности, о степени овладения языком» [1, с. 22].

«Уровневые модели изучения языковой личности помогают не только лучше понять саму личность, но и глубже проникнуть в художественный замысел автора речевого произведения, полнее постичь скрытые в нем смыслы, идеи, художественно-эстетическую направленность» [8, с. 240].

Таким образом, при создании моделей языковой личности должны учитываться ее язык (лексикон, тезаурус, отражающий знания о мире, чувство языка и креативный подход к нему), речь, коммуникативные и мыслительные способности, должны быть выявлены ее доминанты, целевые установки, внутренние мотивирующие ценности, социально-интерактивные и коммуникативно-прагматические способности и умения.

Список литературы

1. *Бец Ю.В.* Речевая индивидуальность как семиотическая система (на материале письменной речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юлия Васильевна Бец. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. – 23 с.
2. *Бирюкова Т.Г.* Коммуникативные потребности старших школьников / Т.Г. Бирюкова // Проблемы русского и общего языкознания: Межвуз. сб. науч. тр., посв. Году русского языка. – Вып. 6. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2008. – С. 155–161.
3. *Богин Г.И.* Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин, 1986.
4. *Караулов Ю.Н.* Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – 208 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. *Караулов Ю.Н.* Языковая личность / Ю.Н. Караулов // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.
7. *Пузырев А.В.* Многослойность языковой личности / А.В. Пузырев // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. и сообщений науч. конф. – Волгоград, 1997. – С. 113–114.
8. *Рядчикова Е.Н.* Особенности языковой личности Алисы из произведений Льюиса Кэрролла с позиции структурных моделей / Е.Н. Рядчикова, А.М. Бальян // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 3 (26). – С. 237–240.
9. *Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Ч.З. Абдуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
отдел общей лингвистики,
Казань, chulpan_markiz@mail.ru

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ДВУЯЗЫЧИЕ»

В настоящее время большую актуальность приобрели вопросы национальных отношений и двуязычия. В свете сказанного становится понятным то большое внимание и интерес, которые уделяются в последнее время исследованию проблемы двуязычия представителями различных областей науки: философии, социологии, психолингвистики, языкознания и др. Двуязычие – явление сложное, многоаспектное. Оно выдвигает множество «теоретически спорных, политически острых, практически важных» проблем.

Ключевые слова: *двуязычие, национально-русское двуязычие, диглоссия.*

Некоторые исследователи считают, что национально-русское двуязычие является одним из основных причин утраты национальной самобытности, вытеснения национальных языков из многих сфер общественно-политической и экономической жизни. Двуязычие, по их мнению, ведет к ассимиляции наций и народностей, отрывает от национальной культуры, истории и традиций. В ходе дискуссий было указано и на такие теневые стороны двуязычия, как, например, отрицательные последствия двуязычия для индивидуальности. Сторонники этой точки зрения утверждают, что овладение вторым языком в детском возрасте является психологической проблемой, с которой не все дети могут успешно справиться. Двуязычие, по мнению некоторых специалистов, замедляет развитие детей и препятствует овладению родным языком. Недостаточное развитие родного языка – это не единственная опасность, которая угрожает индивидууму в условиях двуязычия. Языковая неполноценность может дополниться недостаточным культурным развитием и раздвоением личности. При этом, как пишет М. М. Михайлов, эти специалисты опираются на механистическую теорию ассоциаций Эпштейна, который в своей работе «Мышление и многоязычие» (1915 г.) высказал мнение, что языки склонны в сознании человека запрещать друг друга. Эпштейн сделал вывод, что двуязычие (многоязычие) – социальное зло, т. к. тормозит мышление. Существует и другая точка зрения. Она базируется на материалистической теории ассоциаций, созданной И. П. Павловым и его учениками, которые опровергали выводы Эпштейна. М. М. Михайлов считает, что психофизиологическая сущность двуязычия (многоязычия) может быть понята не на основе теории столкновения изолированных ассоциаций, а на основе павловской теории пластичности нервной системы человека. Автор пишет: «Системный характер речевой деятельности на разных языках обеспечивает свободный подбор нужных слов и грамматических конструкций, не вызывая ассоциативного торможения. Овладев вторым, третьим и т. д. языком, мы ни в коей мере не ущемляли свое мышление. Наоборот, возрастают его гибкость, пластичность, совершенствуется способность к решению абстрактно-логических задач. Изучение национальных языков стимулирует и овладение родной речью, делает ее более свободной и современной» [4, с. 72].

Некоторые исследователи указывают на отрицательные последствия национально-русского двуязычия для языков малых народов. Утрату этнических родных языков они прямым образом связывают с национально-русским двуязычием. По их мнению, ограничения, накладываемые на функционирование местного языка, а в случае малых

народов и полный отказ от родного языка, не могут не привести (и приводит) к ущемлению интересов, а зачастую и к полному разрушению «больших групп» (этнических). Концепция одностороннего национально-русского двуязычия привела также к отрицательной оценке понятия «двуязычие» на уровне обыденного сознания, особенно в национальных регионах.

На наш взгляд, данная точка зрения является не совсем верной, т. к. языковая ситуация в различных регионах мира свидетельствует, что двуязычие не всегда приводит к фатальной ассимиляции одних языков другими. Переход на русский язык представителей коренных народов – это большей частью не непосредственный результат двуязычия, а явление социального порядка.

Социолингвисты отмечают, что в настоящее время резко упали показатели прироста свободно владеющих русским языком в качестве второго. В связи с этим некоторые исследователи выступают за так называемое функциональное двуязычие на уровне обыденного общения, за необязательность хорошего владения русским языком. По их мнению, формирование функционального национально-русского двуязычия будет способствовать развитию потенциальных возможностей родных языков, всех их функций. Нельзя полностью согласиться с подобной ориентацией на национально-русское двуязычие. Во многих странах мира население двуязычно, и это считается нормальным явлением, а в условиях овладения литературными языками – признаком интеллектуально развитого цивилизованного социума.

Несмотря на важность двуязычия в жизни многонационального общества, в литературе, посвященной его изучению, до сих пор отсутствует развернутое, общепринятое определение, которое раскрывало бы существенные особенности содержания двуязычия. Главной причиной этого, по-видимому, является многоаспектность данного понятия, которое употребляется в разной литературе с различным смыслом. А также заметна недооценка некоторыми исследователями действительной роли двуязычия в процессе познания и практике. В определении данного понятия нет должного единства, хотя в последнее время и намечается тенденция к более полному его осмыслению. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть ряд трактовок понятия «двуязычие».

По мнению В. А. Аврорина, двуязычие возникает только тогда, когда языки способны более или менее полномерно заменить друг друга, что «возможно лишь при условии отсутствия разницы в степени владения и активного пользования обоими языками [1, с. 139-140]. Правда, автор считает нужным оговориться, что обычно чередование двух языков в одной сфере обычно практически не наблюдается, чаще всего эти сферы так или иначе распределяются между ними.

Некоторые ученые под двуязычием понимают владение только двумя генетически неродственными языками. К примеру, М. М. Михайлов пишет: «...двуязычие – это владение двумя генетически разными средствами общения. При этом важно заметить, что двуязычие не обязательно предполагает владение двумя литературными языками, оно может быть сведено к владению двумя диалектами, если они относятся к двум разным национальным языкам или, для более ранних эпох, если они выходят к разным источникам» [3, с. 4]. Однако Э. М. Ахунзянов считает, что «при таком толковании за бортом двуязычия должно оставаться владение, хотя и родственными, но очень разными языками, как, например, татарский и узбекский, русский и белорусский и т. п.» [2, с. 26]. В этой же связи исследователь предлагает различать билингвизм и диглоссию. Под билингвизмом им понимается владение двумя разными языками или диалектами, независимо от того, являются они генетически родственными или нет. Диглоссия «в отличие от билингвизма, относительно устойчивое языковое состояние, когда в дополнение к диалектам языка существуют генетически родственные языковые образования или стили, обслуживающие литературу» [2, с. 27]. Ф. К. Сагдеева считает, что основным критерием определения двуязычия должно служить главное назначение языка – общение и взаимопонимание говорящих. Под двуязычием автор понимает прежде всего использование двух языков в различных ситуациях общения. А «использование», по ее мнению, должно охватывать

разные формы попеременного употребления двух языков, начиная с примитивного умения общаться, кончая общением, лишенным интерференции [5]. Для нее неприемлемо суждение некоторых ученых о том, что двуязычие предполагает одинаково свободное активное владение двумя языками. Практически такое двуязычие представляет собой высшую ступень его развития. Билингвами такого рода могут быть лишь отдельные личности (учителя, писатели, журналисты, переводчики и др.) [6].

Как видно из вышесказанного, имеются разные определения двуязычия. Однако принципиально все имеющиеся подходы едины, так как они в конечном итоге основаны на том, что основным критерием определения служит степень владения языками.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. –Л.,1975. – 276 с.
2. Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.
3. Михайлов М.М. Двуязычие: (принципы и проблемы). – Чебоксары, 1969. – С. 4.
4. Михайлов М.М. Национально-русское двуязычие: аргументы «за». Политическое обозрение. – Чебоксары, 1989. – № 13. – С. 71-76.
5. Сагдеева Ф.К. Языковая политика в современном Татарстане и культура татарской речи в условиях двуязычия // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства. – Казань: Ихлас, 2013. – С. 210-212.
6. Сагдеева Ф.К. Двуязычие, норма, интерференция. Языковая политика многонациональных государств в эпоху глобализации. Проблема малых и исчезающих языков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 226-239.

10.02.19

Г.Ф. Гайнуллина канд. филол. наук, Б.К. Миннуллин канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, ggf@inbox.ru, bahtiyar1986@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -УБ В ТЕКСТАХ СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

В настоящей статье предпринята попытка научного изучения особенностей функционирования деепричастной формы на -уб в диахроническом аспекте на примере текстов старотатарских письменных памятников, относящихся к разным периодам его развития. В качестве фактического языкового материала были использованы тексты письменных памятников золотоордынского периода и тексты татароязычной арабграфической периодической печати начала XX века.

Ключевые слова: *старотатарский литературный язык; письменные памятники периода Золотой Орды; татарская периодическая печать; грамматическая система; деепричастие.*

Традиционно считается, что деепричастие – это форма, сочетающая в себе признаки глагола и наречия. В морфологическом аспекте деепричастие представляет собой, как правило, неличную и в целом неизменяемую форму глагола, может выступать в составе аналитических образований, сочетаясь со вспомогательным глаголом. По своему категориальному статусу деепричастие является инфинитной формой глагола и функционально не способно закончить предложение. В составе старотатарского письменного литературного языка в разные периоды его развития деепричастие было представлено рядом грамматических показателей, среди которых обнаруживаются формы на -уб, -и, -ји, -а, -ğunça, -ğaç, -ğanda, -aly, -ğançy, араq, madan, masdan, и т.д.

Учеными признается, что на более раннем этапе развития тюркских языков, а именно в период функционирования тюркского праязыка, количество деепричастий было ограничено [11, с. 471]. При этом, к наиболее древним формам деепричастий, наряду с формой на -а относят и деепричастие на -уб, которое сегодня находится в употреблении в преобладающем большинстве тюркских языков. Широкое распространение этого деепричастия почти во всех тюркских языках [3, с. 144], в частности в современном татарском литературном языке [12, б. 249], в его говорах [16, с. 126], в турецком литературном языке [6, с. 210], и свидетельствует о его наличии в общетюркском праязыке и о приобретении им деепричастной функции еще в общетюркскую эпоху [2, с. 320].

Рассматриваемая форма активно обнаруживается в письменных памятниках золотоордынского периода и на письме обозначается посредством ряда фонетических вариантов: *Aryb emgüb qaju jerdin kälürsüz* / ‘Усталые, испытывая трудности, откуда едете?’ (Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи – Г.Г.) [17, s. 25]; *Turajyn qawşurub xidmätädä qolny* / ‘Скрестив руки, буду стоять на службе’ [17, s. 34].

Форма на -уб в старотатарском литературном языке отличается от других форм деепричастий своей полисемантической. Одним из ее наиболее распространенных значений является значение образа действия: *Ögütläb sözläb awytur erdi köñlin* / ‘Поучая и убеждая, утешала его душу’ [17, s. 109]; *Jüzin jergä qodub mädx u sänalar ajoyty* / ‘Поклонившись (букв. приложив лицо к земле), сказал слова восхваления’ [17, s. 30].

В этом же значении рассматриваемая форма активна уже в начале XX века в текстах татарской периодической печати, созданных на старотатарском письменном литературном языке: *Ajağuna zur kün iteklär kigän cilkäsenä ütken yştyqly savaş system myltyqny kütäreb ber urynda basyb bağana kebi tora jäisä şaq şaq iteb trotuarda ärle birle jörider* / 'На ногах большие кожаные сапоги, стоит на одном месте словно столб, повесив на плече боевое ружье с острым штыком или ходит туда-сюда по тротуару, топая ногами' [14].

В текстах письменных памятников золотоордынского периода форма на *-yb* может обозначать время осуществления действия, которое обычно происходит до выполнения действия, выраженного основным глаголом: *Körüb suratny Şirin mihri töşti* / 'Увидев изображение, Ширин влюбилась' [17, s. 17]; *Kälib mixnät çäriği kitti raxat* / '(Когда) появились заботы, нарушился покой' [17, s. 48] и др. Следует отметить, что функционирование указанных выше значений зафиксировано и в ранних древнетюркских письменных памятниках [11, с. 472].

В текстах татароязычной арабографической периодической печати начала XX века рассматриваемая форма также активна в значении действия, предшествующего действию, выраженному основным глаголом, либо в значении одновременного с ним действия: *Ğomum daxili Rusijä möselmanlaryny möftiläre şunda xäzer bulyb, bu eşne täbrik wä täqdis itde* / 'В этот момент муфтии мусульман всей внутренней России, будучи готовыми, поздравили и отметили это дело' [7].

В текстах татарских газет начала XX века также встречается употребление деепричастия на *-yb* в сочетании с частицей *-da/-dä*, что позволяет рассматриваемой форме передавать значение уступительного действия: *Xäzerge waqytda Räşid qazyj şäm jaqtysynda brilliant bulyb küreneb dä, elektrik jaqtysynda fajdasyz "ğapon" idege här kemgä mäğlüm buldy* / 'Несмотря на то, что сегодня на свете свеч Рашид казий выглядит бриллиантом, на свете электрическом всем стало понятно, что он бесполезный «гапон»' [1].

Кроме того, в текстах газет активно обнаруживаются примеры функционирования формы на *-yb*, передающие значение причины совершения того или иного действия: *Vagzalda xedmät itüçe Ğarif Wäliullin digän keşe şul vagonnyñ töbendä qalğan yspirtny eçärgü ujláb vagonnyñ östendäge qabqaçyn açyb mičkäneñ eçenä töşkän* / 'Человек по имени Гариф Валиуллин, работающий на вокзале, решив выпить спирт, оставшийся на дне этого вагона, открыл крышку на верхней части вагона и провалился в бочку' [15].

Стоит отметить, что тексте произведения Кутба «Хосров и Ширин» зафиксирован пример употребления деепричастия на *-ybän*, который, по мнению преобладающего большинства тюркологов, является сочетанием двух синонимичных компонентов *-yb* и *-an* [11, с. 473]: *oş anda qoldysa `aziz qadaşym häm birgä kälibän bolub joldaşym* / 'Просил мой дорогой брат и прибыл вместе, сопутствуя мне' [17, s. 116]. При этом, указанная форма активно функционирует и в памятниках рунической письменности [5, с. 39], в языке фольклорных текстов «Дивана» М. Кашгарского [9, с. 19], в хикметах Ясеви [8, с. 56], зафиксирована в произведении К. Али «Кысса-и Йусуф» [13, с. 138], также отмечена в старотатарских арабографических текстах, созданных в XVI-XVIII вв. в произведениях таких поэтов, как Мухаммедьяр, М. Колый, У. Имани и т.д. [10, с. 52].

В текстах татарской периодической печати начала XX века обнаруживается ограниченное употребление причастия на *-yb* в редуцированной форме, когда рассматриваемое причастие, образованное от одной и той же основы, употребляется в повторном виде. В данном случае форма на *-yb* служит для передачи значения многократности, интенсивности, длительности либо усиления того или иного действия: *Çiñgi Näğimä belän Zäjnäbneñ başlaryn majlab majlab tarağaç jañy külmäklär kiderde, alar bik maturlandyrlar* / 'После того, как тетушка, мажа, расчесала волосы Нагиме с Зайнаб, она одела их в новые платья, они очень похорошели' [4]. При этом, форма на *-yb* может употребляться также в редуцированной форме, образованной от разных основ. В данном случае посредством деепричастия выражается образ и способ совершения действия, а не ее многократность или интенсивность: *Şul möbaräk qarçyqnyñ ber waqyt minem jemerelgän xäteremne tözätüe, qoçaqlab übeb übeb... dib*

äjtüläre isemä töšä / ‘Я вспоминаю, как однажды эта уважаемая старушка излечила мою разбитую душу, целуя обнимая сказала...’ [4].

Как показывают материалы, несмотря на то, что в разные периоды функционирования старотатарского литературного языка грамматическая система деепричастий была представлена целым рядом морфологических показателей, относящихся как к элементам, характерным для кыпчакских, так и для огузских языков, не все они сохранились в современном состоянии таатсского литературного языка. Рассмотренная нами форма деепричастия на *-yb*, будучи одной из наиболее ранних деепричастных форм, зафиксированных в текстах письменных памятников, дает возможность проследить развитие грамматической системы старотатарского литературного языка в диахронии. Как видно из материала, наиболее широко грамматический и семантический потенциал рассматриваемой формы раскрывается в более поздний период развития старотатарского литературного языка, что отражается в расширении семантических границ формы на *-yb* в текстах татарской периодической печати начала XX века.

Список литературы

1. Алданучыларның берсе // Вақыт. 20.10.1906. № 36.
2. *Гаджиева Н.З.* Основные пути синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. – 408 с.
3. *Грунина Э.А.* Историческая грамматика турецкого языка. – М.: Изд.-во Московского ун-та, 1991. – 223 с.
4. Гөлчәһрә // Вақыт. 29.11.1910. № 700.
5. *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 64 с.
6. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
7. Мөселман сөздындагы тасырат // Вақыт. 10.06.1910. № 640.
8. *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
9. *Нигматов Х.Г.* Морфология тюркского глагола по материалам Махмуда Кашгарского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1970. – 24 с.
10. *Нигматуллов М.М.* О некоторых огузских чертах в фонетике и грамматике татарских диалектов // Структура и история татарского языка. – Казань, 1982. – С.73-79.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 557 с.
12. Татар грамматикасы / Баш. ред. М. З. Зәкиев. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. т. II. – 432 б.
13. *Хисамова Ф.М.* Глагольные формы в поэме Кул Али «Кысса и Йусуф» // Исследования по татарскому языку. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – С. 128-139.
14. Шулай кирәкме // Борхане таракки. 14.11.1906. № 42.
15. Эчәсе килгән // Кояш. 18.05.1915. № 706.
16. *Юсупов Ф.Ю.* Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. – Казань: ФЭН, 2004. – 592 с.
17. *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba / A.Zajaczkowski // Prase Orientalistyczny. – Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1958. – I. – Tekst, 304 +XI s.

10.02.19

Г.В. Галавова канд. педагог. наук, А.Н. Гарипова канд. педагог. наук, Л.Р. Закирова

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
Казань, galgulwak@mail.ru, alia-tggpy@mail.ru, lisichkina.dina@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ БАДМИНТОНА)

В статье рассматриваются спортивные термины бадминтона в татарском языке. Терминологическая система обладает присущими всем терминологическим системам особенностями и имеет свою базу словообразующих средств. Основной целью исследования является изучение состава спортивной терминологии бадминтона в татарском языке, определение основных способов образования терминов, а также выявление самых продуктивных способов образования данных спортивных терминов.

Ключевые слова: *спортивные термины, бадминтон, словообразование, язык, татарское языкознание, терминология физической культуры и спорта.*

В Республике Татарстан активно проводятся различные спортивные мероприятия. Большое внимание уделяется спорту и физической культуре. Спорт и физическая культура являются для человека основным источником энергии, здоровья, молодости и счастья. Каждый год в городе Казани проходят крупные мероприятия, посвященные спорту. Например, с 30 сентября по 13 октября 2019 года в Центре бадминтона прошло первенство мира по бадминтону среди юниоров и юниорок до 19 лет. Участвовали около 400 спортсменов из 43 стран. На соревнованиях было задействовано более 100 судей, в том числе представители Всемирной и Европейской федераций бадминтона. Этот турнир собрал сильнейших игроков всех стран мира, зрителей и болельщиков со всего земного шара. Проведение Чемпионата мира способствовало появлению новых слов, понятий и наименований в области данного вида спорта в татарском языке.

Актуальность исследования терминологии бадминтона в татарском языке заключается в прогрессе языка. В татарском языкознании исследованы термины разных отраслей, но все еще нет полного исследования по терминологии физической культуры и спорта татарского языка. В связи с этим возникает необходимость изучения терминов физической культуры и спорта в татарском языке.

Терминология представляет собой систему, которая является средством выражения понятий той или иной области. В настоящее время состав спортивной терминологии в татарском языке активно пополняется, что в целом приводит к обогащению лексикона татарского языка. Именно поэтому исследование терминологии спорта и физической культуры в татарском языке на сегодняшний день является приоритетной задачей.

В татарском языке слова образуются несколькими способами: морфологическим, синтаксическим, морфолого-синтаксическим, лексико-семантическим и фонетическим путем.

В татарском языкознании благодаря Ф.А. Ганиеву появился новый раздел - словообразование, который раньше рассматривался лишь как отдельная часть морфологии. Он первый выпустил 4 монографии по вопросам словообразования татарского языка.

В трудах по словообразованию в татарском языке, ученый рассматривает способы словообразования, разделяя их на следующие виды: суффиксальный, словосложение, переход словосочетания в сложное слово, переход словосочетания в сложное слово при его суффиксации, фонетический, лексико-грамматический, лексико-семантический, способ аббревиации.

Рассмотрим спортивную терминологию татарского языка, образованную морфологическим путем.

При образовании спортивных терминов бадминтона в татарском языке чаще всего используются следующие аффиксы: -чы/-че, -лык/-лек, -даш/-дэш (-таш/-тэш).

Наибольшей продуктивностью отличается аффикс -чы/-че. Окончание -чы/-че выражает лицо, занимающееся определенным видом спорта, в данном случае – бадминтоном. Например, бадминтон-чы (Егетләр һәм кызлар бадминтончы өчен кирәкле төп сыйфатлар дип салкын канлылыкны, азарт, тизлек, спорт усаллыгын, түземлекне санылар / Важными качествами для бадминтониста ребята считают хладнокровие, азарт, скорость, спортивную злость, выносливость); спорт-чы (Яхшы спортчы спорт турында бөтен нәрсәне дә белеп торырга тиеш ул / Хороший спортсмен должен знать о спорте все); уен-чы (Уенчы бадминтон калагын кукрәктән югары кутәрәп каршы як уенчыга каурыйны тапшырса, ана кисәтү әйтәләр һәм хисап каршы як уенчы файдасына була / Если игрок подает подачу выше пояса, то счёт будет в пользу соперника); жиңү-че (Кемнен уенда хисапы 21 була шул жинуче дип игълан ителә / Победителем считается тот игрок, который наберет 21 очко).

Следующим аффиксом, участвующим в образовании лексем бадминтона, является -лык/-лек. С помощью данного аффикса в татарской спортивной лексике, относящейся к бадминтону, образуются слова от существительных: калын-лык (бадминтон калагы кылының калынлыгы/ толщина струны бадминтонной ракетки); киң-лек (бадминтон майданчыгының киңлеге/ширина бадминтонной площадки); биек-лек (бадминтон челтәрәнең биеклеге/ высота бадминтонной сетки); озын-лык (бадминтон майданчыгының озынлыгы/ длина бадминтонной площадки).

Аффиксы -даш/-дэш (-таш/-тэш) в татарском языке образуют слова со значением совместности: көн-дэш (көндэш - соперница); кул-даш (кулдаш - напарник/напарница). Аффиксы -чык/-чек: майдан-чык (Бадминтон майданчыгының киңлеге 5,18 метр, ә озынлыгы 13,4 метр/ Ширина бадминтонной площадки 5,18 метров, а длина 13,4 метров). Окончание присоединяется к конкретным именам и глаголам.

Составными словами принято считать слова, имеющие два различных корня. Составные существительные образуются путём объединения двух, реже трёх слов. Такие слова могут писаться слитно, через дефис или раздельно, но в смысловом отношении они представляют собой единое целое. В современном татарском языке часто образуются составные слова. В составных словах первый компонент является определением второго компонента и может являться любой частью речи. В русском языке к составным словам относятся такие слова, как: самолёт, пароход, бледно-розовый, взрывоопасный.

В спортивной терминологии бадминтона можно встретить составные слова, образованные по модели прилагательное + существительное. Например, уң зона (правая зона), сул зона (левая зона), урта сызык (средняя линия), максималь киңлек (максимальная ширина), гаепле уенчы (виновный игрок), махсус кием (униформа), арткы зона (задняя зона), алгы зона (передняя зона) и т.д.

Спортивные термины бадминтона очень часто образуются по модели существительное + существительное с категорией принадлежности. В данном словосочетании связующими элементами являются окончание категории принадлежности –ы и порядок слов. Первое слово является определяемым по отношению ко второму и конкретизирует, поясняет значение второго слова. Например: бадминтон майданчыгының ак сызыклары (белые линии бадминтонной площадки), майданчыкның киңлеге (ширина площадки), майданчыкның озынлыгы (длина площадки), уенның хөкемдары (судья игры), кылның калынлыгы (толщина струны), челтәрнең биеклеге (высота сетки), бадминтон калагының авырлыгы (тяжесть бадминтонной ракетки), команда составы (состав команды), казый өстәле (судейский столик), казый майданчыгы (судейская площадь), каурыйның авырлыгы (масса волана), каурыйның биеклеге (высота волана), бадминтон калагы сабының озынлыгы (длина ручки бадминтонной ракетки), сапның максималь киңлеге (максимальная ширина ручки), бадминтон калагы сабының калынлыгы (толщина ручки бадминтонной ракетки), каршы як

көндәш таләбе (требования соперника), уенчының экипировкасы (экипировка игрока), бадминтон униформасы (бадминтонная униформа), бадминтончы шортигы (шорты бадминтониста), тез саклагычы (наколенники), уен вакыты (время игры), дөнья чемпионаты (чемпионат мира), состав саны (численный состав), уен барышы (ход игры), бадминтон калагының маркасы (марка бадминтонной ракетки).

Значительное количество терминов в спортивной терминологии бадминтона составляют слова с нулевым окончанием, например: һөжүм (атака), капитан (капитан), спорт (спорт), чемпион (чемпион), матч (матч), тәнәфес (перерыв), очко (очко), также встречаются слова без окончания, например: рефери (рефери).

Проанализировав спортивные термины бадминтона в татарском языке был сделан следующий вывод, терминологическая система обладает особенностями и имеет свою базу словообразующих средств, для которой присуща системность в сфере словообразования.

Список литературы

1. *Баскаков Н.А.* Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука, 1965. – С. 121-128.
2. *Ганиев Ф.А.* Современный татарский литературный язык. Словообразование по конверсии. Казань: Дом печати, 2004. – 160 с.
3. *Ганиев Ф.А.* Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы. Төзәт. 2нче басма. Казан: Мәгариф, 2006. – 271 б.
4. *Гатиатуллина З.З.* Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков. Казань, КГПИ, 1984. – 231 с.
5. *Ишкенина Л.К.* Основные способы образования спортивной терминологии в татарском языке (на примере терминов хоккея) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. – № 3-1 (33). – С. 88-91.
6. *Мякишин К.А.* К проблеме диахронических исследований в терминологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. – № 3. Ч. 1. – С. 171-174.
7. *Рёбрушкина И.А., Арискина О.Л.* Проблемы лингвистической терминологии в условиях двуязычия // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. – № 3. Ч. 1. – С. 198-199.
8. Татар грамматикасы / под ред. М. З. Закиева. М.: ИНСАН; Казань: ФИКЕР, 1998. – Т. I. 512 с.

10.02.19

**О.Н. Галимова канд. филол. наук, И.И. Сабитова канд. филол. наук,
Ф.И. Тагирова канд. филол. наук**

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
отдел лексикографии,
Казань, Olgan_77@mail.ru, Sabitova_1965@mail.ru, feride2412@mail.ru

О ТОЛКОВАНИЯХ СОМАКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются толкования отсоматических названий животных в словарях татарского языка. Исследование словарных дефиниций в синхронном и диахронном аспектах показало их построение по родовидовому принципу. Авторы придерживаются мнения, что в толкованиях отсоматических зоонимов дифференциальный признак – признак, лежащий в основе видо выделения, номинации животного. Работа способствует унификации толкования слов одной тематической группы.

Ключевые слова: *соматизм, зооним, лексикография, толкование.*

Как известно, соматизмы обладают большим словообразовательным потенциалом. Например, многие зоонимы образуются с компонентом-соматизмом. Номинация по характерной особенности части тела в системе названий животных является одним из излюбленных способов, так как бросающиеся в глаза признаки являются существенными в народной и в научной классификациях. Так, животные называются по форме, цвету, величине головы: *жизбаиш* ‘медянка; медяница’; *йомрыбаиш* ‘круглоголовка’, *тузбаиш* ‘уж’, *ябалакбаиш* ‘совка’, *кушбаиш* ‘голавль’ и др. В названиях, образованных с компонентом *аяк* ‘голова’, отражаются характерные особенности конечностей животных: *кушаяк* ‘тушканчик’, *көрәгаяк* ‘чесночница обыкновенная’, *сигезаяк* ‘осьминог’ и т.д. В структуре некоторых сложных зоонимов содержатся названия частей тела животных *канат* ‘крыло; плавник’, *койрык* ‘хвост’: *ярканат* ‘летучая мышь’, *кызылканат* ‘краснопер’, *тычканкойрык* ‘мышехвост’, *мөгезкойрык* ‘рогохвост’ и др. Такие названия занимают значительное место в словообразовательных гнездах соматизмов [8, с. 4], широко представлены в различных словарях, в том числе в толковых. Например, в трёхтомном толковом словаре зафиксирован 41 отсоматический зооним, в однотомном – 43, в школьном – 22, в четырёх томах шеститомного толкового словаря – 43. Как показывает анализ, увеличивается не только количество отсоматических терминов в словарях, но и объём толкований, образуются новые значения, что связано с расширением наших знаний о предмете. Представляет большой интерес изучение словарных определений в диахронном и синхронном аспектах, так как это позволяет выявить особенности формирования структуры толкования, определить важнейшие его компоненты, традиции и новаторство. В предлагаемой статье впервые в татарском языке толкования названий животных рассматриваются в динамике, что составляет научную новизну работы. К анализу привлечены толковые словари разных лет. Актуальность исследования определяется важностью разработки в них однотипных толкований для слов одной тематической группы, образованных по модели определяющий компонент + соматизм, что является «существенным достижением в семантической характеристике слов» [6, с. 131].

Рассмотрим толкования некоторых зоонимов в татарском языке. *Сигезаяк* ‘осьминог’ «куәтле һәм зур-зур капшавычлы ерткыч диңгез хайваны; спрут» ‘хищное морское животное с восьмью сильными и большими щупальцами’ [9, с. 674]; «зур-зур һәм көчле сигез капшавычы булган ерткыч диңгез хайваны» ‘хищное морское животное с восьмью большими и сильными щупальцами’ [10, с. 471]; «диңгез башаяк моллюсклары отрядыннан

көчле ябышкак имгечләре булган сигез озын капшавычлы, кайбер төрләре өндә яши торган, кеше тормышы өчен куркынычлы агулы төрләре дә булган дингез хайваны; русчасы: спрут» ‘морское животное отряда головоногих моллюсков с восьмью длинными щупальцами с сильными присосками, некоторые виды которого ядовиты и опасны для человека’ [12, с. 320]. *Эт башлы маймыл* ‘павиан’ «Гарәпстанда һәм Африкада яши торган башы этнекенә ошаулы бер төрле маймыл» ‘обезьяна с собакообразной мордой, обитающая в Аравийском полуострове и Африке’ [3, с. 139]; «Гарәпстанда һәм Африкада яши торган озын борынлы зур маймыл» ‘большая обезьяна с длинной мордой, обитающая в Аравийском полуострове и Африке’ [10, с. 471]. *Үрдәкборын* ‘утконос’ «гәүдәсе кондызга ошаган, тәне куе йон, мамык белән капланган кыска аяклы бер саз жанвары» ‘покрытое густым мехом коротконогое болотное животное, у которого тело похоже на бобра’ [3, с. 139].

Как видно, толкования зоонимов характеризуются строгой гипер-гипонимической иерархией. Построение толкования по схеме дополнительный признак (внешний вид, размер, место обитания) + гипероним является традиционным. Его образцы можно увидеть ещё в словаре Дж. Валиди [3, с. 139]. Указание на место в системе научной классификации и выявление русского эквивалента также являются важной информативной частью толкований. Все вышеперечисленные компоненты являются стандартными для современного толкового словаря. Так, толкования слов *алтынкүз* ‘златоглазка’, *безкойрык* ‘шилохвост’, *ваккорсак* ‘наездник’ построены по данной схеме [11, с. 154; 477; 658].

Исследователи говорят о единстве подачи иерархических отношений в толковых словарях, основой которого является научно обоснованный выбор гиперонима и последовательное его использование в толкованиях всех его гипонимов [1, с. 69]. В выявлении родового слова можно основываться на научную классификацию, но следует отметить, что употребление некоторых гиперонимов может иметь национальную специфику, зависеть от языковых особенностей [4, с. 72].

Определение видовых отличий, существенных признаков является задачей более сложной. Как отмечает В.П. Берков, «<...> предмет может обладать множеством признаков, и вопрос о том, какие из них существенны и потому должны быть уточнены в определении, а какие второстепенные и потому не подлежат лексикографированию ясен, в общем, только теоретически» [2, с. 142]. По словам Ч. Фильмора, семантическое описание лексической единицы должно включать «те и только те признаки, которые отличают её от всех остальных лексических единиц данного языка» [по: 1, с. 69]. Выделение существенных признаков понятия и отличительных признаков одного понятия от других понятий А.С. Герд также относит к требованиям, предъявляемым к полному лексикографическому определению [5, с. 300-301]. Дифференцирующие компоненты в толкованиях, построенных по родовидовому принципу, определяются путем сравнения элементов одного и того же иерархического уровня [по: 1, с. 69]. На наш взгляд, в отсоматических зоонимах признак, дифференцирующий один гипоним от другого, лежит также на поверхности, так как именно данный признак был выбран носителями языка для видо выделения. Поэтому представляется логичным включение этих компонентов значения в определения названий животных. Лежащая в основе номинации животных отличительная особенность органа, как правило, отражается в толкованиях. Указываются также дополнительные признаки.

Вместе с тем следует отметить некоторые особенности выявления дифференциальных признаков. Так, в назывании характерная особенность может быть перенесена с целого на часть. Например, серпентоним *жизбаш* ‘медянка’ (от *жиз* ‘медный’ + *баш* ‘голова’). Однако не только голова, но и вся спина змеи медной окраски. Поэтому в качестве основного признака указывается медный окрас животного в целом: «*Тузбашлар* семьялыгыннан аркасында 2-4 рәт кара таплар булган *жиз* төсендәге чакмый торган елан; русчасы: медянка» ‘неядовитая змея семейства ужовых медного цвета с 2-4 рядами чёрных пятен на спине’ [10, с. 776]. Таким образом, требуется правильное определение части или целого для наиболее точного толкования. Ихтионим *кушбаш* ‘голавль’ образован сложением двух компонентов: *куш* ‘два’ и *баш* ‘голова’. Как известно, в основе номинации лежит не

количество органа, а толстая широколобая голова, чем голавль отличается от других рыб [7, с. 186]. Эта особенность отражается и в толковании ихтионима: «карплар семьялыгыннан зур башлы балык» ‘рыба семейства карповых с большой головой’ [10, с. 299].

Неполные толкования, в которых дифференцирующие признаки не выявлены, встречаются редко. Недостаток отличительного признака особенно ярко проявляется при рассмотрении полисемантов. Например, *аккуз* ‘белоглазка’ является и названием птицы, и названием рыбы: *аккуз* ‘белоглазка’ – 1) «Күз тирәсе ак каурый белән алкаланган кош» ‘птица с ободком из белых пёрышек вокруг глаз’; 2) «Карплар семьялыгыннан берникадәр корбан балыгына охшашлы балык» ‘рыба семейства карповых, похожая на леща’ [10, с. 29]. Ихтиологи указывают, что белоглазка формой тела напоминает леща. Однако, как пишет Л.П. Сабанеев, главной особенностью этой рыбы являются очень большие глаза с серебристой радужиной [7, с. 186]. Поэтому включение гипосемы «күзенең төсле катлавы көмешу төстәге» ‘серебристой радужиной’ способствовало бы более полному раскрытию значения слова.

Таким образом, характерные признаки, ставшие основой номинации животных, в толкованиях отсоматических зоонимов являются дифференцирующими, учёт которых будет способствовать разработке унификации словарных дефиниций.

Список литературы

1. *Бережан С.Г.* Способы словарной фиксации системных отношений лексических единиц. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/40572774-Sposoby-slovarnoy-fiksacii-sistemnyh-otnosheniy-leksicheskikh-edinic-silviy-g-berezhan.html> (дата обращения: 01.08. 2018).
2. *Берков В.П.* Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. С. – 140 -144.
3. *Вәлиди Ж.* Татар теленең тулы сүзлеге. Казан: Татарстан мәгариф комиссариатының гыйльми үзәге басмасы, 1927. – Т.1, Ч. 1. – 352 б.
4. *Галимова О.Н.* Некоторые особенности гипонимических связей (на примере зоологической терминологии татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2018. – №9, Ч. 1. – С. 69-73.
5. *Герд А.С.* Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 287-301.
6. *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус. – 1985. – 194 с.
7. *Сабанеев Л.П.* Рыбы России: Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб: в 2-х т. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – Т. 2. – 575 с.
8. *Сабитова И.И.* Татар теленең сүзьясалыш сүзлеге: «кеше» тематик төркеменә караган лексика. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 160 б.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда / Редкол.: Л.Т. Мәхмүтова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабиров, Ш.С. Ханбикова; СССР ФА КФ Г. Ибраһимов ис. ТӘТИ. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – Т 3. – 822 б.
10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I том: А–В. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 712 б.
12. Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2013. – 510 с.

10.02.19

А.Н. Гарипова канд. педагог. наук, В.В. Теганюк канд. филол. наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, Alia-tggpy@mail.ru, kval111@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются понятия «словообразование», «языковая игра», описаны различные точки зрения исследователей на данную проблему, приведены примеры словообразования в английском языке. Актуальность данной темы заключается в необходимости как теоретической, так и практической разработки вопросов словообразования. Подчеркивается, что активность словообразования является показателем того, как в действительности реализуется новое слово в речи. Делается вывод о том, что количественные показатели активности новых слов устанавливаются путем сопоставления общего количества основ, реализовавших свои возможности.

Ключевые слова: *деривационная парадигма, конверсия, акронимы, словосложение, аффиксация, словообразовательная система.*

В современной лингвистике заметно усилился интерес к явлениям творческой подсистемы языка, одной из которых является языковая игра. В этой связи особенно актуальным предстает исследование полемического текста с высокой степенью лингвистической обусловленности, характерной чертой которого является ориентированность автора на намеренное конструирование лексических, синтаксических, семантических, прагматических, словообразовательных аномалий, которые помогают осознать заложенную в системе языка и отраженную в речи противоречивость функционирования лингвистических единиц. Лингвистические игры содействуют повышенной активизации восприятия сообщения, заставляют реципиентов получать новые подтексты из языковых единиц, выстраивать семантические ряды и логические цепочки. Применение словесных игр требует постижения слушателя (читателя), который должен не только воссоздать исходные лингвистические единицы, подвергшиеся поэтической обработке, но и характеризовать новое текстовое значение, обычно обогащенное эмоционально-субъективным «приращением» подтекста [3].

В настоящее время лексическая система английского языка представляет собой одну из наиболее актуальных тем исследования как российских, так и зарубежных филологов. Так как английский язык, являясь языком коммуникативного общения, занимает в сегодняшнем мире лидирующую позицию, степень владения английским языком, особенностями английской речи, словообразовательной системы приобретает большое значение.

Главной классификационной единицей в словообразовательной системе является словообразовательная основа, от которой зависит выстраивание производных слов. Основа – это единица, которая организует деривационную парадигму и обладает словообразовательной потенцией, валентностью и активностью [1].

Целью нашей работы является выявить, какой способ словообразования наиболее интенсивно используется в английском языке.

Благодаря богатству и разнообразию аффиксов, словообразование является ярким источником речевой выразительности. Суффиксация является одним из приёмов образования новых слов с использованием языковой игры в обоих языках. Существительные, которые образовались суффиксальным способом, характеризуют людей, их предрасположенности и действия, чаще всего с оттенком осуждения, пренебрежения или иронии. Префиксальный способ применяется в языковой игре реже. Существительные,

образованные таким способом, выражают ироническое отношение к явлениям общественной и политической жизни. Новообразования, образованные префиксальным методом, выразительны и владеют высокой экспрессией [2].

Мы пришли к выводу, что чаще всего применяется конверсия, словосложение и аффиксальное образование слов. Аффиксальные образования имеют немаловажное значение в истории английского языка. Чаще употребляются конверсионные образования, образованные с помощью конверсии от существительных (*access* → *to access*; *air* → *to air*; *eye* → *to eye*; *parent* → *to parent*; *schedule* → *to schedule*) [3].

Словосложение обладает меньшей активностью. Сложные слова составляют одну треть всех новообразований. При этом новое слово сохраняет цельность и целостность своих элементов, в итоге оно не сочетается с некоторыми частями речи [1]. Новые слова могут писаться слитно, через дефис, либо раздельно (*watch-chain*, *chess-player*, *bread-and-butter*, *bookshelf*, *honeymoon*, *weekend*, *blackboard*, *boyfriend*, *handcraft*.)

Префиксальное словообразование обладает наименьшей активностью. Это можно объяснить тем, что потенция глагольных основ при левом расширении подавляется конструкциями глагола с постпозитивными пространственно-направленными значениями. Так, отрицательные префиксы *un-*, *im-*, *ir-*, *il-*, *dis-*, *in-*, *non-*, *mis-* формируют слова, противоположные по значению (*unusual*, *impossible*, *irregular*, *illiberal*, *disapproved*, *incorrect*, *nonessential*, *misleading*.) Префикс *re-* – имеет значение переделать что-либо повторно (*replay*, *reexport*, *rebook*.) Префикс *over-* – указывает на чрезмерную степень чего-то (*overdress*, *overpay*, *oversleep*.) Префикс *under-* – имеет значение «под» (*underground*, *underwear*, *underfeed*.) Префикс *ex-* означает «бывший» (*ex-president*, *ex-boyfriend*.)

Перечислим наиболее употребительные суффиксы различных частей речи: суффиксы существительных *-er*, *-or* образуют существительные от глагола и обозначают того, кто осуществляет действие (*driver*, *operator*, *speaker*, *player*, *swimmer*.) Суффикс *-ing* является суффиксом отглагольного существительного (*waiting*, *feeling*, *opening*, *travelling*, *talking*.) Суффиксы *-ness*, *-ment*; *-ion*, *-tion*, *-sion*, *-ssion*, *-dom*, *-ure*, *-ture*, *-hood*, *-ship*, *-ance/-ence* формируют от прилагательных абстрактные существительные (*relationship*, *wisdom*, *childhood*, *impression*, *signature*, *darkness*, *movement*.) Суффиксы *-able/-ible* образуют прилагательные (*eatable*, *unbreakable*, *responsible*.) Суффикс *-less* обозначает отсутствие чего-либо; в русском языке часто соответствует приставке «без» (*careless*, *harmless*, *cloudless*.) Суффиксы *-ous*, *-y*, *-ic*, *-ive* образуют прилагательные от существительных (*dangerous*, *cloudy*, *expensive*, *fantastic*.) Суффикс *-ive* образует прилагательные от глагола и означает обладание свойством, способностью (*attractive*, *sedative*.) Суффикс *-y* используется в английском языке для образования простых прилагательных (*rainy*, *dirty*, *sunny*.) Суффикс *-ful* обозначает наличие качества (*hopeful*, *forgetful*, *wonderful*.) Суффикс *-ish* обозначает ослабленную степень качества, либо выражение раздражения или презрения (*greenish*, *reddish*, *foolish*.) Суффикс *-ly* образует наречие (*loudly*, *politely*, *beautifully*.)

Акронимы формируются из начальных букв слов, которые входят в словосочетание, объединенное общим смыслом (BBC - British Broadcasting Corporation; AIDS - acquired immune deficiency syndrome; USA - United States of America).

Следует обозначить, что бывают и другие способы словообразования в английском языке: реверсия, аббревиатура, словослияние. Реверсией называют образование новых слов путем отсечения словообразовательного элемента исходного слова. Например: *to burgle* – *burglar*; *baby-sitting* – *baby-sit*. Так, согласно данным словаря В.К. Мюллера, реверсия составляет 9%. Сокращение и аббревиатура (способ словообразования, при котором возникают усеченные слова) служат для написания различных сложных названий и наиболее часто встречается в научно-техническом стиле (13% по В.К. Мюллеру) [1].

Лингвисты выделяют разные типы аббревиатуры. Это связано со специфичностью семантики исходных производящих наименований. З.А. Харитончик выделяет четыре подтипа в зависимости от того, какая часть оборота речи усекается: сокращается первая часть слова (*phone* - *microphone*); сокращение конца слова (*exam* – *examination*, *doc*-*doctor*,

gym-gymnasium); сокращение как в начале, так и в конце слова (*flu - influenza, fridge - refrigerator*); отпадает средняя часть слова: *ru (railway)* - железная дорога. Словослияние относят к вставочному словообразованию, так как словообразовательной единицей представленного способа является не основа, а фрагмент, который образуется при образовании слова. Данный способ наиболее часто встречается в терминологии [4].

Таким образом, изучив и исследовав основные способы словообразования в английском языке, мы можем прийти к выводу, что словообразовательный конструктивный порядок зависит от действующих на данный момент в лексической системе английского языка единиц. По анализу выходных данных аффиксальные образования обладают наибольшей активностью, но наиболее часто используются конверсионные образования. Метод словосложения занимает вторую позицию по активности образования словесных фраз. Мы считаем, что изучение и выявление наиболее функциональных сторон словообразовательной системы важно как в теоретическом, так и в практическом плане. Нужно отметить необходимость изучения способов словообразования и их употребления на практике перевода, но понимание семантики производных слов также является важным в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практический курс): учеб. пособие для II–III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1977. – 240 с.
2. Ахметшина Л.В. Систематизация международной лексики в разноструктурных языках. – 2016. т. 5. – № 59. – С. 2.
3. Гарипова А.Н. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика / А.Н. Гарипова // Сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 138-142.
4. Горская Н.Е. Некоторые особенности словообразования английской терминологической лексики // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 9 (104). – С. 247–251.

10.02.19

М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбайкова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, makhychdegt@gmail.com

**КОНЦЕПТ «МУЗЫКА»
НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ «ART/ИСКУССТВО/КЭРЭ-ЭЙГЭТЭ» И
«NOTE/НОТА/НУОТА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ**

В данной исследовательской работе представлено изучение структуры концепта «Music/Музыка/Муусука» в языковом сознании носителей английского, русского и якутского языков на примере слов-стимулов «искусство» и «нота». Теоретическая часть работы состоит из определений ключевых понятий и методов исследования. В практической части представлен анализ результатов анкетирования, в ходе которого было выявлено, что структура изучаемого концепта и полученные реакции на слова-стимулы в большей степени различаются. Это обусловлено многовековой культурой и спецификой языков, на которых говорят носители английского, русского и якутского языков.

Ключевые слова: *концепт, языковое сознание, ассоциативное поле, методы, музыка, слова-стимулы, реакции, ассоциации.*

На данный момент концепт выступает объектом исследования во многих отраслях науки. Соответственно, существует множество интерпретаций концепта. В рамках когнитивной лингвистики многие ученые утверждают, что концепт – это единица мышления или памяти. В данной работе мы опираемся на определение Е.С. Кубряковой: «Концепт – это единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [2].

Языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры, «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [3]. Языковое сознание использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего, социального, культурного и мировоззренческого происхождения [1].

В работе были применены методы свободного ассоциативного, направленного ассоциативного и рецептивного экспериментов. Для анкетирования мы выбрали молодежь от 18 до 25 лет. Всего в анкетировании приняли участие 70 носителей американского английского, 67 носителей русского (для направленного ассоциативного и рецептивного экспериментов) и 100 носителей якутского языков. Респондентами стали студенты Армавирского, Крымского инженерно-педагогического университетов, университета прокуратуры РФ Крымского филиала, Новосибирского государственного университета, Северо-Восточного федерального, Гарвардского и Технического университетов города Бостон. Реакции носителей русского языка были взяты из ассоциативного словаря русского языка Ю. Н. Караулова. Внизу представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул искусство.

Слово-стимул art/кэрэ-эйгэтэ/искусство

Частотные реакции носителей английского языка: *Painting/Живопись (17,4%), Expression/Выражение (5,7%), Paint/Краска (5,7%), Mozart/Моцарт (4,2%), Artist/Художник (4,2%), Beautiful/Красивое (2,8%), Creativity/Креативность (2,8%), Creation/Творение (2,8%), Culture/Культура (2,8%), Imagination/Воображение (2,8%), Picasso/Пикассо (2,8%), Subjective/Субъективное (2,8%).*

Частотные ответы русских: *Живопись* (15,6%), *Древнее* (6,02%), *Красота* (6,02%), *Театр* (6,02%), *Любви* (4,81%), *Для народа* (3,6%), *Жить* (3,6%), *Картина* (3,6%), *Побеждать* (3,6%), *Великое* (2,4%), *Вечно* (2,4%), *Говорить* (2,4%), *Лгать* (2,4%), *Народа* (2,4%), *Народу* (2,4%), *Наука* (2,4%), *Пения* (2,4%), *Петь* (2,4%), *Ради искусства* (2,4%), *Ренессанс* (2,4%), *Рисунок* (2,4%), *Творить* (2,4%), *Творчество* (2,4%).

Частотные ответы якутов: *Айылба/Природа* (22,7%), *Хартыына/Картина* (13,6%), *Үнкүү/Танец* (6,8%), *Уруһуй/Рисунок* (5,6%), *Тыа/Лес* (3,4%), *Сырдык/Светлый* (3,4%), *Дьахтар/Женщина* (3,4%), *Брыа/Песня* (2,27%), *Киинэ/Фильм* (2,27%), *Ийэ/Мать* (2,27%), *Алаас/Поле* (2,27%), *Муусука/Музыка* (2,27%), *Кэрэ/Красивый* (2,27%).

В реакциях носителей трех языков мы выявили слова-корреляты: живопись, картина и рисунок. Наблюдаются реакции, связывающие искусство с красотой. Однако, ответы носителей английского языка показывают, что искусство – это субъективное явление, которое, прежде всего, выражает эмоции и воображения человека. В реакциях русской молодежи наблюдаются слова, отражающие полисемию слова «искусство» в русском языке: *жить* (3,6%), *побеждать* (3,6%); *говорить* (2,4%). Искусство также означает умение человека что-либо делать. В ответах якутов есть реакции, относящиеся к природе: айылба/природа, тыа/лес, алаас/поле. Упомянутые реакции скорее вызваны тем, что с давних времен якуты имеют тесную связь с природой. Также были получены реакции, относящиеся к женщине: ийэ/мать, дьахтар/женщина. В якутском языке слово кэрэ/красота часто используется для описания женщины. Например: кэрэ кыыс/красивая девушка, кэрэ-куо/молодая, прекрасная девушка.

Слово-стимул *note/нота/нота*

Частотные ответы носителей английского языка: *Book/Книга* (12,3%), *Music/Музыка* (9,2%), *Write/Писать* (7,6%), *Sticky Note/Pad/Стикер* (6,1%), *Paper/Бумага* (4,6%), *Message/Сообщение* (4,6%), *Letter/Письмо* (4,6%), *Love/Любовь* (4,6%), *Reminder/Напоминка* (3,07%).

Частотные ответы носителей русского языка: *Музыка* (22,58%), *Пианино* (11,29%), *До* (4,83%), *Ля* (4,83%), *Скрипичный Ключ* (3,22%), *Ключ* (3,22%), *Си* (3,22%), *Мелодия* (3,22%), *Нет* (3,22%).

Частотные ответы носителей якутского языка: *Брыа/Песня* (24,74%), *Муусука/Музыка* (23,71%), *Матыын/Мелодия* (7,2%), *До Нюта/До Нота* (6,1%), *Хара/Черный* (3,09%), *Пианино/Пианино* (3,09%), *Гитара/Гитара* (3,09%), *Скрипичнэй Күлүүс/Скрипичный Ключ* (3,09%), *Брыаһыт/Певец* (2,06%), *Дорбoон/Звук* (2,06%), *Үрдүк/Высокий* (2,06%).

Из вышеуказанных реакций можно выявить, что для носителей русского и якутского языков слово-стимул вызвал реакции, исключительно относящиеся к музыке. Однако, в реакциях носителей английского языка наблюдаются *Write/Писать* (7,6%), *Sticky Note/Pad/Стикер* (6,1%), *Paper/Бумага* (4,6%), *Message/Сообщение* (4,6%). Подобные реакции вызваны тем, что слово «note» также переводится как записка/отмечать что-либо. Соответственно, в языковом сознании молодежи данной культуры слово «note» больше относится ко второму значению слова «отмечать что-либо». Частотный ответ book/книга может быть вызван из-за популярного фильма *notebook/дневник памяти* или слова *notebook/блокнот*.

Результаты рецептивного эксперимента

На данном этапе респондентам было предложено написать по одному определению к слову «музыка». Далее будут представлены самые частотные и интересные определения носителей трех разных культур. В определениях носителей трех языков, прежде всего, музыка является способом самовыражения и передачи чувств и эмоций человека: *A way to express emotions/Способ выражать эмоции* (20), *Музыка – способ самовыражения* (5), *Kuһи ис санаатын/туругун тиэрдэр ньыма/Способ передачи внутреннего состояния и чувств человека* (18). В ответах носителей американского английского языка музыка выступает как то, что влияет на настроение и эмоции людей: *Music is something that has an impact on people's mood and emotions/ музыка – это то, что имеет влияние на настроение и эмоции людей* (5), *Music*

is something that evokes feelings and emotions/Музыка – это то, что вызывает чувства и эмоции (7). Кроме этого, музыка является способом релаксации. В определениях русской молодежи мы обнаруживаем, что музыка связана с жизнью и любовью: *Музыка – это жизнь (6)*; *Музыка – это любовь (4)*. Подобные ответы могут быть связаны со многими музыкальными произведениями о любви в русской культуре. В ответах носителей якутского языка интересными являются определения, которые описывают музыку как то, что обеспечивает покой и отдых: *Муусука диэн киһини уоскутар уонна санаатын кэтэбэр/Музыка – это то, что успокаивает и поднимает дух человека (11)*, *Муусука диэн сынныалаң/музыка – это отдых (9)*. Также в языковом сознании якутской молодежи музыка является спутником жизни: *Муусука диэн киһи олобун аргыһа/музыка – это спутник жизни человека (4)*.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента

Далее респондентам было предложено написать любое прилагательное к слову «музыка». Из частотных ответов носителей трех языков мы выявили, что музыка – это прежде всего эстетика, поскольку в ответах носителей трех языков реакция «beautiful/красивая/кэрэ» является самой частотной: *Beautiful/Красивая (7,24%)*, *Красивая (5,79%)*, *Кэрэ/Красивая (29,5%)*. Реакции носителей английского языка показывают, что музыка связана с эмоциями человека: *Happy/Счастливая (8,69%)*, *Melancholic/Меланхолическая (2,89%)*, *Expressive/Экспрессивная (2,89%)*. Также музыка связана с движениями: *Vibrant/Вибрирующая (4,34%)*, *Moving/Двигающая (2,89%)*. В ответах русских интересными являются реакции, которые описывают музыку как нечто волшебное и превосходное: *Прекрасная (4,34%)*, *Волшебная (2,89%)*, *Потрясающая (2,89%)*. В ответах носителей якутского языка твердо преобладает когнитивный и оценочный признак *Кэрэ/Красивая (29,5%)*. Следует отметить, что для якутской молодежи также важен темп музыки: *Набыл/Спокойная (5,1%)*; *Бытаан/Медленная (6,04%)*; *Түргэн/Быстрая (4,01%)*; *Тэтимнээх/ритмичная (2,1%)* *Сэргэх/Бодрая (2,1%)*.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 282 с.
2. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики/ Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6 – 17
3. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян/ Н. В. Уфимцева/ Языковое сознание и образ мира: сб. ст. Москва, 2000. – С. 207 – 219

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАКСКОГО ГЛАГОЛА

В статье дан обзор вопросов структуры кавказских языков, квалификация их типологического состояния, которые давно привлекали внимание исследователей, начиная с П.К. Услара и до современных представителей лингвистического кавказоведения. В фокусе внимания при этом оказались особенности выражения субъектно-объектных отношений в описываемых языках, т.е. вопросы, имеющие непосредственное отношение к семантике глагола.

Ключевые слова: *семантика, морфология, эргативная, дативная (аффективная) и номинативная конструкции, лакский язык.*

Вопросы структуры кавказских языков, квалификация их типологического состояния привлекали внимание исследователей, начиная с П.К. Услара и до современных представителей лингвистического кавказоведения. В фокусе внимания при этом оказались особенности выражения субъектно-объектных отношений в описываемых языках. В грамматических очерках П.К.Услара (60-е годы XIX в.) центральное место занимает морфология. Однако автор касается и некоторых вопросов синтаксиса, связанных с выражением в них субъектно-объектных отношений. Так, исследуя чеченский и некоторые дагестанские языки, П.К. Услар приходит к выводу, что в них «нет глаголов действительных, а одни лишь страдательные: предмет действующий ставится в падеже творительном (instructive, aktiv), а предмет, на который обращено действие – в *именительном*. В лакском языке не только нет падежа винительного, но даже и нет особой формы для означения падежа творительного (instructive, aktiv). Если действуют 1-е или 2-е лицо, то предмет действующий отличается от предмета, на который обращено действие, только тем, что располагается впереди: оба ставятся в *именительном падеже*» [5, с.141].

Автор грамматических очерков целого ряда дагестанских языков А.М.Дирр обосновал существование в этих языках трёх лексических групп глаголов и предложил разграничивать соответствующие им модели предложений: эргативную, дативную (аффективную) и номинативную конструкции [2, с.62].

Над описательными грамматиками лакского языка работали Л.И.Жирков (1953), Г.Б.Муркелинский (1971), изучению глагола в дагестанских языках посвящена монография С.М.Хайдакова (1975), значительное место занимает глагол и в его работах по лексике (1961) и диалектологии лакского языка (1966). История становления личного спряжения глагола в лакском языке рассматриваются в работах Г.Т.Бурчуладзе (1979, 1987). Категории грамматического класса и вопросам классно-числового согласования большое внимание уделяется в работах И.Х.Абдуллаева (1974, 2010). Исследованию морфологии лакского глагола, системному описанию грамматических категорий и форм лакского глагола посвящена кандидатская диссертация Р.Г.Эльдаровой (1995). Предметом изучения в последние десятилетия стали вопросы глагольного словообразования, описание вербоидов (причастия, деепричастия, масдара, герундия, инфинитива), которым посвящены квалификационные работы А.А.Акуевой (2006), З.Г.Курбановой (2007), С.Э. Шамсудиновой (2008), Э.К.Магомедовой (2009), Л.Т.Каллаевой (2015). Семантика и синтаксические связи глагола занимают значительное место в работах П.А.Сулеймановой (1987), Ж.Д.Башировой (2011), К.И.Казенина (1913).

В изучении синтаксиса дагестанских языков основное внимание уделялось эргативной конструкции и эргативному строю. Работы И.И.Мещанинова, С.Л.Быховской, С.Д.Кацнельсона ещё в 30-40-ые годы XX в. заложили в отечественном языкознании основы континентально-типологической схематики описания языков, в русле которой в 70-80-ые годы ведутся исследования по кавказским языкам Г.А.Климовым и М.Е.Алексеевым. Благодаря этим исследованиям понятие эргативного строя, стало ассоциироваться с целой системой явлений семантического, синтаксического и морфологического уровней.

В многочисленных работах, посвящённых анализу и сущности эргативной типологии, специфика эргативного строя связывается с распределением глагольной лексики по признаку переходности-непереходности. Как отмечал А.С.Чикобава, «проблема эргативной конструкции в конечном счёте сводится к проблеме переходного глагола соответствующих языков» [6, с.12]. Такое положение обусловило интерес к семантике глагола, к падежному управлению и к семантической составляющей синтаксиса в целом. Так, М.Е.Алексеев в работе по типологии нахско-дагестанских языков анализ эргативного строя этих языков начинает с перечисления важнейших семантических групп как переходных, так и непереходных глаголов, отмечая при этом, что состав этих групп в эргативных и номинативных языках совпадает лишь в своих наиболее общих чертах. Среди интранзитивных глаголов он отмечает 5 семантических групп, среди транзитивных – 9 таких групп [1, 173-179]. В 70-90-е годы дагестанские языки оказались в поле зрения лингвистов отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Под руководством Е.А.Кибрика методами полевой лингвистики интенсивно изучались как отдельные языки (арчинский, цахурский, багвалинский), так и проводились типологические исследования по именному словоизменению в дагестанских языках, по типологии эргативности с привлечением материала почти всех письменных и бесписьменных дагестанских языков. В последние десятилетия в работах типологической школы Е.А.Кибрика постулировалась направленность на *объяснительный* подход, который противопоставлялся таксономическому подходу, доминирующему в языкознании. Такую типологию Е.А. Кибрик называет когнитивно ориентированной, «поскольку использование языка есть один из видов целенаправленной деятельности человека, пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т.е. когнитивной способностью человека» [3, 9,44]. Внимание к семантике отражается и в исследованиях по сопоставительному изучению дагестанских языков, где именная и глагольная лексика двадцати двух дагестанских языков представлена в форме сопоставительного словаря, организованного по тезаурусному принципу (1988,1990). Глагольная лексика (220 словарных статей) включает 11 понятийных классов. Ценным в этой работе является и то, что каждая глагольная лексема сопровождается и синтаксической информацией – указаны управляемые члены и способы их выражения (модель управления), напр., 125. МОЛОТЬ <кто:эрг.; что: ном.> [3, с.134].

Среди работ, посвящённых описанию синтаксиса отдельных дагестанских языков, большое место занимают работы А.А.Бокарёва по аварскому языку (1949) и М.М.Гаджиева по лезгинскому языку (1954, 1963). Синтаксис табасаранского языка описан в работе Б.Г-К. Ханмагомедова (1970). Проблема эргативности даргинского языка находится в центре научных интересов З.Г.Абдуллаева (1986).

Специальных работ по синтаксису лакского языка сравнительно немного. Глагольным словосочетаниям посвящена докторская диссертация П.А.Сулеймановой (1992), где подробному анализу подвергается структура словосочетаний, семантика падежных форм. Взгляды автора отражены и в пособии «Словосочетания в лакском языке и их изучение в школе» (1989). Среди глагольных словосочетаний выделены группа «предикативных словосочетаний», к которым отнесены сочетания глаголов с именами в субъектном значении. К ним отнесены: а) сочетания переходных глаголов с именами в форме эргатива, датива и аблатива и б) непереходных глаголов с именами в форме номинатива. Это те падежи, которые традиционно в школьной грамматике считаются падежами подлежащего. Заслуживает

автора можно считать стремление систематизировать семантику падежей в глагольно-именных словосочетаниях. Однако в некоторых случаях в разряд объектных попадают и субъектные значения. Например, в предложении *Танан уссий язухъ хъанай бия* 'Ему жалко было брата' [5, с. 42].

Структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке подробно описываются в монографии Ж.Д.Башировой (2011). Описанию синтаксиса лакского языка посвящена работа К.И.Казенина «Синтаксис современного лакского языка» (2013). Теоретические вопросы, связанные с разграничением словосочетания и смежных единиц в работе не рассматриваются. В первой части, посвящённой словосочетанию, автор описывает именные словосочетания, послеложные сочетания и наречные словосочетания. Глагольные словосочетания в работе не рассматриваются, падежный синтаксис отражён в разделе о простом глагольном предложении, где именные компоненты описываются в терминах членов предложения: подлежащее, прямое дополнение, косвенные дополнения, обстоятельства.

Синтаксис тесно связан с семантикой. Изменение значения глагола отражается на его актантной структуре, модели управления. Поэтому исследования по семантике являются необходимой предпосылкой при изучении синтаксиса.

Среди работ дагестанских исследователей, посвящённых вопросу семантики, можно отметить назвать пионерскую работу П.А. Магомедовой «Семантика и синтаксис аварского глагола» (2006). Автором разработана методика представления глагольной лексики, на семантической основе разработан валентностный словарь аварского. Работа трудоёмкая и глубокая, особенно с учётом отсутствия толкового словаря аварского языка. Сложность исследований такого типа и в том, что глаголу в дагестанских языках присуща развитая семантическая деривация и омонимия.

Список литературы

1. *Алексеев М.Е.* Типология нахско-дагестанских языков // Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. - М.: «Наука», 1980.
2. *Дирр А.М.* Рутульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, вып. 42. - Тифлис, 1911.
3. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. - М., 1988.
4. *Сулейманова П.А.* Словосочетания в лакском языке и их изучение в школе. - Махачкала, 1989.
5. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. IV. Лакский язык. Тифлис, 1980.
6. *Чикобава А.С.* Несколько замечаний об эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения. - М., 1950. С. 8-10.

10.02.19

Б.К. Миннуллин канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, bahtiyar1986@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -DYQ В ТЕКСТАХ ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ АРАБОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Целью настоящей статьи является научная разработка функционирования грамматической системы текстов татарской периодической печати межреволюционного периода 1905 – 1917 гг., в частности, одной из наиболее распространенных причастных форм – показателя на -dyq, на примере текстов газеты «Вақыт» (Оренбург, 1906-1918 гг.). Научная новизна статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках изучения грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века проводится научная разработка функционирования причастия на -dyq на примере текстов указанной газеты.

Ключевые слова: татарская периодическая печать; старотатарский литературный язык; язык газеты; грамматическая система; причастие.

Как принято считать, конец XIX – начало XX вв. является одновременно сложным и особенно плодотворным периодом в плане функционирования и дальнейшего развития старотатарского письменного литературного языка, что объясняется запуском определенных общественно-политических и экономических изменений, приведших к росту национального самосознания у народов, проживающих на территории Российской империи. В качестве одного из показателей уровня национального самосознания определяется и наличие национальной периодической печати. Так, в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., на территории России издается свыше 120 наименований татароязычных газет и журналов. В этот период, наряду с текстами литературных произведений, татарский национальный литературный язык начинает формироваться и на страницах периодической печати.

Причастие прошедшего времени в текстах газеты «Вақыт» представлено целым рядом форм, среди которых обнаруживаются показатели, характерные для кыпчакских и огузских языков. Такая тенденция обусловлена как влиянием языков огузской группы на старотатарский литературный язык рассматриваемого периода, в частности, османско-турецкого языка, так и наличием в текстах газет определенной доли общетюркских традиционных языковых форм.

Одной из форм причастия прошедшего времени, функционирующей в текстах газеты «Вақыт», является показатель на -dyq, который принадлежит к языковому состоянию, содержащему элементы, в более поздний период вошедшие в активное употребление в огузских языках [4, с. 131]. Следовательно, сегодня данная форма наиболее активна в современном турецком, гагаузском, азербайджанском языках, в туркменском языке функционирует исключительно в отрицательном аспекте [9, с. 461], а в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта татарского языка употребляется в ограниченном порядке [10, с. 112].

В текстах газеты форма на -dyq употребляется строго с аффиксами принадлежности. Следует отметить, что ее подобное функционирование характерно и для современного турецкого языка [6, с. 439]. В текстах рассматриваемая форма, как правило, выражает процессуальный признак предмета, лица, состояния и т.д. в плане прошедшего времени и близка по значению к кыпчакской форме на -ğan. При этом, форма на -dyq характеризуется

относительным временным признаком, а ее временная характеристика напрямую зависит от того, каким временем выражена личная форма глагола: *Palitsijä hämä waqyjğadan xübärdar buldyğy xäldä, höcüim aldyndan ğyna totarğa xäzerläneb kötkän* / 'Полиция, владея информацией о всех событиях, ждала, чтобы задержать прямо перед нападением' (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Б. М.) [1].

Также, как и кыпчакское причастие на *-ğan*, рассматриваемая форма, в зависимости от контекста, характеризует предмет или лицо по действию, совершающемуся одновременно с основным действием, а также может выражать постоянный признак предмета: *Ul bu tuğry juldan barmajynča, ačdyğy yškollarynda faqat ike maqsadğa xedmät itä* / 'Он, не следуя по этому праведному пути, в школах, отрытых им, служит лишь двум задачам' [3].

Функционирование рассматриваемой формы в атрибутивной функции в текстах газеты «Вақыт» носит ограниченное распространение. Так, нами было зафиксировано ее употребление в качестве определения к слову, обозначающему состояние действия: *Möselman säüdü xedmätkärlärenen iqtisadi mänfäğätläre rus säüdü xedmätkärlärenenke belän ber buldyğy xäldä ajrym cämğyjät tözüwenen sähäbe dä mili wä dini ixtijaclarny jaxşyraq ütäü öçen ide* / 'В ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых работников сопоставимы с интересами русских торговцев, причиной создания отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов' [8].

В тех случаях, когда в текстах газеты наблюдается замещение определяемого слова, форма причастия на *-dyq* субстантивируется, что выражается в аффиксации посредством присоединения показателей принадлежности и падежа. Так, в текстах газеты «Вақыт» наиболее активно обнаруживаются причастия на *-dyq* в основном, винительном и исходном падежах: *Graf Palin mämurlary bağzy mäktäblärgä kereb möğalimlärenen kemnärdä uldyğyny, şahadätnamäläre mävcud ulyb ulmadyğyny, uqytyla torğan kitablarnyñ nilärdän ğyjbarät idegene soraşdyrğalağanlar* / 'Чиновники графа Палина, посетив несколько школ, интересовались личностями преподавателей, наличием у них удостоверения и содержанием учебников...' [7]. Как видно из примера, причастие на *-dyq* усложнено аффиксом винительного падежа и, употребляясь в функции имени действия, обозначает прямой объект действия, выраженный личной формой глагола.

В следующем примере рассматриваемая форма приводится в основном падеже и также выражает объектные отношения: *...möselmanlary kübräk ulan vilajätlärgä mäğarif öçen birelgän aqça bigräk az uldyğy daxi ačyğraq küreler* / '...становится более очевидным, что денег, выделенных на образование областям с более плотным мусульманским населением, недостаточно' [3].

В нижеприведенном примере причастие на *-dyq* представлено в исходном падеже и указывает на причину совершения другого действия, выраженного глаголом личной формы: *Iranda zur üzgäreşlär wä möhim waqyjğalar bulyb tordyğyndan... idarämezgä dörest wä täfsille mäğlümat bireb toryr öçen gazetamyznyñ möxärirlärendän Borhan Şäräf äfände gazetamyzğa maxsus möxbir ulyb Iranğa kitde* / 'Из-за того, что в Иране происходят большие изменения и важные события,... для того, чтобы обеспечивать редакцию достоверной и подробной информацией, один из редакторов нашей газеты, Бурхан Шараф эфенди, отправился в Иран в качестве специального корреспондента газеты' [5].

Также в текстах газеты «Вақыт» наблюдается функционирование причастия на *-dyq* в сочетании с послелогоми, среди которых наиболее активны такие, как *kürä* 'по', *öçen* 'для, из-за', *kebi* 'как', *soñra, soñ* 'после', *ilä, ilän* 'с, вместе с', *binaän* 'из-за' и т.д. Например, причастие на *-dyq* в направительном падеже с послелогом *kürä* 'по' выражает причину совершения действия, выраженного в предложении при помощи личной формы глагола: *Risalänen nädän baxs itdege isemendän anlaşyldyğyna kürä... babalarymyz bolğarlar äxwalendän wä... Bolğar şahärendän baxs itmäktäder* / 'Как становится понятно из названия произведения,... в нем говорится о жизни наших предков – древних булгарах и... о городе Болгар' [2].

Как показал наш материал, по сравнению с другими формами причастия прошедшего времени, огузская форма на *-dyq* в текстах газеты «Вакыт» имеет ограниченное распространение. При этом, наиболее активно рассматриваемая форма обнаруживается в более ранних номерах газеты, изданных до второго десятилетия XX века. Прежде всего, данный факт объясняется тем, что революция 1905 года послужила определенным толчком для еще более активного роста национального самосознания у татар, что не могло не повлиять и на процессы языкового функционирования. Как результат, рассматриваемый период становится отправной точкой в плане активизации процессов формирования нового татарского литературного языка, в рамках которых начинается постепенный отказ от огузских и традиционных общетюркских языковых элементов и переход к более активному употреблению народно-разговорных лексико-грамматических показателей.

Список литературы

1. Азев масьэләсе // Вакыт. 19.02.1909. № 433.
2. Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар // Вакыт. 19.06.1908. № 333.
3. Гайсә мирза Еникеевның нотыгы // Вакыт. 19.06.1908. № 333.
4. Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка. – М.: Изд.-во Московского ун-та, 1991. – 223 с.
5. Идарәдән // Вакыт. 29.08.1909. № 513.
6. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
7. Мәктәпләр вә мөгаллимләремез // Вакыт. 19.02.1909. № 433.
8. Оренбургта күнелсез вакыйгалар // Вакыт. 05.07.1917. № 2247.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 557 с.
10. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. – Казань: ФЭН, 2004. – 592 с.

10.02.19

¹Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук, ²А.К. Булатова канд. филол. наук,
Л.Х. Шаяхметова канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
¹отдел общей лингвистики,
²отдел лексикологии и диалектологии,
³Казанский федеральный университет,
кафедра языковой и межкультурной коммуникации,
Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, alf_0082.82@mail.ru, habirshah@mail.ru

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В ТЮРКОЛОГИИ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ)

В статье рассматривается история изучения абстрактных существительных. Как в тюркологии, так и в татарском языкознании абстрактные существительные представляют собой сложную и малоизученную категорию субстантивов.

Ключевые слова: *абстрактные существительные, суффиксы, словообразование, тюркология, татарское языкознание.*

Обзор работ тюркологов, где рассматриваются абстрактные существительные, позволяет сделать следующий вывод. Во многих тюркских языках изучение абстрактных существительных ведется в связи с изучением суффиксов, образующих абстрактные имена.

Так, например, Н.А. Баскаковым детально изучено словообразование существительных в грамматике каракалпакского языка. Им выделены семантические группы абстрактных существительных, а также способы их образования. Образование отвлеченных имен существительных связано со значениями словообразовательных суффиксов. Н.А. Баскаковым как наиболее продуктивные определены суффиксы: *-лыкь/-лик*, которые а) присоединяясь к именам, обозначающим профессию, положение и т. п., образует отвлеченное название данного состояния или положения, например: *бай* 'богач, богатый' – *бай-лыкь* 'богатство', *джарлы* 'бедный бедняк' – *джарлы-лыкь* 'бедность', *бий* 'бий' – *бий-лик* 'положение, власть бия', *бала* 'ребенок' ~ *бала-лыкь* 'детство', *кьул* 'раб' – *кьул-лукь* 'рабство'; б) присоединяясь к формам имени в местном падеже, образует отвлеченные понятия, например: *бир тюрде-лик*, *бир тюсте-лик* 'единообразие', *кюнде* 'днем', *кюнде-лик* 'повседневность'.

Суффикс *-шылыкь/ -шилик* является сложным, состоящим из простых суффиксов *-шыл+лыкь/ -шил+ликь*, который присоединяясь к некоторым именам, образует название занятия или профессии, связанной с производством данных предметов, например: *етик* 'сапоги' – *етик-шилик* 'сапожное ремесло', *балык* 'рыба' – *балыкь-шылыкь* 'рыболовство, рыбный промысел', или образует отвлеченное понятие от данного имени существительного: *мийнет* 'труд' – *мийнет-шилик* 'трудолюбие', *кек* 'мечь' – *кек-шилик* 'мстительность'. А также образует отвлеченное имя профессии, например, *савда* 'торговля', *савдегер* 'торговец', *савдегер-лик* // *савдегер-шилик* 'торговля, занятие торговлей' [2, с. 181–182].

Следует отметить, что во всех грамматиках тюркских языков отвлеченные существительные выделены как отдельная группа. Так, например, в киргизском языке среди 15 семантических групп существительных одна из групп – отвлеченные существительные [5, с. 120].

Абстрактные имена существительные в киргизском языке являются производными и в основном образуются суффиксальным способом. Суффикс *-лык* – от одушевленных нарицательных существительных образует существительные отвлеченного значения, а от неодушевленных нарицательных – образует существительные конкретного и абстрактного значений. Суффикс *-лык* может сочетаться с прилагательными, тогда он образует существительные абстрактного и отвлеченного значения от непроизводной основы прилагательного: *жакшы* ‘хороший’ – *жакшылык* ‘доброта’ [8, с. 47].

В тюркских языках образование абстрактных существительных может осуществляться путем словосложения: *кайгы+кана* ‘горести-печали’, *чык+гатак* ‘споры-раздоры’ [8, с. 60].

Тюрколог Н.К. Дмитриев выделяет четыре основных значения суффикса *-лык*: 1) концентрация отдельных конкретных предметов в каком-либо месте; 2) обозначение абстрактных понятий; 3) название прибора, инструмента или приспособления; 4) значение известной целеустремленности или направленности [7, с. 67].

В «Грамматике современного башкирского литературного языка» абстрактные имена существительные рассматриваются в словообразовательном аспекте. При этом грамматика опирается на исследования Н.К. Дмитриева. Авторами выделены 6 значений этого суффикса. Одна из функций суффикса *-лык* – это образование существительных с отвлеченным значением, например, *гуманлык* ‘гуманность’ [6, с. 102].

Помимо указанного суффикса, как наиболее продуктивные в образовании отвлеченных существительных, выделяются следующие суффиксы: *-ыш/-еш*, *-оги/-виш*, *ги*, *-ма/мэ*, *-чыс/кес*, *-гыс/гес*, *-гос/гес*, *-цос/кес*.

Бодуэн де Куртенэ обращает свое внимание на возникновение значения абстрактности. Исследователь предполагает, что оно могло возникнуть непосредственно из значения совокупности и концентрации. Существительные с этим значением образуются в основном от имён, означающих состояние–качество, свойство–качество или явлению по определенному признаку, выраженному основой [1, с. 57]. |

В начале XIX века в первых грамматиках татарского языка было положено начало изучению имени существительного как части речи. К примеру, А. Троянским дается следующее определение имени существительного: «Имя есть часть речи, означающая предмет или его качество... Имя существительное есть название всякого предмета, существующего в природе, подлежащего внешним чувствам нашим или воображаемого нами в уме: *калемь*, *джан* [10, с. 8].

В грамматике «Энмузэж» («Краткая грамматика татарского языка») К. Насыри впервые в противопоставлении выделены конкретные и абстрактные существительные. Автор к конкретным именам относит имена существительные, существующие самостоятельно, т.е. вне нашего сознания, к абстрактным – имена существительные, обозначающие понятия, существующие только в мысли человека, например, *гыйлем* ‘знание’, *магърифэт* ‘просвещение’ [9, с. 12]. В дальнейшем выделение абстрактных и конкретных существительных наблюдается и в работах Ш. Иманаева, М. Курбангалиева.

В работах современных татарских лингвистов противопоставление конкретных и абстрактных существительных обозначено более детально. Например, некоторые учёные полагают, что конкретные имена обозначают предмет, человека или явление действительности (*чана* ‘сани’, *жил* ‘ветер’), абстрактные существительные обозначают профессию, название наук, названия государственных структур, имеют обобщающее значения действия и состояния (*аң* ‘сознание’, *душлык* ‘дружба’), такие имена обозначают не предметы, а скорее абстрактные, обобщенные понятия.

Как уже было сказано, и в тюркском, и татарском языкознании среди суффиксов, образующих абстрактные имена существительные, можно выделить суффиксы *-лык/ -лек* образующие имена, обозначающие число, количество, объем, понятие.

Ф.А. Ганиев утверждает, что суффиксы в языке могут что-либо выражать и обозначать только в связи и в зависимости от производящей основы. Автор пишет, что суффиксальное словообразование в большинстве случаев как в тюркском, так и в татарском языкознании изучается не совсем точным методом. По его мнению, суффикс в отдельном своем состоянии ничего не выражает [4, с. 6]. Ученый вслед за А.Н. Коновым, Н.А. Баскаковым и другими тюркологами отмечает полисемантическую суффикса *-лык/-лек*. Им впервые в татарском языкознании выделены 20 значений этого суффикса [4, с. 97–98].

В современном татарском языкознании насчитывается большое количество суффиксов, образующих абстрактные имена, названия лиц и предметов. Ф.А. Ганиев отмечает, что некоторые суффиксы могут образовывать и абстрактные имена, и названия лиц и предметов: «Так, суффикс *-лык* в слове *баилык* обозначает лицо и предмет, в слове *арканлык* ‘чересседельник’ – предмет» [3, с. 41].

Таким образом, описание абстрактных имён можно наблюдать в грамматиках тюркских языков, в частности и татарского языка, в разделах, посвящённых словообразованию существительных. Несмотря на интерес к ним со стороны тюркологов, в лингвистике нет однозначного определения понятия абстрактные существительные, не предложены конструктивные подходы к делению существительных на абстрактные и конкретные. Также слабо изучена их семантика. В дальнейших своих публикациях мы планируем рассматривать абстрактные существительные татарского языка с точки зрения когнитивистики: а именно, проанализировать категориальное строение имен существительных, изучить новые подходы к делению существительных на абстрактные и конкретные, помимо тех, которые описаны в тюркологии, в частности татарском языкознании.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т.1. – М.: Наука, 1963. – 388 с.
2. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык: фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 544 с.
3. Ганиев Ф.А. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань, 2009. – 264 с.
4. Ганиев Ф.А. Татар телендә сүзьясалышы. – Казань, 2010. – 728 с.
5. Грамматика киргизского литературного языка. – Фрунзе: Илим, 1987.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 494 с.
7. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – Изд-во АН СССР, 1948. – 275 с.
8. Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. – Фрунзе, 1955. – 104 с.
9. Насыри К. Краткая татарская грамматика. – Казань: тип. Казан. ун-та, 1860. – 80 с.
10. Троянский А. Краткая татарская грамматика. – Казань: Изд-во дух.-учеб. упр., 1860. – 234 с.

10.02.19

Е.Ю. Семушина канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
факультет социотехнических систем,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, eospelova12@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНО ИЗМЕНЕННОЙ ПОСЛОВИЦЫ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются способы передачи окказиональной поговорки на язык перевода. Исследование направлено на выявление адекватных способов передачи окказионального явления при сохранении интенции автора. Особое внимание уделяется следующим аспектам: способы изменения поговорки (субституция компонента, части поговорки или усечение), наличие эквивалента в языке перевода и влиянию данных факторов на качество перевода.

Ключевые слова: *окказиональная трансформация; поговорки; субституция; эквивалент; аналог.*

Адекватный перевод фразеологических единиц и поговорок должен обеспечить такую степень понимания текста носителем языка перевода, которая максимально близка к уровню понимания оригинала носителем языка-источника. Особую сложность при передаче значения образных выражений вызывает перевод окказионально измененной фразеологической единицы или поговорки [3]. Так как, в отличие от ошибочного употребления лингвистической единицы, окказиональные изменения носят целенаправленный характер, при переводе желательно сохранить структуру, семантику, а также окказиональные изменения образного выражения. Кроме того, поскольку создание окказиональной фразеологической единицы является творческим процессом, при переводе часто необходимо использовать нестандартный подход [5].

Целью исследования является системный анализ способов перевода лингвистических единиц, в частности, поговорок, которые предварительно подвергались окказиональным изменениям в контексте. Новизна исследования заключается в том, что впервые проведен системный анализ способов перевода окказионально измененной поговорки с русского на английский язык с учетом структурных и семантических изменений в языке оригинала.

Пословица - предложение, которое содержит поучительное изречение, причем по структуре поговорки могут быть и простым, и сложным предложением. Пословица выполняет текстообразующие функции, так как одновременно является и самостоятельным контекстом, и частью расширенного фразеологического контекста. В семантике поговорки имеются отмечаются два пласта – универсальный, который содержит общекультурные концепты и национальный, который отражает особенности культуры и мышления определенного народа [1]. При переводе окказиональной поговорки необходимо не только сохранить вышеупомянутые аспекты, но учитывать и индивидуальные знания носителя языка, который проводит преобразование данной поговорки [4].

Контекстуальное изменение инициируются интенцией автора, но ограничивается фразеологическим контекстом, так как именно информация, представленная в контексте, обосновывает окказиональное изменение поговорки [10]. Выбор варианта передачи значения окказиональной поговорки зависит от способа трансформации поговорки и наличия эквивалента (аналога) в языке перевода. В отечественном языкознании выделяются следующие основные способы перевода фразеологической единицы: полный эквивалент; частичный эквивалент; нефразеологический метод перевода [6]. Из способов окказиональных трансформаций наиболее распространены три вида трансформации поговорки: субституция компонента, субституция части поговорки и усечение поговорки.

Замена компонента (субституция) может приводить как к значительному изменению денотативного значения единицы, так и к несущественному изменению коннотации. Адекватный перевод с сохранением практически всех элементов смысла возможен только в том случае, если язык перевода имеет эквивалент с достаточно прозрачной внутренней формой. В первую очередь при переводе необходимо учитывать семантику компонента-субститута, который может быть синонимом, антонимом или относиться к тому же семантическому полю, но не является синонимом заменяемого компонента.

Например, замена последнего компонента пословицы «С милым и рай в шалаше» на компонент из того же семантического поля не приводит к значительному изменению значения окказиональной пословицы. Замена же соответствующего компонента во фразеологизме английского языка “A cottage is a castle for those in love” приводит к разрушению фразеологизма. Соответственно, необходимо проводить двойную замену компонента в английском языке:

«Если он такой умный - лучше бы тебе кровать купил!» - «С милым рай и на диване!» [8, с.397]

“If he is so clever, he should buy a good bed for you!” – “A sofa is a bed for those in love”.

В следующем примере, изменение денотативного компонента пословицы «Голод не тетка» происходит в результате замены первого компонента, однако эта контекстуальная трансформация не вызывает трудностей при переводе, так как в соответствующем английском аналоге “Beggars can't be choosers” можно заменить первый компонент субстантивированным прилагательным “the frozen”:

Матвей собрал два брезента, полог, несколько мешков и подал их Беляеву. «Холод не тетка», смеясь, проговорил он и, проводив Соколовского и Беляева, полез в шалаш [7, с.103].

Matvei gathered tent-cloth, bed-curtain, several bags and gave them to Beliaev. “The frozen can't be choosers”, he said with laugh. Then he said goodbye to Sokolovski and Beliaev and climbed into the hut.

Особый интерес представляет субституция не одного компонента, а части пословицы, которая является сложным предложением в русском языке. При синонимичной субституции, когда изменение плана выражения не сопровождается изменением плана содержания, оптимальный вариант передачи смысла окказиональное единицы – калькирование. Например, синонимичную замену части пословицы «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» возможно передать на английский язык благодаря кальке второй части пословицы во втором языке:

Если гора не идет к Магомету, то Магомет берет верблюда и скачет сам на вершину [2, с. 326].

If the mountain will not come to Muhammad, Muhammad must take a camel and go to the top of the mountain.

При антонимической замене, когда в результате имеет место изменение смысла высказывания на противоположное, субституция носит комплексный характер, то есть используется в сочетании с другими видами преобразований [9]. Например, перевод расширенной метафоры, основанный на замене части пословицы “Тяжело в ученье, легко в бою”, требует создания метафоры на языке перевода с использованием трансформации пословицы:

«Тяжело в ученье», назидательно завел Витек и зевнул. – «... а в бою совсем фигово», завершил крылатое выражение Пашка [2, с.72].

“Train hard”, Vitek started in instructive voice and yawned. – “... fight even harder”, Pasha finished the idiom.

При передаче эллипсиса на язык перевода необходимо определить тот аналог в языке перевода, который будет максимально узнаваем для носителя языка перевода, так как необходимо четкое осознание фразеологически связанного значения в обоих языках.

«Да они как с цепи сорвались!», с возмущением повернулся к секретарю парткома Головки. – «**Не буди лихо ...**», усмехнулся Лешутин [8, с.177]. – “*They're out of control!*”, *Golovko turned to the Secretary of the party Committee with indignation. “Do not trouble trouble until ...”*, *grinned Lashutin.*

Итак, при передаче значения окказиональной пословицы на язык перевода оптимально использовать контекстуальный метод перевода, под которым понимается модификация эквивалента или аналога в языке перевода. Выбор варианта передачи значения окказиональной пословицы зависит от способа трансформации пословицы (субституции компонента, части пословицы или усечения) и наличия эквивалента (аналога) в языке перевода. Вне зависимости от структурных и семантических особенностей пословицы, на первом месте находится сохранение интенции автора.

Список литературы

1. Астафьева А.Е. Сравнительный анализ зарубежных и отечественных учебников английского языка технического профиля // Вестник Казанского государственного технического университет им. А.Н. Туполева. 2012. №4-1. С.301-303.
2. Донцова Д.А. Рыбка по имени Зайка. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
3. Зинатуллина Л.М. Функционально-стилистические особенности определения англо-русских фразеологических аналогов // Казанская наука. 2019. №5. С.79-81.
4. Зинатуллина Л.М. Вариативность адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках // *Litera*, 2019, №4. С.17-25.
5. Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах: дис. ... канд. филол. наук. Казань: Изд-во Каз. Университета. 2010. 170 с.
6. Каюмова А.Р. Фразеологический повтор и его функциональная значимость (на материале произведений У. Коллинза) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 180-185.
7. Марков Г.М. Строговы. М: Советский писатель, 1970. 592 с.
8. Поляков Ю. Грибной царь. М.: Астрель, АСТ, 2009. 510 с.
9. Семушина Е.Ю. Комплексные случаи трансформации фразеологических единиц, основанные на насыщении контекста (на материале английского и русского языков) // Филология и культура. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. № 3 (33). С. 126-130.
10. Семушина Е.Ю. Фразеологическое насыщение контекста (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1(8). С. 138-141.

10.02.19

¹Г.Л. Соколова канд. филол. наук, ²А.Л. Коляго канд. педагог. наук

Марийский государственный университет,
¹институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
кафедра межкультурной коммуникации,
²факультет иностранных языков,
кафедра иноязычной речевой коммуникации,
askgalinasokol@gmail.ru, kolyago@yandexl.ru

ПОВТОР КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается повтор, как одна из эффективных стилистических фигур экспрессивного синтаксиса в сложном предложении в марийском языке. Повтор используется в разных типах сложных предложений с целью предания речи образности, выразительности и эмоциональности.

Ключевые слова: *марийский язык, сложное предложение, экспрессивность, фигуры речи, повтор.*

Стилистика и синтаксис современного марийского языка относятся к достаточно разработанным областям марийского языкознания. Вопросы стилистики марийского языка на уровне фонетики и морфологии, особенности стиля языка марийских писателей раскрываются в исследованиях З.В. Учаева, Е.Н. Мустаева, И.Г. Иванова, О.А. Сергеева. Теоретические основы синтаксиса простого и сложного предложений заложены в трудах Л.П. Васиковой, В.Т. Тимофеевой, Ю.В. Андуганова, Л.А. Абукаевой. Стилистические возможности синтаксиса рассматривались в языке в основном на уровне словосочетания и простого предложения. Стилистический синтаксис, его экспрессивные возможности и потенциал на уровне сложного предложения в языке художественной литературы недостаточно изучены. В нашей работе будут рассматриваться экспрессивные возможности стилистической фигуры повтора в языке художественной литературы на уровне сложного предложения.

В русском языкознании повтор, как стилистическую фигуру синтаксиса, обладающую образностью и выразительностью, изучали И. М. Астафьева, Н. Т. Головкина, Е. Н. Иванчиков, А. П. Сковородников и другие. В работе И. М. Астафьевой повтор определяется как один из видов параллелизма [2]. Н. Т. Головкина исследует повтор как эффективное стилистическое средство в различных видах и жанрах речи [6]. Е. А. Иванчикова рассматривает лексические виды повторов и говорит о возможности введения при помощи повторов новой информации [8]. А. П. Сковородников впервые вводит понятие позиционно-лексического повтора и говорит о нем, как о повторяемости синтаксических позиций в составе предложения [12]. К повторам в художественной литературе авторы прибегают с целью воздействовать на читателя и показать особенности речевого поведения своих персонажей. Так же повторы способствуют лучшему пониманию происходящего и обладают способностью «достучаться» до собеседника. В художественном произведении автор, прибегая к повторам, реализует свои эстетические намерения. Сложные предложения с повтором организуют композиционную структуру художественного произведения. В работе А. Д. Егидаровой и К. А. Журавлёвой отмечается, что «... сочетания лексического, и синтаксического повторов, выполняют три функции: эмоционально-усилительную, акцентирующую и структурообразующую [7, с.112].

Н. Н. Глухова на примере фольклорных текстов провела системный анализ языка марийских заговоров и молитв [3-5] и ведущей функцией повтора, так же, как и других фигур синтаксиса, называет «создание лингвистической экспрессивности текста» [3, с. 63]. Исследователь выделяет лексико-синтаксический, лексический и кольцевой виды повторов. Впервые в марийском языкознании наряду с перечисленными выше традиционными видами повторов, Н.Н. Глухова на уровне сложного предложения в языке заговоров и молитв выделяет нюансно-вариативный повтор [4, с. 54] и повтор-подхват и называет его «цепочным» подхватом [5]. Такие виды повторов встречается в книжной речи преимущественно в поэтических произведениях. Повторяющиеся элементы, которые несут в себе основную смысловую нагрузку, призваны акцентировать внимание читателя, считает А. В. Илларионов, занимающийся исследованием средств выражения экспрессивности в произведениях горномарийских писателей [9]. Л. А. Абукаева, вторым, по значимости средством экспрессивности после сверхфразовых единств, также называет конструкции с позиционно-лексическим повтором, которые приспособлены для выражения как оценочно-характеризующих, так и собственно оценочных значений [1]. О повторе одних и тех же глагольно-именных словосочетаний в рамках предложения, сверхфразового единства или текста в горномарийском языке говорит Н. М. Краснова. Она выделяет простой контактный; кольцевой (повтор-обрамление) и повтор-подхват [10].

Наиболее употребимыми видами повторов в сложных предложениях в марийском языке выступают повторы в виде анафоры, например: *Южыжсо тасмам, южыжсо оксам, южыжсо кудырым кучат, южыжсо тўр гоч шуат, а Эвика вене тувырым тўрла ...* . ‘Некоторые ленты, некоторые монеты, некоторые тесьму пришивают, некоторые перекидают вышивку через край, а Эвика вышивает рубашку зятю ...’ [15, с. 193]. Встречаются примеры с эпифорой, например: *Мом тўналеш иктыже, тудым пытара весыже.* ‘Что начинает один, то заканчивает другой’ [15, с. 225]. *Эрденат волальым, вўд воктек волальым, // Пеледышлан лийын волальым; // Кастенат волальым, вўд дек волальым, // Танемлан лийын волальым.* ‘И утром спустилась, к воде спустилась, // К цветам спустилась; // И вечером спустилась, к воде спустилась, // К другу спустилась’ [15, с. 183].

Применительно к сложным предложениям эмоциональность и экспрессивность создаются благодаря повтору союзов, местоимений и лексических средств, считает Н. Н. Формановская [17, с. 197].

В марийском языке могут повторяться все виды сочинительных союзов, например: – *Клим, машинат деке кай, а мый тышан кодам, кондо кочкаш, а мый аваж деке йынгыртем.* ‘ – Клим, иди к своей машине, а я здесь останусь, принеси поесть, а я позволю его матери’ [11, с. 30]. – *Шўжарем, – манеш Селмей Окавийлан, – ала от ёркане, ала саде шўведыше кува деке мыланем корным ончыктет?* ‘ – Сестренка, – говорит Селмей Окави, – может не поленишься, может покажешь мне дорогу к этой знахарке’ [15, с. 187]. В создании синтаксической фигуры речи важная роль отводится так же повтору местоимений и лексических элементов, например: *Кõ мом мошта, кõ кузе кертеш – чыла савыктат, оксам гына тўлõ.* ‘Кто что умеет, кто как может – все издают, только деньги плати’ [14, с. 107]. *Мый ик гана таным ыштем гын, нигунамат ом ойырло, ик гана йõратем гын, ўмырешат ом кудалте.* ‘Если я один раз подружусь, никогда не расстанусь, если один раз полюблю, никогда в жизни не брошу’ [15, с. 184].

Повтор в сложноподчиненных предложениях часто строится при помощи синонимичных союзов или союзных слов, например: *Кызыт ынде ом пале: могой йылмыште марий йылмешке кышажым коден, могой калык шке шомакше дене марий мутерым пойдарен.* ‘Сейчас я не знаю: в каком языке марийский язык оставил свой след, какой народ обогатил своими словами марийский словарь’ [14, с. 111]. *Сакар кож велен энертыш, пуйто уло вийже луйым поктыммо дене пытен, пуйто тудлан ынде тўняште моло нимат ок кўл ...* . ‘Сакар прислонился к ели, как будто все его силы закончились во время погони за куницей, как будто ему ничего уже на свете больше не нужно ...’ [16, с. 156]. Придаточные предложения с повтором подчинительных союзов, как считает Н. И. Формановская,

обладают экспрессивными свойствами и призваны привлечь внимание к каждой из частей предложения, актуализировать, сделать особый акцент и ритмизировать высказывание [17, с. 203].

Большую роль в марийском языке повтор играет в бессоюзных сложных предложениях, например: Тыге мурым колын, омарта ўмбалне шинчыше ен *вуйжым* нӧлталеш, омаш велке ончалеш, адак *вуйжым* сака 'Так, услышав песню, сидящий на улье человек поднимает голову, смотрит в сторону шалаша, опять вешает голову' [15, с. 175]. Ик тымык *ото* уло мемнан элыште, // Шога тудо *ото* кугу ер серыште. 'Одна тихая *роща* есть в нашей стороне, // Стоит эта *роща* на берегу большого озера' [15, с. 21].

В сопоставительных предложениях в качестве повторяемых элементов выступают лексические элементы с противоположенным значением, например: *Иктыже* камвочшо пырчим налеш, *весыже* кынем шке чўнга, *кумшыжо* шынам поктылеш. 'Один подбирает упавшие зерна, другой клюет саму коноплю, третий гоняет мух' [15, с. 225]. *Ик еным йӧрате, весылан* марлан кае 'Одного человека люби, за другого замуж выходи' [15, с. 193].

Анализ источников из произведений марийской художественной литературы позволяет сделать выводы о том, что сложные предложения в марийском языке обладают богатым стилистическим потенциалом; в целях придания повествованию образности и выразительности, авторы часто прибегают к лексико-синтаксическому средству повтора; повтор, среди других категорий синтаксиса занимает ведущее положение; в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях экспрессивность создается повтором союзов и союзных слов; бессоюзные сложные предложения с целью повтора прибегают к разным видам местоимений и лексических элементов; повтор как фигура речи в марийском языке представлен анафорой, эпифорой, нюансно-вариативным повтором и повтором подхватом; эмоциональный характер повтора в марийском языке создается благодаря его ритмообразующей роли как в прозаических, так и в поэтических произведениях.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-412-120002 р-а, проект «Стилистический синтаксис сложных предложений в марийском языке».

Список литературы

1. Абукаева Л.А. Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. – Йошкар-Ола, 2005. – 45 с.
2. Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование. Дисс. . канд. филол. наук. – М., 1963. – 239 с.
3. Глухова Н.Н. Выразительные средства синтаксического уровня в марийских языческих молитвах//Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сборник материалов II Международной научно-практической конференции/ Мар. гос. ун-т; под ред. М. А. Мокосеевой. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 58-64.
4. Глухова Н.Н. Синтаксические стилистические средства в марийских заговорах//Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. – С. 50-53.
5. Глухова Н.Н. Язык марийских заговоров и молитв: автореф. дисс. ... д. филол. н. – Йошкар-Ола, 1997. – 45 с.
6. Головкина, Н.Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи. Дисс. канд. филол. наук. – М., 1964. – 340 с.
7. Егидарева А.Д., Журавлёва К.А. Функционирование лексического и синтаксического повтора в пьесе И. А. Вырыпаева «Солнечная линия». – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. Том 13. Выпуск 2. – С. 108-112.

8. *Иванчикова Е.А.* Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения. // Мысли о современном русском языке. – М., Просвещение, 1969. – С. 126-139.
9. *Илларионов А.В.* Средства выражения экспрессивности в произведениях горномарийских писателей: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Йошкар-Ола, 2008. – 19 с.
10. *Краснова Н.М.* Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке. автореф. дисс. ... к. филол. н. – Йошкар-Ола, 2003. – 18 с.
11. *Новиков А.* Кок «шоколад». Ончыко. – Йошкар-Ола, ГУПК «ИД «Периодика Марий Эл», 2019 № 6. – С. 3-32.
12. *Сковородников А.П.* Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление //– Филологические науки. 1984. №5. – С. 71–76.
13. *Соловьев В.* Марий сын: ожно, кызыт. Вара. Ончыко. – Йошкар-Ола, ГУПК «ИД «Периодика Марий Эл», 2018 № 11. – С. 104-116.
14. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений в трех томах. Том. 1. Поэзия, проза. – Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1980. – с. 318.
15. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений в трех томах. Том. 3. Поэзия, проза. – Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1981. – с. 428.
16. *Формановская Н.Ф.* Сложное предложение: Семантико-стилистические аспекты. – Изд. 3-е. Москва: ЛЕНАНД, 2015. – с. 240.

10.02.19

**А.Я. Хусайнова канд. филол. наук, Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук,
А.К. Булатова канд. филол. наук**

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, husainova_alina@mail.ru, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, alf_0082.82@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассматривается специфика татарских переселенческих говоров Иркутской области в фонетическом и лексическом аспекте. Выявляются и анализируются диалектизмы, свидетельствующие о сохранности основы материнских говоров.

Ключевые слова: *Переселенческие говоры, материнские говоры, диалектизмы, диалектная лексика, татарская диасистема.*

Этногенетические процессы обуславливают возникновение и развитие в ходе формирования татарской диасистемы различных групп переселенческих говоров, одной из таких групп являются татарские говоры Иркутской области. В данной статье мы рассмотрим некоторые фонетические и лексические особенности данных дочерних говоров, которые были сформированы в процессе освоения земель Иркутской губернии выходцами из регионов Закавказья, Уфимской губернии, Пензенского наместничества и др. Что подтверждают исторические и топонимические данные исследуемого региона [5].

Говор – это разновидность языка, ограниченная территориально, то есть используемая в речи жителей определенной территории [6: 136]. Материнским говором называются говоры жителей определенного населенного пункта, откуда переселилась часть его носителей, которая образовала переселенческий говор. Переселенческий говор – это говор, который сформирован переселенцами и находится в окружении другого диалекта, другого языка.

В фонетическом аспекте татарские говоры Иркутской области проявляют общность с фонетическим составом татарского литературного языка. Также есть свои специфические особенности, которые нужно разграничивать с явлением интерференции [2:111]. Все примеры приведены из материалов авторов, собранных во время экспедиции в населенные пункты компактного проживания татар в Иркутской области. Рассмотрим особенности в области консонантной системы. Ж-оканье характерно для позиции в начале слова: *жул* – юл, *жәшел* – яшел, *жал* – ял и др. Но в некоторых населенных пунктах в этой же позиции наблюдается й-оканье: *йыр* – жыр, *ельй* – жылый. В большинстве населенных пунктов наблюдается параллельное бытование данных явлений. Например: *Жыйылаша идек кичкорын, кем йырлар йырлый, кем китап укый. Эй йылай идем жалләп ул бәбкәләрне. Минем жырны жаратмасаң, үзең жырла корчаңгы.*

Довольно часто наблюдается, характерная для говоров западного диалекта монофтонгизация дифтонгов *-ай/-эй, -уй/-үй, -ый* в положении перед переднеязычными согласными *т, д, с, ц, н, л*: *этәм* – эйтәм, *сүли* – сөйли и др. Например: *Малайым кызым татарча сүләшә. Әнәү без бәләкирәк булганда әкийәтләр сүли иде. Чигәргә үрәтәләр иде безне. Инәй әйтте инде нийә үрәнмндегез дип.*

Лексический состав татарских говоров Иркутской области интересен и своеобразен. В основе своей он не отличается от татарского литературного языка. Рассмотрим диалектную лексику на примере следующих тематических групп: термины родства, бытовая лексика, названия блюд.

Термины родства: *әтү/әтәү/әт'и/әтә, әнү/әнәү/ән'и/инә, картәтәй/картат'и, картый/картан'и, жиңгәчәй, қатын, нәнәй.*

Понятие «мать» передается словами *әнү/әнәү/ән'и/инә*. Примеры использования в исследуемых говорах: *Биләкәй чакта жырлыи идек, әнәү мине өйрәтәдер ийе. Әнәүнең инәсе/ инәй дип йөрәтә идек без аны. әзрәк үскәч әнүгә булыша башладык*. Слово **әнәү/әнәү** в данном значении распространено в говоре нагорных крышен: *Туган гына әтәшем, Туган гына әнәшем...* [4: 83].

Понятие «отец» передается лексемами *әтү/әтәү/әт'и/әтә*. Например, *Ә әнәүне инде әтәү икенче ашылдан килеп бурлап аппкитте. Әтәү күп йырларны йырлыи иде*. Данный термин встречается также в говоре нижекамских крышен: *әтәү* “отец”. *Минем әтәү ороштан кат'мады* [4: 89].

Термины *картый/картан'и* передают понятие «бабушка, мать отца или матери». Например, *Минчага үникәдән соң йөрергә йарамый дип әйтә иде картыйым. Картийәм курчак эшләп бирә иде*. Также данный термин употребляется носителями байкибашевского говора: *Картый, ураза бүген беттеме?* [4: 276]. Ср. *картый* “бабушка, мать отца или матери», нугайский карт айа > карт ажа. Слово *картый* часто встречается в татарских говорах Башкортостана [1: 374].

Наименования, употребляемые для обозначения бытовых предметов, также составляют интересный пласт лексики: *саплайак* – ковш, *бидерә, сәндерә, ыстайка, ызба, зур пич, табагач, пич алдысында*. Рассмотрим подробно некоторые диалектные лексемы.

Ызба (< рус. изба) характерное для западного диалекта, активно употребляется в татарских говорах Иркутской области. Например, *Тордык башта бер ызбада, безнең өй бетмәгән ийә. Биз тордык үз ызбабызда, хәзер мин торам нәнәйнең ызбасында*.

Саплайак в исследуемых говорах “ковш”: *Мин әтәм саплайак, алар әтә чүмеч*. Данный диалектизм отмечен также в хвалынском и корсуновском говорах: *Нинди, ди, зыйан итесез, ди, алтын саплайак, ди, ди, алып китесез, ди*. – кузн. [4: 561].

Ведро в татарских говорах Иркутской области передается лексемой **бидерә**: *Бөтен балалар су буйына жулны күрсәтәләр ийе, көйәнтә бирәләр ийе, ике бидерә, безгә кәнфитләр, аллә нәмәкәйләр бирәләр ийе*. Лексемы *бид(ы)ра/бид(е)рә* распространены во многих говорах как среденего так и западного диалекта: минзелинском, бирском, пермском, каргалинском, камышлинском, златоустовском, стерлитамакском, шарлыкском и др. *Вақ бидрәләр алып килә, быяулы*. – пермский. [4: 120].

Слово **ыстайка** [рус. стойка] выражает следующие значения 1. “надворные постройки” (татарский литературный – *каралтылар*); 2. “тёплое помещение для скота, сделанное из брёвен” (татарский литературный – *каралтыда терлекләр ябар өчен бүрәндән мүкләп эшләнгән жылы урын*). Например, *Малларны ыстайкада тотта ийәк*. В таких же значениях данное слово бытует в эуштинско-чатском говоре томского диалекта [4: 801].

Названия пищи: *әпи, икмәк, колак* – хворост, *бүккән, умарта* – хворост, *май ашы* – хворост, *төрмә* – пирожок.

Группу лексем со значением «хлеб» в данных говорах образуют **икмәк, әпи, күмәч**. *Ашасы килә, әпи йүк. Туйга әпийән дә китерәләр. Табада, кыстыбий, күмәч, аның майы да, шикәре дә, күкәйе дә шунда*.

На территории распространения татарских говоров Иркутской области пекут также пироги с разнообразной начинкой или же с открытым верхом. Например, слово **төрмә** в значении «пирог»: *Ән'и минем пешерәдер ийә төрмә*. Данная лексема в бирском говоре обозначает “пирог с начинкой из творога и коноплянного семени”. В мензелинском говоре слово *төрмә* имеет значение “пирожок”: *Қабақ төрмәсе пешерәләр ийе, орлоқтан да пешерәләр, пируз инде, төрмә тибед* [4: 647]. Ср.: *төрмәч, төрмәчә, төрмәк* «вид пирога; варенье и т.п. завернутые в блин» – общетюркский характер, азербайджанский *дүрмәз* в том же значении, древнетюркский *türmäk* “сыйр катыш икмәк” и др. от *tür* “завернуть» [1: 297].

В значении “хворост” используется слово **умарта**: *Умарта әнәү пешерәдер ийә*. Возможно название блюда отображает способ его приготовления (скорее всего *умарта* готовили, комкая тесто) и образовано от *умар* «комкать» + -та. В хвалынском и кузнецком говоре бытует корневая форма слова *умарлау* (йомарлау) “скомкать” [4: 680].

Среди узколокальных наименований можно отметить слово *тарақ* со значением “напиток похожий на айран”. *Тарак* (бурятский), *чегень* (алтайский), *тарык* (тувинский), *тарг* (калмыцкий). *Тарак* – густой варенец, делаемый из сметаны и сливок; одно из любимых молочных кушаний сибирских народов [З: 618]. Ср. *таратқы* в балтасинском говоре “катык со свеклой”. *Без кечкенә вақытта әни йасаган таратқыны бик йаратадырыйық, чөгәндере баллы булгач, тәмне була ул.* [З: 608].

Анализ фонетических и лексических особенностей татарских говоров Иркутской области показал, что переселенческие говоры рассматриваемого ареала сохранили в себе специфические элементы фонетической и лексической системы материнских говоров.

Сравнительный подход в исследовании особенностей татарских говоров Иркутской области показал, что процесс формирования данных говоров шёл в условиях взаимодействия носителей среднего и западного диалектов. *С другой стороны, контакты происходили между представителями и западных диалектов, а также и других языков: между татарами и русскими, татарами и бурятами и др. В лексике говоров исследуемого региона находят отражение особенности жизни и культуры татарского народа, система взглядов и идеалов носителей изучаемых переселенческих говоров.*

Список литературы

1. *Ахметьянов Р.А.* Этимологический словарь татарского языка. В двух томах. II том. – Казань: Магариф – Вақыт. – 2015. – 567 с.
2. *Сагдеева Ф.К., Хусаинова А.Я., Бадртдинова А.А.* Фонетическая интерференция в условиях двуязычия (на примере согласных) // Казанская наука, 2018. №4. – С.110-113.
3. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Изд. 3-е. / Под ред. А. Н. Чудинова. – СПб.: Изд. В.И. Губинского. – 1910. – 676 с.
4. Татар теленең зур диалекталогик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2009. – 839 б.
5. *Хисамов О.Р., Гомаров И.Г.* Иркутск татарлары тарихында Шәйхулла Шафигуллин (фәнни экспедиция һәм архив материаллары нигезендә). // Эхо веков. – 2020. – №1. – С. 159-169.
6. *Хусаинова А.Я.* Жирле диалект лексикасы // Татар лексикологиясе: өч томда. – Казан:ТӘҺСИ. – Т. III. – 392 б.

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS**

Р.Ф. Бекметов

О РУССКОЙ КЛАССИКЕ В ПЕРЕВОДАХ НАКИ ИСАНБЕТА*Ключевые слова: Наки Исанбет; русская литература; татарский язык; художественный перевод; сравнение и сопоставление; смысловые трансформации.*

В статье рассматривается переводческая деятельность Наки Исанбета. В качестве материала для анализа были взяты его переводы произведений русской классической литературы, в частности, отдельные фрагменты из переводов «Бахчисарайского фонтана» и «Полтавы» А.С. Пушкина. Были затронуты вопросы культурно-идеологического контекста обращения к русской классике, технического новаторства в сравнении с предшественниками, а также проблемы, связанные с принципами переводческой работы мастера. Важными составными элементами стиля Наки Исанбета как переводчика являются точность в передаче смыслов оригинала, соответствие нового, переводного текста нормам родного (татарского) языка, его эстетическим приемам, глубина проникновения в воображаемый мир русской словесности. Тема, без всякого сомнения, требует дальнейшего исследования.

Н.Л. Голикова, А.В. Лебедева, И.И. Файзуллина
**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ
А. ЕТОЕВА «АКУАКА»***Ключевые слова: современная литература, фольклористика, сказка, композиция, мифологический подтекст.*

В данной статье проводится анализ взаимосвязи между рассказом А.Етоева «Акуака» и русской волшебной сказкой, описывающей обряд инициации война. Также была изучена система ролей героев рассказа в исследуемом ритуале, определен обязательный порядок действий для его совершения. В ходе исследования было установлено, что современная литература заимствует композицию русской волшебной сказки и адаптирует ее к современным реалиям.

М.А. Дубова, Е.А. Ивашевская
**ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЕВОЙ В
КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ФЕТОВСКИХ ТРАДИЦИЙ***Ключевые слова: стилевые доминанты, поэзия, П.С. Соловьева, А.А. Фет, индивидуальный авторский стиль, влияние, контактные и типологические связи, Серебряный век.*

Статья посвящена анализу поэтического творчества одной из представительниц «женской поэзии» Серебряного века П.С. Соловьевой. Авторы акцентируют внимание на стилевых особенностях её стихотворений, определивших их индивидуальное своеобразие и место в поэзии рубежа XIX-XX вв. В центре авторского внимания находятся контактные и типологические связи поэзии П.С. Соловьевой с поэтической традицией XIX века, в частности, с творчеством А.А. Фета, которое оказало влияние на формирование индивидуального авторского стиля П.С. Соловьевой.

А.А. Красноярова
**«ТРАГИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ» В ПОЭЗИИ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ 1920–1930-Х ГГ.***Ключевые слова: русская восточная эмиграция, Китай в русской литературе, образ Китая, поэзия, русская литература XX века, трагическое мировосприятие.*

В поэзии русской «восточной» эмиграции в Китае большее внимание уделялось этико-философским проблемам. Статус эмигранта определял «экзистенциальный» характер мировосприятия русских поэтов, а их стихотворения содержали размышления о «промысле» истории и судьбе человека, затерянного в пространстве и времени, о принципах адаптации человека, оказавшегося в «ино» культурном мире, о пересечении собственной биографии с судьбой китайского народа, что позволяет определять в качестве доминанты их

R.F. Bekmetov

**ABOUT RUSSIAN CLASSICS IN TRANSLATIONS
BY NAKI ISANBET***Keywords: Naki Isanbet, Russian literature, Tatar language, literary translation, comparison and contrast, semantic transformations.*

The article deals with the translation activity of Naki Isanbet. Our analysis is based on his translations of Russian classical literary works, in particular, some fragments from “The Fountain of Bakhchisaray” and “Poltava” by A. S. Pushkin. The article discusses the issues of cultural and ideological context of the appeal to Russian classics, technical innovations as compared to the predecessors, and the problems related to the principles of professional translation work. The important elements of Naki Isanbet’s style as a translator are his accuracy in transmitting the meaning of the original, the compliance of the new translated text with the norms of the native (Tatar) language, his aesthetic techniques and the depth of penetration into the imaginary world of Russian literature. The topic, without any doubt, requires further research.

N.L. Golikova, A.V. Lebedeva, I.I. Fayzullina
**THE MYTHOLOGICAL SUBTEXT IN THE STORY
BY A. ETOEV OF «AKAKA»***Keywords: modern literature, folklore, fairy tale, composition, mythological subtext.*

This article analyzes the relationship between A. Etoev’s story “Akuaka” and a Russian fairy tale describing the initiation rite of war. The system of roles of the heroes of the story in the studied ritual was also studied, the mandatory procedure for its implementation was determined. During the study, it was found that modern literature borrows the composition of the Russian fairy tale and adapts it to modern realities.

Е.А. Ивашевская, М.А. Дубова
**THE POETIC STYLE OF POLYXENA SOLOVYOVA IN THE
CONTEXT OF THE INFLUENCE OF FETOV’S TRADITIONS***Keywords: style dominants, poetry, P.S. Solovyova, A.A. Fet, individual author’s style, influence, contact and typological connections.*

This paper analyzes the poetry of one of the representatives of the “female poetry” of the Silver Age P.S. Solovyova. The authors focus on the stylistic features of her poems, which determined their individual originality and place in poetry at the turn of the 19th and 20th centuries. The author’s attention is focused on the contact and typological connections of P.S. Solovyova’s poetry with the poetic tradition of the 19th century, in particular, with the work of A.A. Fet, which influenced the formation of the individual author’s style of P.S. Solovyova.

А.А. Красноярова
**“TRAGIC WORLD PERCEPTION” IN THE POETRY OF
RUSSIAN EMIGRANTS of the 1920s – 1930s.***Keywords: “Chinese text”, China in Russian literature, the image of China, the history of the development of the “Chinese text”, Russian literature of the 20th – 19th centuries, immigrant poetry of the 20th century.*

During the 1920–1930s. the “Chinese text” of Russian poetry gradually changed: from the early romantic-idealistic (and in many respects illusory, coming from literature) notions of China as an “exotic East”, a “hidden”, “unsolved” and “incomprehensible” country, to deep realistic reflections on the fate of the state and people. The Chinese text of Russian literature of emigration contained reflections on the “craft” of history and the fate of a person lost in space and time, as well as on the

лирики «трагическое мировосприятие».

В.Ю. Новикова

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА РОМАНА В. ОРЛОВА
«АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

Ключевые слова: жанр, сатира, фантастика, мистика,
фэнтези, мениппея.

В статье рассматривается вопрос о жанровой характеристике романа В. Орлова «Альтист Данилов». Автор приходит к заключению, что в произведении отчетливо прослеживаются черты сразу нескольких жанровых разновидностей романа: сатирического, мистического, фэнтезийного. Признаки каждого из этих вариантов жанра отчетливо просматриваются как на уровне сюжетно-композиционной структуры текста и языка произведения, так и в связи романа с той или иной жанровой традицией в истории литературы. Но всеобъемлющим определением жанра романа В. Орлова «Альтист Данилов», по мнению автора, является мениппея.

И.А. Еникеев, Ф.Х. Миннуллина

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТАТАРСКИХ
СТИХОТВОРНЫХ ТРАГЕДИЯХ 20 ВЕКА

Ключевые слова: публицистика, дискурс, трагедия, сюжет,
мифология.

В статье исследован публицистический дискурс стихотворных трагедий татарских писателей 20 века. Показано, как на основе трагических литературных сюжетов, авторы раскрывают злободневные нравственно-философские и общественно-политические проблемы современности.

С.А. Ржанова, Исмаел Хадеер Камил Исмаел
ИСТОКИ МАССМЕДИЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАКА

Ключевые слова: иракская журналистика, публицистическая
литература, индивидуальность, творчество, тема религии,
ислам, массовая культура.

В работе представлены результаты исследования массмедийной культуры Ирака и специфики арабского кинематографа в информационном пространстве Ирака. Ряд поставленных задач помогли более обширно изучить вопросы проявления творческой индивидуальности журналиста и проанализировать процесс подготовки авторских программ на российском телевидении.

Е.Т. Чамзырын

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ «ШОРААН» Ч. КУУЛАРА

Ключевые слова: тувинская детская литература, повесть
«Шораан», слепота героя, мир детства, музыкальные
способности

В данной статье рассматривается повесть «Шораан» народного писателя Тувы Черлик-оола Куулара, внесшего значительный вклад в тувинскую литературу. В центре повествования – судьба тувинского подростка по имени Шораан, незрячего мальчика, а также размышления писателя о счастье и судьбе человека. В работе проанализированы нравственные проблемы и этапы становления главного героя повести «Шораан».

О.А. Астафьева, А.В. Блохин, Т.А. Колоскова, Е.П. Филиппова
ЛОКАЛЬНО – СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: ремарка, структура, драматургический
текст, локация, диалог, грамматические особенности.

Данная статья посвящена исследованию проблем лингвистики

principles of cultural adaptation of a person who found himself in a “other” cultural world. In the “emigrant” version of the “Chinese text” (in particular, in prose), more attention was paid to ethical and philosophical problems. Poetry inherited the traditions of Russian literature of the Silver Age (symbolism and, to a lesser extent, acmeism).

V.Y. Novikova

THE PROBLEM OF DEFINING THE GENRE OF
THE V. ORLOV'S NOVEL «DANILOV, THE VIOLIST»

Keywords: genre, satire, fantasy, mysticism, fantasy, menippea. The article discusses the issue of genre characteristics of V. Orlov's novel «Danilov, the violist». The author comes to the conclusion that the work clearly shows the features of several genre varieties of the novel: satirical, mystical, fantasy. The signs of each of these variants of the genre are clearly visible both at the level of the plot-compositional structure of the text and the language of the work, and in novel's connection with the particular genre tradition in the history of literature. But the comprehensive definition of the genre of V. Orlov's novel «Danilov, the violist», according to the author, is the menippea.

I.A. Enikeev, F.H. Minnuullina

PUBLIC DISCOURSE IN THE TATAR POEM TRAGEDIES
OF THE 20TH CENTURY

Keywords: journalism, discourse, tragedy, plot, mythology. The article examines the publicistic discourse of poetic tragedies of Tatar writers of the 20th century. It is shown how, on the basis of tragic literary plots, the authors reveal the topical moral, philosophical and socio-political problems of our time.

S.A. Rzhanova, Ismael Hadeer Kamil Ismael
THE ORIGINS OF IRAQ'S MASS MEDIA CULTURE

Keywords: Iraqi journalism, publicistic literature, individuality, creativity, the theme of religion, Islam, mass culture. The paper presents the results of a study of the mass media culture of Iraq and the specifics of Arab cinema in the information space of Iraq. A number of the tasks set helped to reveal the general picture of the specificity of this topic, its historical evolution, various functional directions. The activities of the new media in Iraq affect the formation of a single religious space in Iraq, contribute to the preservation and development of national traditions, ethnic identity, and the establishment of Islam.

E.T. Chamzirin

MORAL PROBLEMS AND STAGES OF THE MAIN HERO
FORMATION IN THE STORY "SHORAAN"
BY CH. KUULAR

Keywords: Tuvan children's literature, the story "Shoraan", the blindness of the hero, the world of childhood, musical abilities. This article discusses the novel "Soraan" people's writer of Tuva Cerlic-ool Kuulara who have made significant contributions in Tuvan literature. The story focuses on the fate of a Tuvan teenager named Shoraan, a blind boy, as well as the writer's reflections on the happiness and fate of man. This paper analyzes moral problems and stages of development of the main character of the story "Soraan".

T.A. Koloskova, O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, E.P. Filippova
LOCAL STRUCTURAL CLASSIFICATION OF THE
REMARKS IN THE DRAMA TEXT

Keywords: remark, structure, dramatic text, location, dialogue, grammatical features. This article is devoted to the study of problems of linguistics of

драматургического текста. В работе рассматриваются лексико-грамматические особенности локально-структурной классификации ремарок на примерах из пьесы А.В. Вампилова «Старший сын», характеризуются вводные, вставные, прерывающие и завершающие ремарки. Авторами делается вывод о том, что преобладают ремарки с локацией в составе диалоговых реплик и комментирующие поведение персонажей.

dramatic text. The paper considers the lexical and grammatical features of the local structural classification of remarks based on examples from the play "Eldest son" by A.V. Vampilov. It describes introductory, insertion, interrupting and concluding remarks. The authors conclude that remarks with location in the composition of dialogue replicas and commenting on the behavior of characters prevail.

Л.К. Байрамова
РУССКАЯ, АНГЛИЙСКАЯ, НЕМЕЦКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ О ЧУЖБИНЕ И ОТЧУЖДЕНИИ

Ключевые слова: родина, чужбина, отчуждение, иллюзорный, космополит, одиночество, пословица.

В статье анализируются проблемы чужбины и отчуждения в морально-нравственном аспекте. Основными признаками отчуждения являются чувства изоляции от родины, одиночества, тоски – все они связаны с жизнью на чужбине. Разноязычными примерами раскрывается понятие космополитизма.

L.K. Bairamova
RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN AND FRENCH
PHRASEOLOGY ABOUT THE FOREIGN LAND AND
ALIENATION

Keywords: homeland, foreign land, alienation, illusory, cosmopolitan, loneliness, proverb.

The article analyzes the problems of foreign land and alienation in the moral aspect. The main signs of alienation are feelings of isolation from the homeland, loneliness, longing – all of them are associated with life in a foreign land. Multilingual examples reveal the concept of cosmopolitanism.

Ю.Ю. Балацкая
ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО СУБПОЛЯ 'ВНИМАНИЕ КАК
СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА'

Ключевые слова: идеография, фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, 'внимание как состояние'.

Статья посвящена изучению идеографической классификации фразеологических единиц, целостное значение которых реализует понятие 'внимание как состояние' с учетом достижений фразеологической, психологической и лингвокультурологической наук. Выделение и исследование отдельных фразеосемантических полей поможет при идеографическом описании фразеологического состава русского языка и при создании фразеологических словарей идеографического типа.

Yu.Yu. Balatskaya
IDEOGRAPHICAL CHARACTERISTIC OF
PHRASEOSEMANTIC SUBFIELD 'ATTENTION AS A
HUMAN STATE'

Keywords: ideography, phraseological-semantic field, phraseological unit, 'attention as a state'.

The article is devoted to the study of the ideographic classification of phraseological units, the integral meaning of which is realized by the concept of 'attention as a state', taking into account the achievements of phraseological, psychological and linguocultural sciences. Isolation and study of individual phraseological semantic fields will help in the ideographic description of the phraseological composition of the Russian language and in the creation of phraseological dictionaries of the ideographic type.

М.Г. Воднева, Т.С. Кондратьева
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД»
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т.ТОЛСТОЙ)

Ключевые слова: город, концепт, смысловые приращения, Т.Толстая.

В статье рассматриваются особенности концептуализации понятия «город» в рассказах Т.Толстой. Представлены результаты анализа смысловых приращений понятия «город», выявленных в текстах. Особое внимание уделяется индивидуально-авторским концептуальным признакам, реализованным во всех исследуемых произведениях и только в одном из них.

M.G.mVodneva, T.S. Kondratieva
INDIVIDUAL FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF
THE NOTION "CITY"
(BASED ON STORIES OF T.TOLSTAYA)

Keywords: city, concept, semantic increments, T.Tolstaya.

The article considers features of conceptualization of the notion "city" in the stories of T.Tolstaya. Given the results of the analysis of semantic increments of the notion "city", identified in the texts. Special attention is given to the individual conceptual features, realized in the examined author's works and in one text only.

Е.В. Меркель, Л.А. Яковлева
ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ

Ключевые слова: лексикография, этимология, семантика, структура, словарная статья, топоним.

В статье представлены основные этапы лексикографического описания топонимии Южно-Якутского региона. По итогам исследования были составлены словарные статьи, в которых выделены зона названия, зона толкования, этимологическая и словообразовательная зоны. Также определены группы топонимов по языку-происхождению, выявлены наиболее продуктивные принципы номинации топонимических объектов, произведена структурно-словообразовательная классификация топонимов, описаны семантические группы.

E.V. Merkel, L.A. Yakovleva
EXPERIENCE IN LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF
REGIONAL TOPONYMY

Keywords: lexicography, etymology, semantics, structure, dictionary entry, toponym.

The article presents the main stages of lexicographic description of the toponymy of the South Yakut region. Based on the results of the study, dictionary entries were compiled, which highlighted the name zone, interpretation zone, etymological and word-forming zones. Groups of toponyms by language origin are also defined, the most productive principles of toponymic object nomination are identified, structural and word-forming classification of toponyms is made, and semantic groups are described.

В.В. Радченко, Е.В. Тарабукина
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В
РЕКЛАМЕ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: речевая манипуляция, сетевой маркетинг, рекламные тексты.

V.V. Radchenko, E.V. Tarabukina
FEATURES OF SPEECH MANIPULATION IN
ADVERTISING AT GRAMMATICAL LEVEL

Keywords: speech manipulation, network marketing, advertising texts.

Статья посвящена изучению речевого манипулирования сознанием в масс-медиа на материале рекламных текстов компаний сетевого маркетинга. Рассмотрены основные направления речевого манипулирования, выявлены особенности использования языковых средств на грамматическом уровне с учетом специфики сетевого маркетинга.

The article is devoted to the study of speech manipulation of consciousness in the mass media on the material of advertising texts of network marketing companies. The main directions of speech manipulation are considered, peculiarities of using language tools at grammatical level are revealed taking into account specifics of network marketing.

И.В. Уткина

РУССКО-АРАБСКИЕ КОГНАТЫ В СИСТЕМЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОЙ

Ключевые слова: когнаты, трансференция, межъязыковое сопоставление, русский язык как иностранный.

В работе представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа лексики русского и арабского языков в виде неполного списка русско-арабских когнатов – слов, совпадающих по семантике и звучанию. Предложена классификация русско-арабских когнатов в соответствии со степенью совпадения значения.

I.V. Utkina

RUSSIAN-ARABIC COGNATES-WORDS IN THE VOCABULARY LEARNING SYSTEM

Keywords: cognates-words, transference, interlanguage comparison, Russian as a foreign language.

Russian and Arabic vocabulary comparative analysis results are presented in the paper in the form of an incomplete list of Russian-Arabic cognates-words that are similar in meaning and pronunciation. The author considers the classification of Russian-Arabic cognates depending on the completeness of the meaning identity.

Г.Р. Фахарова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, положительное отношение, отрицательное отношение, средства массовой информации.

В статье анализируются особенности функционирования глаголов межличностных отношений в современной публицистике. Актуальность данного исследования обусловлена изучением глагольных форм с позиции лингвистики текста. Обращение к текстам газет позволяет выявить специфику взаимоотношений между людьми, характер отношений между разными странами и определить особенности публицистического стиля.

G.R. Fakharova

FEATURES OF THE FUNCTIONING VERBS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN THE LANGUAGE OF MODERN MASS MEDIA

Keywords: verbs of interpersonal relations, positive attitude, negative attitude, media.

The article analyzes the features of the functioning of the verbs of interpersonal relations in modern journalism. The relevance of this research is due to the study of verb forms from the standpoint of text linguistics. Referring to the texts of newspapers allows you to identify the specifics of relationships between people, the nature of relations between different countries and to determine the features of the journalistic style.

Н.В. Аксёнова

ДЕОНИМИЗИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ В НЕОЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: современный английский язык, неолексика, имена собственные, деонимизация, словарный запас, стилистические и функциональные особенности.

Статья посвящена исследованию явления деонимизации как методу образования новейших лексических единиц современного английского языка. Цель исследования – выделить тематические группы имен собственных (ИС). Раскрывается новая тенденция, когда деонимизированные имена приобретают социальную компоненту и одновременно постепенно утрачивают этническую компоненту.

N.V. Aksenova

DEONIMIZED ELEMENTS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE NEOLEXIS

Keywords: the modern English language, proper names, neolexis, deonimization, vocabulary, stylistic and functional peculiarities.

The deonimization as a method of new words transformation in a modern English language is analyzed in the article. The main aim is to identify some thematic groups of deonimized names. A new trend where such names obtain a social connotation while gradually losing their ethnic reference is shown.

О.Ю. Богданова, В.Н. Бабаян, О.Л. Крамаренко ЗАГЛАВИЕ И ЗАГОЛОВОК С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ДИКТЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА И ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ

Ключевые слова: заглавие, заголовок, диктемная организация текста, лингвистика эмоций, диктемное имя текста.

В статье рассматриваются особенности заглавий художественных произведений и заголовков публицистических текстов с позиций диктемной организации текста и эмотивной лингвистики. Представленные диктемой особого рода, заглавие и заголовок являются диктемным именем текста, в котором эмоциональное состояние автора выражается с различной степенью эмотивности и экспрессивности.

O.Y. Bogdanova, V.N. Babayan, O.L. Kramarenko TITLE AND HEADING IN DICTEMIC STRUCTURE OF THE TEXT THEORY AND LINGUISTICS OF EMOTIONS

Keywords: title, heading, dictemic text organization, linguistics of emotions, dicteme text name.

The article considers the features of fictions' titles and journalistic texts' headings from the positions of dictemic text organization and emotive linguistics. Presented by a dicteme of a special kind, the title and the heading are the dictemic name of the text, in which the author's emotional state is expressed in different degrees of emotiveness and expressiveness.

К.А. Сахибуллина

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ЭРГОНИМОВ

Ключевые слова: орнитонимы, эргонимы, фразеологические единицы, названия брендов.

В статье проводится анализ фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом орнитонимом, которые встречаются в названиях

K.A. Sakhibullina

PHRASEOLOGICAL UNITS AS PARTS OF ERGONYMS

Keywords: ornithonyms, ergonyms, phraseological units, brand names.

The article analyses phraseological units with the component ornithonym, which are found in the names of companies and brands. Since the main properties of brand names are meaning

компаний и брендов. Так как основными свойствами названий брендов являются значение и краткость, фразеологические единицы, состоящие из двух-трех слов, часто используются для этой цели. Образ бренда анализируемых названий обычно строится в двух основных аспектах: фразеологическом значении или игре слов.

И.В. Уварова, А.М. Бальян, И.А. Борисенко
УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, речь, лексикон, характеристика.

Статья посвящена уровневой модели изучения языковой личности. Уровневая модель языковой личности позволяет выявить совокупность языковых и коммуникативных способностей, произвести анализ речевого портрета, интеллекта, лингвокультурных и возрастных параметров, ценностных установок данной языковой личности, ее социально-интерактивных и коммуникативно-прагматических способностей и умений. Такой способ изучения позволяет определить, к какому из типов относится языковая личность – к сильному, усредненному или слабому.

Ч.З. Абдуллина

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ДВУЯЗЫЧИЕ»

Ключевые слова: двуязычие, национально-русское двуязычие, диглоссия.

В настоящее время большую актуальность приобрели вопросы национальных отношений и двуязычия. В свете сказанного становится понятным то большое внимание и интерес, которые уделяются в последнее время исследованию проблемы двуязычия представителями различных областей науки: философии, социологии, психолингвистики, языкознания и др. Двуязычие – явление сложное, многоаспектное. Оно выдвигает множество «теоретически спорных, политически острых, практически важных» проблем.

Г.Ф. Гайнуллина, Б.К. Миннуллин

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -УВ В ТЕКСТАХ СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Ключевые слова: старотатарский литературный язык; письменные памятники периода Золотой Орды; татарская периодическая печать; грамматическая система; деепричастие.

В настоящей статье предпринята попытка научного изучения особенностей функционирования деепричастной формы на -ув в диахроническом аспекте на примере текстов старотатарских письменных памятников, относящихся к разным периодам его развития. В качестве фактического языкового материала были использованы тексты письменных памятников золотоордынского периода и тексты татароязычной арабографической периодической печати начала XX века.

Г.В. Галавова, А.Н. Гарипова, Л.Р. Закирова
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ БАДМИНТОНА)

Ключевые слова: спортивные термины, бадминтон, словообразование, язык, татарское языкознание, терминология физической культуры и спорта.

В статье рассматриваются спортивные термины бадминтона в татарском языке. Терминологическая система обладает присущими всем терминологическим системам особенностями и имеет свою базу словообразующих средств. Основной целью исследования является изучение состава спортивной терминологии бадминтона в татарском языке, определение основных способов образования терминов, а также выявление самых продуктивных способов образования данных спортивных терминов.

and brevity, phraseological units consisting of two or three words are often used for this purpose. The brand image of the analyzed names is usually built in two main aspects: phraseological meaning or word play.

I.V. Uvarova, A.M. Balyan, I.A. Borisenko
LEVEL MODEL OF THE STUDY OF LINGUISTIC PERSONALITY

Keywords: linguistic personality, communicative personality, speech, lexicon, characteristic.

The article is devoted to study of linguistic personality according to its levels. The method of level study of linguistic personality gives an opportunity to reveal a linguistic and communicative abilities in combination, to analyze its speech portrait, intellect, linguacultural and age parameters, value attitudes of given person and its socially-interactive and communicative-pragmatic abilities and skills. This way of studying allows to determine which of the types of linguistic personality belongs to: a strong, average or weak.

Ch.Z. Abdullina

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "BILINGUAL"

Keywords: bilingualism, national-Russian bilingualism, diglossia. Currently, issues of national relations and bilingualism have become more relevant. In the light of what has been said, it becomes clear that much attention and interest have recently been paid to the study of the problem of bilingualism by representatives of various fields of science: philosophy, sociology, psycholinguistics, linguistics, etc. Bilingualism is a complex and multidimensional phenomenon. It raises many "theoretically controversial, politically acute, and practically important" issues.

G.F. Gajnullina, B.K. Minnullin

THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE -YB PARTICIPLE IN OLD-TATAR WRITTEN MONUMENTS

Keywords: old Tatar literary language, written monuments of the Golden Horde period; Tatar periodical press, grammatical system, participle.

This article attempts to study the features of the functioning of the -yb participle in the diachronic aspect on the example of the texts of old Tatar written monuments. The texts of written monuments of the Golden Horde period and texts of the tatar-language arabic script periodical press of the beginning of the XXth century were used as the actual language material.

G.V. Galavova, A.N. Garipova, L.R. Zakirova
SPORTS FORMATION STRUCTURE OF SPORTS TERMINOLOGY (ON THE EXAMPLE OF BADMINTON'S TERMS)

Keywords: sports terms, badminton, word formation, language, Tatar linguistics, terminology of physical culture and sports.

The article discusses the sports terms of badminton in the Tatar language. The terminological system has the features inherent in all terminological systems and has its own base of word-forming means. The main purpose of the research is to study the composition of the sports terminology of badminton in the Tatar language, to determine the main ways of forming terms, as well as to identify the most productive ways of forming these sports terms.

О.Н. Галимова, И.И. Сабитова, Ф.И. Тагирова
О ТОЛКОВАНИЯХ СОМАКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: соматизм, зооним, лексикография, толкование.

В статье рассматриваются толкования отсоматических названий животных в словарях татарского языка. Исследование словарных дефиниций в синхронном и диахронном аспектах показало их построение по родовидовому принципу. Авторы придерживаются мнения, что в толкованиях отсоматических зоонимов дифференциальный признак – признак, лежащий в основе видового выделения, номинации животного. Работа способствует унификации толкования слов одной тематической группы.

А.Н. Гарипова, В.В. Теганиук
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: деривационная парадигма, конверсия, акронимы, словосложение, аффиксация, словообразовательная система.

В статье рассматриваются понятия «словообразование», «языковая игра», описаны различные точки зрения исследователей на данную проблему, приведены примеры словообразования в английском языке. Актуальность данной темы заключается в необходимости как теоретической, так и практической разработки вопросов словообразования. Подчеркивается, что активность словообразования является показателем того, как в действительности реализуется новое слово в речи. Делается вывод о том, что количественные показатели активности новых слов устанавливаются путем сопоставления общего количества основ, реализовавших свои возможности.

М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбаикова
КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ
«ART/ИСКУССТВО/КЭРЭ-ЭЙГЭТЭ» И
«NOTE/НОТА/НУОТА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ЯКУТСКОГО
ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, ассоциативное поле, методы, музыка, слова-стимулы, реакции, ассоциации.
В данной исследовательской работе представлено изучение структуры концепта «Music/Музыка/Муусука» в языковом сознании носителей английского, русского и якутского языков на примере слов-стимулов «искусство» и «нота». Теоретическая часть работы состоит из определенных ключевых понятий и методов исследования. В практической части представлен анализ результатов анкетирования, в ходе которого было выявлено, что структура изучаемого концепта и полученные реакции на слова-стимулы в большей степени различаются. Это обусловлено многовековой культурой и спецификой языков, на которых говорят носители английского, русского и якутского языков.

С.Б. Какваева
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАКСКОГО ГЛАГОЛА
Ключевые слова: семантика, морфология, эргативная, дативная (аффективная) и номинативная конструкции, лакский язык.

В статье дан обзор вопросов структуры кавказских языков, квалификация их типологического состояния, которые давно привлекали внимание исследователей, начиная с П.К. Услара и до современных представителей лингвистического кавказоведения. В фокусе внимания при этом оказались особенности выражения субъектно-объектных отношений в описываемых языках, т.е. вопросы, имеющие непосредственное отношение к семантике глагола.

O.N. Galimova, I.I. Sabitova, F.I. Tagirova
ABOUT TERMS INTERPRETATIONS OF COMPONENTS
WITH NAMES OF BODY PARTS

Keywords: somatism, zoonym, lexicography, interpretation.

In article interpretation of the somatic component animals names in Tatar dictionaries are considered. The research of dictionary definitions in synchronous and diachronic aspects showed their construction by the genus and sort principle. The authors hold the opinion that in interpretation of the somatic component zoonym differential sign – the sign which is lay on the base of a species selection, the animal nominations. The work contributes to the unification of the interpretation of one thematic group words.

A.N. Garipova, V.V. Teganiuk
LANGUAGE GAME IN WORD FORMATION
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH
LANGUAGE)

Keywords: derivational paradigm, conversion, acronyms, word structure, affixation, word formation system.

The article discusses the concepts of "word formation", "language game", describes the various points of view of researchers on this problem, gives examples of word formation in English. The relevance of this topic lies in the need for both theoretical and practical development of word formation issues. It is emphasized that the activity of word formation is an indicator of how a new word is actually implemented in speech. It is concluded that the quantitative indicators of the activity of new words are established by comparing the total number of bases that have realized their capabilities.

M.A. Degtiareva, M.I. Kysylbaikova
THE CONCEPT "MUSIC" IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF ENGLISH, RUSSIAN AND SAKHA NATIVE SPEAKERS
THROUGH THE STIMULUS WORDS "ART" AND "NOTE"

Keywords: concept, language consciousness, associative field, methods, music, stimulus words, reactions, associations.

The given article represents the research of the concept "Music" in language consciousness of English, Russian and Sakha native speakers through stimulus words "art" and "note". The literature review is focused on learning the definitions of the key words. The methodology consists of associative and receptive experiments. They were used to reveal the features of the structure and perception of the concept "Music". The results of the survey indicate that there are mostly different reactions to stimulus words and concept, which were caused by long-term cultures and language features of English, Russian and Sakha native speakers.

S.B. Kakvaeva
FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF THE LAK VERB
Keywords: semantics, morphology, ergative, dative (affective) and nominative constructions, Lak language.

The article provides an overview of the issues of the structure of the Caucasian languages, the qualification of their typological state, which have long attracted the attention of researchers, starting with P.K. Uslar and up to modern representatives of linguistic Caucasian studies. At the same time, the focus of attention was on the features of the expression of subject-object relations in the described languages, i.e. questions directly related to the semantics of the verb.

Б.К. Миннуллин
**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО
 ВРЕМЕНИ НА -DYQ В ТЕКСТАХ ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ
 АРАБОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
 НАЧАЛА XX ВЕКА**

*Ключевые слова: татарская периодическая печать;
 старотатарский литературный язык; язык газеты;
 грамматическая система; причастие.*

Целью настоящей статьи является научная разработка функционирования грамматической системы текстов татарской периодической печати межреволюционного периода 1905 – 1917 гг., в частности, одной из наиболее распространенных причастных форм – показателя на -dyq, на примере текстов газеты «Вақыт» (Оренбург, 1906-1918 гг.). Научная новизна статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках изучения грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века проводится научная разработка функционирования причастия на -dyq на примере текстов указанной газеты.

Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова, Л.Х. Шаяхметова
**АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ (ИСТОРИЯ
 ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В ТЮРКОЛОГИИ И ТАТАРСКОМ
 ЯЗЫКОЗНАНИИ)**

*Ключевые слова: абстрактные существительные, суффиксы,
 словообразование, тюркология, татарское языкознание.
 В статье рассматривается история изучения абстрактных
 существительных. Как в тюркологии, так и в татарском
 языкознании абстрактные существительные представляют
 собой сложную и малоизученную категорию субстантивов.*

Е.Ю. Семушина
**СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНО
 ИЗМЕНЕННОЙ ПОСЛОВИЦЫ С РУССКОГО НА
 АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

*Ключевые слова: окказиональная трансформация; пословицы;
 субституция; эквивалент; аналог.*

*В статье рассматриваются способы передачи окказиональной
 пословицы на язык перевода. Исследование направлено на
 выявление адекватных способов передачи окказионального
 явления при сохранении интенции автора. Особое внимание
 уделяется следующим аспектам: способы изменения пословицы
 (субституция компонента, части пословицы или усечение),
 наличие эквивалента в языке перевода и влиянию данных
 факторов на качество перевода.*

Г.Л. Соколова, А.Л. Коляго
**ПОВТОР КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА
 ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
 В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Keywords: марийский язык, сложное предложение,
 экспрессивность, фигуры речи, повтор.*

*В работе рассматривается повтор, как одна из эффективных
 стилистических фигур экспрессивного синтаксиса в сложном
 предложении в марийском языке. Повтор используется в
 разных типах сложных предложений с целью предания речи
 образности, выразительности и эмоциональности.*

А.Я. Хусаинова, Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова
**ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
 ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ИРКУТСКОЙ
 ОБЛАСТИ**

*Ключевые слова: Переселенческие говоры, материнские говоры,
 диалектизмы, диалектная лексика, татарская диасистема.
 В данной статье рассматривается специфика татарских
 переселенческих говоров Иркутской области в фонетическом и
 лексическом аспекте. Выявляются и анализируются
 диалектизмы, свидетельствующие о сохранности основы
 материнских говоров.*

В.К. Minnullin
**FUNCTIONING OF THE -DYQ PAST PARTICIPLE IN THE
 TEXTS OF THE TATAR-LANGUAGE ARABIC SCRIPT
 PERIODICAL PRESS OF THE BEGINNING OF THE XXth
 CENTURY**

*Keywords: Tatar periodical press, old Tatar literary language,
 newspaper language, grammatical system, participle.*

*The purpose of this article is the scientific development of the
 functioning of the grammatical system of the texts of Tatar
 periodicals of the inter-revolutionary period of 1905 – 1917, in
 particular, one of the most active -dyq participial on example of
 the "Vakyt" (Orenburg, 1906-1918 years) texts. Scientific
 innovation of the article lies in the fact that the functioning of the
 -dyq past participle in the texts of the "Vakyt" is studied in the
 Tatar linguistics for the first time.*

F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova, L.Kh. Shayakhmetova
**ABSTRACT NOUNS (IN THE TURKIC AND TATAR
 LINGUISTICS)**

*Keywords: abstract nouns, suffixes, word formation, Turkology,
 Tatar linguistics.*

*The article deals with the history of studying abstract nouns. In
 Turkology and Tatar linguistics, abstract nouns are a complex
 and poorly studied category of substantives.*

E.Y. Semushina
**PECULIARITIES OF TRANSFERRING INSTANTIAL
 PROVERBS FROM RUSSIAN TO ENGLISH**

*Keywords: instantial transformation; proverbs; substitution;
 equivalent; analogue*

*The article discusses ways of translation the occasional proverb
 into the target language. The research is aimed at identifying
 adequate ways of transferring the phenomenon while preserving
 the author's intention. Special attention is paid to the way of
 changing a proverb (substitution of a component, part of a
 proverb, or allusion), the existence of the equivalent in the second
 language and the influence of the aspects on the quality of
 translation.*

G.L. Sokolova, A.L. Kolyago
**REPETITION AS A STYLISTIC FIGURE OF SPEECH
 EXPRESSIVENESS IN COMPLEX SENTENCE IN THE MARI
 LANGUAGE**

*Keywords: Mari language, complex sentence, expressiveness,
 figures of speech, repetition.*

*The study deals with repetition as one of the most effective
 stylistic figures of expressive syntax in complex sentence in the
 Mari language. Repetition is used in various types of complex
 sentences in order to make speech more imaginative, expressive
 and emotional.*

A.Ya. Khusainova, F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova
**PHONETIC AND LEXICAL FEATURES OF TATAR
 MIGRANT DIALECTS OF THE IRKUTSK REGION**

*Keywords: Migrant dialects, mother dialects, dialectisms, dialect
 vocabulary, Tatar dialect system.*

*This article discusses the specifics of Tatar migrant dialects of the
 Irkutsk region in the field of phonetics and vocabulary.
 Dialectisms are identified and analyzed that indicate the
 preservation of the basis of mother dialects.*

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 22.10.2020 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 22.10.2020

14,2 усл.печ.л. 16,8 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3710.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»